

ПРОЗА

Юрий Тотыш. Разведка боем. Рассказ	3
Михаил Анохин. Ведьма из Прокопьевска Нинка Давляшина. Повесть	20
Владимир Иванов. Две судьбы – одна война. Рассказ	36
Борис Климычев. Квартира в Томске	45
Дмитрий Хоботнев. Тепло пахнет кровью. Рассказ	58
Иван Булах. Рассказы	61

ПОЭЗИЯ

Евгений Семичев. Стихи о войне и Победе	70
Иосиф Куралов. Вокруг тебя сверкает каждый атом	75
Сергей Яковлев. Что-то задумали дали... ..	81
Агата Рыжова. Полюби меня, человечество, и согрей	85
Таяна Тудегешева. Фиалки живут по таёжным законам	88
Виктор Киселёв. Мужиков привезли	92

КНИГА ПАМЯТИ

Владимир и Ольга Сухацкие. Чем богаты, тем и рады (Питание кемеровчан в XX веке) (Окончание)	95
Раиса Кулябина. Не забыть до конца жизни	124
Александр Колтун. Где ты, Гена?	128
Нелли Соколова. Чему служила и служу	130

ЭССЕ

Сергей Подгорнов. Дом	133
-----------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий Красников. Отечество Пушкина в опасности!.. ..	140
Любовь Скорик. Знак из детства	153

КНИГА ПАМЯТИ

Пётр Бугаев. По ту сторону взгляда	157
--	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Владимир Ерёменко. Праздник в раю	163
---	-----

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Наталья Дмитриева. Бийский пимокат Владимир Кочергин	167
--	-----

СВЕТЛИЦА

Юрий Климанов, Арсения Зайцева. Стихи Устами детей говорит мир: Денис Попов. Рассказ. Дарья Бирюкова, Александра Комарова, Валентина Иващенко, Екатерина Сулакшина. Стихи. Дарья Измайлова. Сказка. Елена Башарова. Стихи. Лиза Калачикова, Дарья Лунегова. Стихи. Хиханьки да хахоньки. Подготовил Семён Гапеев.	170
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Руслана Ляшева. Записиловская запорожская сечь и казачий дух (о книге Гария Немченко «Дух черемши»).	177
Сергей Донбай. Душа, мысль и мыскулы Кузбасса (О сборнике стихотворений «Шахтёрская доля такая...»)	181

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

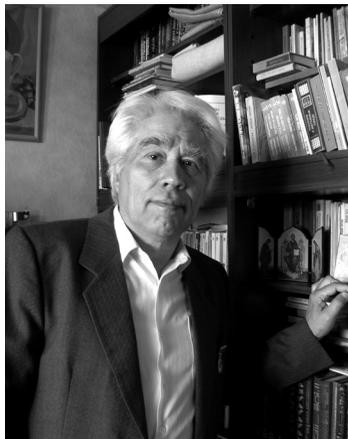
Литературная хроника. Подготовила Н. Мурзина	183
--	-----

Юрий Тотыш

Разведка боем

РАССКАЗ

К вечеру у меня поднялась температура. Я чувствовал, как накаляется тело. Лицо загорелось, в горле запершило, голос охрип.

Я испугался. Еще не хватало занедужить именно сейчас, когда вот-вот подойдет новое пополнение. У меня в роте осталось всего семнадцать солдат, меньше взвода. Новичков надо лично встретить, притереть к боевой обстановке.

Решил зайти в медсанбат, получить таблетки и наставление врача, как быстро справиться с недугом. Надел шинель, на ноги валенки, на голову шапку и, повесив на плечо автомат, вышел из комнаты.

В сенцах наткнулся на тетю Дашу. Женщина тащила перед собой большущую охапку соломы.

– Возвращайся, милоч, в комнату! – крикнула она. – Буду лечить тебя.

Я любил хозяйку, как мать. Это женщина лет пятидесяти. Все в ней огромно: рост под два метра, грудь, которой хватило бы на пять младенцев, бедра в два мужских охвата. Она носила обувь 45-го размера. Говорят, у тети Даши муж по сравнению с ней карлик. С первых дней войны он где-то потерялся на фронте.

Хозяйка бросила солому возле печи, не-

сколько пучков затолкала глубоко в топку, подожгла. Яркий огонь загудел, приятное тепло растеклось по комнате.

Я повесил на вешалку шинель, снял фуфайку. Оказавшись в одной тонкой гимнастерке, вновь ощутил холод. Меня так занобило, что зубы заклацали, словно после купания в проруби.

Тетя Даша решительно взяла меня за руки. Не успел я понять, что к чему, как очутился на печке, которая занимала треть комнаты. Там стащил с себя валенки, портянки, бросил в руки хозяйки и улегся на ватную подстилку, укрывшись куском овчины.

Пока отогревался, тетя Даша приготовила настой из меда, пихты, ромашки, лопуха и еще какой-то травы. В лечебную смесь щедро добавила самогон и в глиняной кружке подала мне.

–пей до дна!

Превозмогая отвращение, влил в себя горько-сладкий отвар и получил такой ожог горла, что стал губами хватать свежий воздух. Отдышавшись, успокоился и уснул.

Ночь мелькнула у меня через беспомощность. Когда открыл глаза, было девять часов утра. В каждом углу хаты держался свет.

Мне не хотелось шевелиться, подниматься. Я ощущал себя слабым и... здоро-

Тотыш Юрий Софронович родился 15 ноября 1936 года в г. Обдорске Омской области. Работал заместителем редактора газеты «Кузбасс», директором областного радио, редактором газеты «Земляки». Ныне директор редакционно-издательской фирмы «Весть». Автор 6 книг прозы. Печатался в журналах «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Сова».

Живет в Кемерове.

вым. Температура ушла из тела.

Но полежать не дали. Явился связной от комбата, добросовестный младший сержант с широким лицом. Он козырнул и сказал, что меня срочно требует к себе майор Любарский.

Приказ есть приказ. Я спустился с печи, натянул на себя валенки, подошел к умывальнику над ведром около двери. Пока умывался, тетя Даша выставила на стол галушки со сметаной.

Я поел, выпил чаю и почувствовал себя сильным. В бодром состоянии вышел из хаты и с головой окунулся в звуки войны. На окраине взывала самоходка. Водитель для чего-то включал машину и тут же выключал. Будто слон вскрикивал от боли. Потом звук стал удаляться. Его место заняла стрельба из пулеметов, винтовок и даже взрыв мины. Все настолько привычно для меня, что скоро я перестал что-либо слышать.

Шел, поскрипывая валенками по снежному насту, и думал о своём, пока над головой истошно не завизжала болванка. Словно тысяча бормашинок включилась возле моего уха. Я уткнулся носом в снег, зажал ладонями уши.

Бормашины пролетели на окраину деревни. Немцы время от времени вместе с обычными снарядами запускали болванки, чтобы подергать нам нервы.

Снова наступила относительная тишина. Я встал, чертыхаясь, рукавичкой сбил налипший на шинель снег, поправил шапку и заторопился в штаб батальона, мечтая вернуться к тете Даше на теплую печку.

Пока шел по улице, снова почувствовал озноб. Все-таки еще не долечился.

Постепенно мысли вернулись к комбату, и настроение окончательно испортилось. Уже два месяца мои отношения с майором напоминали биллиардную игру. У него в руках был кий, которым он гонял меня словно шар по черным лузам. Мне удавалось только чудом избегать смерти. Тетя Даша однажды

очень странно посмотрела на меня и сказала:

– За тобой, милок, два ангела-хранителя и еще одна женщина.

За годы войны со мной бывало такое, что невольно поверишь в ангелов-хранителей. После пехотного училища я оказался на Ленинградском фронте. Будучи заместителем командира роты, проверял, как солдаты несут охранно-сторожевую службу на передовой. В нагрузку политотдел дивизии назначил еще внештатным агитатором и пропагандистом среди немецких солдат. Во!

В качестве оружия мне выдали рупор и листовки на немецком языке. Я выходил на передовую, зачитывал через рупор содержание листовки: «Ахтунг, ахтунг! Дойче зольдаты!» И дальше говорил о том, что война, начатая фашистами, является несправедливой со стороны Германии. Советский народ вынужден защищать свою страну, свой народ».

Однажды весной я, как обычно, взял рупор, листовку, выбрался на нейтральную полосу. Перелез через забор нашей обороны, устроил себе настил прямо на болоте, прилег, направил рупор в сторону противника и стал зычным голосом передавать текст.

В ответ немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Мне не давали приподняться свист пуль и разрывы мин вокруг.

Я свалился с настила в черную воду и стал судорожно передвигаться вдоль забора ближе к своей огневой точке. Выбрав момент, осмотрел себя. Рупор весь измят и пробит, шинель в дырках даже на груди, но тело не повреждено. Как после этого не поверишь в ангелов-хранителей, которые оберегают твою жизнь?

И все же было противно, что комбат своими приказами старается вновь и вновь отправить меня на смерть. Причина в смазливой Машеньке, санинструкторе моей роты. Раньше она работала хирургической сестрой в медсанбате. Не знаю, что уж там

с ней произошло, но девушку отправили на передовую. Ходили слухи, что она «отказала» комбату, который славился у нас в полку как первый бабник.

По своим способностям и опыту он мог давно командовать полком. Неумная и неистовая любовь к женщинам не давала ему подняться выше батальона. За ним всегда тянулись хвостом скандалы. Обиженные дамы, которых он безжалостно бросал, тут же отправлялись с жалобой к начальству. Тому в боевой обстановке некогда было разбираться в интимных отношениях подчиненных, поэтому оно рубило с плеча.

Как анекдот рассказывали о том, как молоденькая врачиха из медсанбата забеременела и пошла искать управу на Любарского к командиру полка. Тот вызвал комбата, не дал ему рта раскрыть, приказал:

– Наслышан о твоей неумности, майор! Женись! Через три дня доложишь о выполнении приказа.

Через три дня комбат, как ему было приказано, явился к командиру полка и смущенно доложил, бегая глазами из стороны в сторону:

– Не могу выполнить ваш приказ, товарищ подполковник! У меня уже есть жена и трое детей в Москве. Как быть с ними?

Тут командир полка понял свою промашку. Приказ отменил, но комбату, не моргнув глазом, строго наказал:

– Ты, майор, свои личные вопросы решай сам. Чтобы у меня не было больше жалоб от твоих беременных женщин. Еще одну получу, пойдешь под трибунал за моральное разложение.

Любарский каким-то образом уладил с врачихой. Бедную женщину отправили в тыл рожать. Но под юбки комбат продолжал успешно заглядывать.

Осечка у него получилась только с Машей. Не помогла даже угроза отправить на передовую. Когда строптивую девушку не удалось сломить, он добился, чтобы она по-

шла под пули у меня в роте.

Новый санинструктор оказалась находчивой, умелой, самоотверженной. Раненых вытаскивала горяченькими из-под огня и многим спасла жизнь.

Сколько раз я пытался наградить девушку медалью «За отвагу», но комбат отказывался подписывать мои представления. Говорил: «Пока не заслужила!» После таких отказов я со злостью думал: «Если бы сда-лась тебе, то не только медаль, но и орден бы щедро повесил ей на юбку».

У таких любителей, как Любарский, отпор только разжигает похоть. Он продолжал домогаться девушки, требовал от меня, чтобы я посылал ее к нему. Я отказывал.

Маша в свою очередь однажды разозлилась и сказала ему, что любит меня и не хочет иметь дело с ним. Вот тут Любарский понял, что его лодка налетела на льдину и перевернулась. Он понимал, что любящую женщину невозможно склонить к сожительству, и за-таил злобу на меня.

Я оказался в положении израильского полководца Урии, которого царь Соломон, влюбленный в его жену, отправил на смерть. Комбат стал подкидывать мне такие задания, после которых трудно вернуться назад живым. Возьми у немцев то одну укрепленную высоту, то другую. Проведи разведку боем! Интересно, что сегодня он придумает?

С противным тревожным настроением я открыл скрипучую калитку и вошел в просторный двор, где молодая хозяйка с блестящими ласковыми глазами, поднимаясь на цыпочки, отчего ее полненькие ножки открывались выше колена, развешивала на веревке только что отстиранную гимнастерку, с которой еще капала вода.

Наш комбат был не только первым бабником в дивизии, но и щеголем. Всех поразало, как он умудрялся в условиях, когда приходилось прятаться на земле и под землей от мин, снарядов, уклоняться от пуль, всегда носить отутюженную без грязных пя-

тен форму.

Когда я видел, как он, стараясь не запачкаться, выбирается из траншеи и начинает тщательно сбивать пальцем комочки глины с гимнастерки, на ум приходило только одно слово: «Петух!»

Мы, ротные, конечно, знали, откуда такая опрятность. Любарский беспощадно заставлял своего связного и женщин, которых любил, каждый день стирать, сушить, гладить белье, гимнастерки, чистить китель, галифе. Такое внимание к чистоте в наших условиях смахивало на паранойю.

Когда я вошел в хату, Любарский, узколицый, высокий, поджарый, мосластый, в облегающей гимнастерке с белым воротничком стоял возле окна и задумчиво дышал в открытую форточку. Над красными вывернутыми влажными губами дымок свивался и кольцами уносился в синее небо.

Увидев меня, комбат отвернулся от окна. Скрепя новенькими кожаными сапогами, подошел к столу. Там в блюдце сильным движением раздавил окурочек, взял карандаш и ткнул в расстеленную топографическую карту.

– Сегодня ночью со своей «сестренкой» (так мы называли роту) выходи на юго-западную окраину села Верское.

Всего лишь два дня назад я закончил обучение новобранцев. В километре от фронта они лазили по оврагу, штурмовали отвесные стены, окапывались и стреляли, стреляли, стреляли.

Потом приехала комиссия из дивизии. Под приглядом заместителя командира дивизии полковника Царегордцева солдаты выполнили все упражнения на «хорошо» и «отлично».

После экзаменов начальство крепко похлопало мне руку и пообещало отметить мой вклад в приказе. Я, как положено, ответил: «Служу Советскому Союзу!» и приготовился зачислить новых солдат в свою роту. Но комбат распорядился по-своему: всех но-

вобранцев растолкал по другим подразделениям. У меня остались семнадцать человек, меньше взвода.

Новый приказ Любарского я расценил как очередное желание послать меня на верную гибель. Село Верское находилось в полутора километрах от позиций батальона. Мы не знали, сколько там немцев, какое вооружение. Надо было атаковать противника ночью вслепую.

Приказ есть приказ! Я был дисциплинированным. Дома слушал отца, в армии командиров. Мой мозг всегда был настроен только на выполнение приказов. Теперь, выходя от комбата, я прокручивал в голове идеи, как взять это треклятое украинское село.

Во дворе хозяйка продолжала доставать из полной корзины белье и развешивать на веревку, протянутую от хаты до стайки. Возле нее крутился, как кот у сметаны, мой связной Никита, двадцатилетний, широкоплечий блондин с голубыми глазами, в кубанке, из-под которой выбивался желтый кудрявый вихор. Двумя руками он держал корзину и заходил с разных сторон, чтобы женщине было сподручней брать чистое белье. Увидев меня, Никита поставил тяжелую корзину на снег возле ног молодки, извинился и шагнул к калитке, придерживая на плече автомат.

На улице я рассказал ему о приказе, попросил, пока до вечера далеко, подобраться к селу и разведать обстановку. Надо было хоть что-то узнать о немцах. Я не привык воевать вслепую.

Мой связной был из терских казаков. Его предки еще в царской армии воевали пластунами. По рассказам Никиты, дед имел трех Георгиев, как Буденный. Отец воевал в Первой Конной. В тридцатых годах, благодаря своим заслугам, он сумел выторговать право у Советской власти не вступать в колхоз. По тому, как мягко, неслышно ходил Никита, как ловко навскидку без промаха

стрелял из автомата, карабина, в нем чувствовалась природная воинская жилка.

Ко мне в роту он попал после ранения, а до этого воевал в десанте. Посмотрев его в первом бою, когда он подполз и подорвал гранатой пулеметное гнездо немцев, я оценил парня. Он стал для меня не только связным, телохранителем, но и разведчиком. В особо трудных случаях я посылал его даже в ближний тыл немцев.

Раза два Никита оттуда приводил «языков», за которых полковая разведка цеплялась мертвой хваткой. Несколько раз разведчики пытались Никиту отобрать у меня, но я тоже стоял на смерть за своего парня. По сути, мы были с ним друзьями.

Выслушав меня, Никита прибавил шаг и вскоре исчез на другом краю деревни. Когда я подошел к хате тети Даши, он в белом маскировочном халате изображал из себя сугробик в ста метрах от первого дома Верского.

Тетя Даша вновь взялась лечить меня, как только я вошел в дом. Заставила раздеться по пояс, положила животом на лавку, поставила банки по всей спине. Сверху набросила простыню.

В комнату заглянул Колпаков, командир взвода. Постоял надо мной, потрогал пальцами сквозь простыню банки и пожаловался хозяйке:

– У меня что-то со вчерашнего дня тоже хрипит в груди. Нужно оттянуть дурную кровь от легких.

– Сперва подготовь солдат к атаке на Верское, потом возвращайся! – сказал я, не поднимая головы.

Колпаков прокашлялся и бросился из хаты.

Хозяйка сняла с меня банки, протерла самогонкой красные вздутия и вновь отправил на печь. Там я укрылся овчиной, уснул до вечера.

Когда проснулся, за столом увидел Никиту. Он жадно черпал деревянной ложкой

борщ из большой деревянной чаши и жмурился от удовольствия, проглатывая красную с кусочками мяса горячую жидкость

Тетя Даша в шерстяной кофте сидела напротив и с любовью смотрела на кубанца, подпирая ладонью щеку. Было видно, что он нравится ей, напоминая мужа. Свое радушие к моим солдатам она объясняла так: «Может, сейчас мой Мыколка тоже столует у доброй женщины. Я кому-то помогу, моему чоловіку помогут».

Когда я спустился с печи, она освободила место у стола, подошла к печке, в жерле которой грелись кастрюли, чугунки. Я не успел присесть, как возле меня оказалась тарелка с борщом. Взял ложку, спросил Никиту:

– Что увидела разведка?

– В селе около роты. Посты охранения слабые. Солдаты, в основном, сидят по домам, там греются и держат оборону. Атаки не ожидают.

Никита доел борщ, облизнул ложку и поднялся. Я попросил его собрать «сестренку» у бугра. От наших позиций поднималась черно-белая, перепаханная минами возвышенность, которая через триста метров перегибалась и уходила вниз к Верскому.

Как только стало смеркаться, с мутного неба повалил легкий снег, вся «сестренка» из семнадцати человек в маскировочных халатах залегла на гребне, жадно оглядывая село в низине.

Солдаты прикидывали, с какой стороны легче подобраться к хатам. Я в бинокль с опаской разглядывал каменную церквушку в середине села. Если немцы держат на колокольне пулемет, то под прицелом может оказаться вся моя убогая рота.

Колпакову приказал с пятью бойцами подобраться к селу слева, как только хорошо стемнеет, и атаковать церковь; второй группе под командованием старшины Чунтонова выйти на юго-западную окраину Верского. Я вместе с Никитой, двумя бойцами и Машей начну с севера, чтобы создать у немцев впе-

чатление окружения превосходящими силами. В темноте они не смогут правильно оценить обстановку. Начнется паника. Она-то и станет нашей главной ударной силой.

– Товарищ старший лейтенант! – раздался шепот за моей спиной. Я оглянулся и увидел худого заросшего солдата с катушкой телефонного провода на спине. Это был связист, который вместе с напарником тянул провод от командирского пункта Любарского до нашего гребня. Я приказал ему зайти здесь, пока не возьмем село. Потом они должны протянуть провод до моего нового командного пункта.

Связист снял с себя катушку, отстегнул лопатку и, выбрав в двух метрах от меня ямку – след от разрыва мины, – стал проворно готовить временное укрытие. К нему с кайлом присоединился маленький, как липнут, напарник.

Ребята сноровисто отбрасывали мерзлую землю. Я подумал: «Сколько же бедным солдатам пришлось перекопать с начала войны и сколько еще придется! Если все, что они подняли лопатами, сложить на одном квадратном метре, поднимется башня до самого неба!»

От философских размышлений меня отвлек немец, который вышел из крайней хаты, прямо на крыльце повернулся спиной к нам, задрал вверх полы шинели и спустил штаны, открывая белый зад.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите закупорить ему точку? – прохрипел рядом Никита, приподнимая автомат.

– Отставить! – оборвал я. Еще не хватало обнаружить себя раньше времени. Тогда из других хат нас ошпарят таким горячим огоньком, что потом будем чесать свои задницы.

Расстроенный Никита опустил автомат и стал пристально разглядывать что-то на другом краю села.

Когда окончательно стемнело, группы, маскируясь в снегу, поползли вокруг плет-

ней, которые хорошо прикрывали моих проворных солдат.

Немцев тоже не было видно. То ли они все уползли в хаты, то ли удачно попрятались в окопах охранения. Но это уже не имело значения. Запущенный боевой механизм неудержимо затикал. Ровно в полночь мы бросимся со всех сторон на село, чтобы выполнить приказ.

Наконец толстая короткая и длинная стрелки слились на 12-ти. Мы с Никитой, Машей и двумя солдатами поднялись. Стреляя на ходу, бросились к крайней хате, с крыльца которой оправлялся немец.

На южной окраине застучал пулемет. У церкви взорвались две гранаты.

В селе начался бой. Мы в каком-то самозабвении, словно в душевном тумане, бежали по улице, палили куда попало, бросали гранаты тоже куда попало, чтобы только нагнать страх на противника.

И это нам удалось. Из хат выскакивали темные фигуры и лавиной неслись по улице впереди нас. На окраине эту лавину не смогла удержать группа старшины. Впрочем, она и не удерживала, давала широкий проход. Только бы немцы не очухались, не стали сопротивляться.

Стреляя в темноту вокруг себя, они умчались в заснеженное поле и там пропали, словно разом прыгнули в пропасть.

Когда я со своими выскочил к околице, группа старшины всю лопатами и кайлами рыхлила землю, выкапывая траншею. К ним подбежала пятерка Колпакова и мои солдаты.

Мы стали искать место для командного пункта. Оно оказалось рядом возле пустого дома. Никита первым обнаружил просторный каменный погреб с яблоками и даже бочонком, от которого пахло вином.

Старшина кинжалом выбил деревянную пробку, наклонил бочонок, но оттуда ничего не вытекло. Чунтонов разочарованно выматерился на проклятых фрицевских мароде-

ров и отбросил бочонок в угол.

Спустилась Маша с раненым в щеку солдатом. Огляделась, куда бы его посадить. Бочонок показался самым надежным стулом. Только направилась к нему в угол, как Никита опередил. Схватил бочонок и поставил на середину погребца.

На него Маша усадила раненого и попросила связиста посветить. Достав из сумки вату, бинт, йод и скальпель, стала быстро и умело обрабатывать рану. Через десять минут нижняя половина лица была в бинтах, над которыми виновато темнели страдающие глаза.

Вернулся Никита со связистами. Раненый мог идти, его отправили в санбат своим ходом, на бочонок, который он освободил, поставили телефонный аппарат. Связист покрутил ручку и подал трубку мне. Сквозь треск я услышал четкий голос комбата.

Доложил о том, что Верское взял. Потерь среди личного состава нет, один солдат ранен в лицо.

В ответ последовало долгое молчание. Я слышал тяжелое сопение в трубке, словно бык дышал над коровой. Наконец Любарский приказал немедленно вернуться на исходные позиции в... Романовку.

У меня из руки выпала трубка, которую ловко налету подхватил Никита. Наверное, подвал никогда не слышал таких матерков, которыми я целую минуту отводил душу перед изумленными солдатами.

Когда запал кончился, приказал Колпакову собрать роту и начать отход на прежние позиции. Командир взвода обрадованно выскочил из погребца, за ним полезли Маша и старшина. Связисты стали проворно скручивать провод. В заплечный мешок упрятали телефонный аппарат. Последними выбрались мы с Никитой. Уже на поверхности меня чуть не сбил с ног старшина, устремляясь назад в погреб.

– Ты чего там забыл? – удивился я.

– Хочу в бочонке оставить фрицам свое

шампанское.

– Я тоже! – поддержал его Никита и вслед нырнул в черный провал.

– Через минуту оба выбрались оттуда, довольно посмеиваясь.

Мы, увешанные оружием, толпой пошли по центральной улице. Хаты казались неживыми.

У себя в Горной Шории я встречал брошенные деревни в тайге. Они почему-то на меня наводили ужас, как кладбища, где нет даже духов. От полусгнивших домов таких деревень несло больше смертью, чем от трупов на войне. Оглядываясь, я вновь почувствовал неприятное волнение под сердцем и ускорил шаг.

На мгновение мы задержались только возле церквушки. Она тоже выглядела пустой, мертвой и стояла, словно памятник. «Хорошо, что немцы не догадались вооружить колокольню пулеметом», – подумал я.

9 Поднялись на гребень, за спиной услышали далекий гул. Мы замерли, оглянулись. Хотя ночь в разгаре, снег и круглая луна давали столько света, что можно было читать.

По лощине с другой стороны к Верскому двигались немецкие танки, за ней мотопехота. В село входила очень крупная немецкая часть. Я снова подумал об ангелах-хранителях. Останься мы еще на полчаса в селе, эта сила раздавила бы нас, как клопов, за пять минут.

Я попросил связистов соединить меня с комбатом, по телефону доложил о прибытии в Верское механизированных сил противника. Любарский спросил, где я в данный момент нахожусь. Когда узнал, приказал немедленно возвращаться в деревню и дать отдых «сестренке».

– Завтра у тебя будет новое задание, – многозначительно пообещал он и резко прервал связь. Я мысленно послал его к черту и пошел, не оглядываясь, со своими солдатами в Романовку.

Тетя Даша, как всегда, встретила меня

дружелюбно, усадила за стол и выставила самогонку из вишни. Я хотел отказаться, но она замахала руками: «Пей!» Мне-де надо еще полечиться, а лучшего средства от простуды нет. Пришлось зажмурить глаза и выпить.

Из головы не выходил приказ комбата взять Верское, а затем скоростно оставить село.

Я подумал: он едва ли организовал атаку без ведома командира полка. Наверное, замысел все-таки шел от верхнего начальства. Но Любарский распорядился по-своему. Не зная, какие силы немцы держат в селе, бросил для разведки боем мою хилую «сестренку», чтобы посмотреть, как они встретят ее. Когда атака удалась, стратегические замыслы верхнего командования неожиданно изменились. Верское оказалось ненужным. Меня отвели назад, чтобы завтра бросить в другое место. Не знаю почему, но моя рота, а скорее всего ее огрызок, в чем-то устраивал начальство.

Я не стал ломать голову над замыслами командования, хорошо поел, поблагодарил тетю Дашу и уже в четвертом часу ночи забрался на печь, где уснул как убитый.

Давно рассвело, когда открыл глаза. Хозяйка в просторном халате с короткими рукавами сидела на лавке под образами и, наклонив голову, гребнем тщательно расчесывала серые от седины волосы.

Около хаты прошел танк. Земля задрожала, с потолка посыпалась штукатурка. Хозяйка даже не подняла глаза. Как расчесывала волосы, так продолжала расчесывать.

Человек, живущий рядом с передовой, где война каждую минуту размалывает людей, словно ступой в чугунке, не обращает внимания на такие мелочи, как движение тяжелой техники по улице.

Я спустился с печи, подошел к умывальнику. Только намылил лицо, шею, грудь, как без стука вошел связной комбата и сообщил: мне приказано со своей «сестренкой» срочно

перебазироваться к Завгороднему, командиру первого батальона на правый фланг.

Смывая пену с шеи, спросил связного:

– Сам Любарский распорядился?

– Не-е, командир полка. Он был в штабе.

Все-таки и в этом я увидел происки моего комбата. Видимо, решил окончательно избавиться от меня. Не захотел передать соседу полную роту.

Я умылся, позавтракал галушками со сметаной. Галушки были такие вкусные, что сами лезли в рот и без задержки проскальзывали в желудок.

После завтрака довольство растеклось по мне теплой волной. Казалось, что из жизни исчезли темные крапинки. Заискрились солнечные зайчики.

Когда зашел Никита, я приказал собрать «сестренку» в полном боевом оснащении у хаты тети Даши.

Погода на улице была яркой, небо синим, но дул резкий обжигающий морозом ветер.

10 Пришлось натянуть поглубже на голову капюшон. Все мы – в белых маскировочных халатах, в валенках. Кто нес винтовку, кто автомат, двое тащили пулемет. Коробки с патронами распределили по всей роте. В карманах и заплечных мешках лежали гранаты, противопехотные и противотанковые.

Чтобы попасть на юго-западную окраину деревни, где занимал оборону батальон Завгороднего, нам пришлось пробираться по узким переулкам, натываясь на нашу бронетехнику, укрытую в стайках, сараях.

Шла вторая половина декабря 1943 года. Над немцами нависала черная гроза, которая должна была вот-вот разразиться молниями и свинцовым дождем. Готовилась Яско-Кишиневская операция по разгрому группы армий «Южная Украина» и освобождению Молдавии.

Вражеский фронт представлял собой дугу, вытянутую на Север. На вершине скопились отборные немецкие войска, в которые упирался наш полк. Я не знал замыслов

своего командования, но по обстановке чувствовал, что у нас на передовой готовятся силы для серьезного удара по немцам.

Ближе к окраине деревни мы спустились в глубокий овраг и пошли под прикрытием высоких глиняных стен, на вершине которых с правой стороны росли березки, тополя, с левой белели домики. Казалось, мы идем по дну глубокого ущелья и снизу смотрим на верхний мир.

Одного я боялся, чтобы из этого мира не прилетала мина или снаряд. Тогда половина моей «сестренки» не дойдет до батальона.

Постепенно стенки оврага уменьшились, сошли на нет. Мы вышли на просторное заснеженное поле, которое с одной стороны примыкало к нашей деревне, с другой волнисто поднималось на далекий бугор. На вершине виднелись крохотные домики. Там были немцы.

В двухстах метрах от Романовки тянулась траншея, в которой время от времени мелькали в касках головы солдат. Они напомнили юрких бурундучков в тайге. На душе потеплело от знакомой картины.

Мы свернули к траншее и спросили у солдата с перебитым носом, который, скрючившись, сидел на дне, где командирский пункт. Он, не меняя позы, поднял руку и вяло ответил:

– Там. За березой!

По правой стороне траншеи росли одиночные деревья. Между ними стояли противотанковые орудия. Возле лафетов суетилась прислуга, обустроивая позиции: рыла окопы, укладывала удобно ящики со снарядами.

Мне некогда было наблюдать за пушками. Я боком прошел возле солдата и направился к месту, на которое он указал. За мной гуськом двинулась груженная оружием «сестренка».

За березкой оказалась крохотная площадочка в полтора метра шириной. Она обрывалась провалом с глиняными ступенями

в блиндаж, прикрытый дверью из четырех толстых плах и блестящей железной ручкой-скобой.

Я только опустил ногу на первую ступень, как дверь открылась, из блиндажа выскочили два молодых подвыпивших офицера. Они проскочили мимо меня и умчались в разные стороны, словно наскипидаренные.

Спустился в блиндаж. Он был хорошо по-хозяйски обустроен. Бревенчатая крыша, как положено, лежала в три наката, надежно прикрывая обитателей от осколков мин и снарядов. Только прямое попадание бомбы могло разрушить строение. Внутреннее убранство напоминало русскую старинную избу с деревянным столом, скамейками, кроватью, железной печкой «буржуйкой», около которой возился связной.

Сперва я, конечно, обратил внимание на в дупель пьяного хозяина. Майор тарачился на меня из-за стола и усиленно моргал глазами.

Я приложил пальцы к шапке, представился.

Комбат показал на скамейку справа от себя.

– Устраивайся и чувствуй себя как дома!

– сказал он на удивление четким и совершенно трезвым голосом. Было видно, что этот человек умеет держать себя в руках даже после трех бутылок водки. Именно столько торчало перед ним и все пустые.

Я осторожно присел, внимательно оглядывая комбата. Внешне он выглядел обыкновенным человеком лет под сорок. Хрупкого сложения, невысок ростом. Лицо треугольное, как у волка. Очень большой покаты лоб под короткими светло-русыми волосами, острый нос с красным кончиком, впалые щеки и непробритый тупой подбородок с уродливым шрамом. Видимо, чтобы скрыть этот шрам, комбат отпустил бороду, но редкие волосы только слегка ретушировали выпуклые рубцы. На войне редко кто оставался неклеяменным. У меня самого на

спине, на животе, на ногах краснели полосы – следы от бесчисленных ранений.

Завгородний слыл у нас в полку легендарной личностью. Рассказывали, что в 41-м году он начинал уже майором. Потом за какую-то блестящую операцию под Москвой ему досрочно присвоили подполковника, даже в благодарность дали отпуск домой на неделю.

Он уехал, в столице познакомился с красивой девушкой и... потерял голову. Женится, зачал ребенка и остался дома до тех пор, пока жена не родила. Когда появился младенец, а это случилось через год, Завгородний вернулся в действующую армию и попал под трибунал, который долго ломал голову, как поступить с ним.

Все-таки заслуги в начале войны у него были большие. Подполковника разжаловали до солдатского звания, отобрали награды и отправили в штрафной батальон. Он участвовал в самых тяжелых операциях. Дважды был ранен, искупил вину кровью и вернулся рядовым в обычную войсковую часть. Так как воинские способности у него никто не мог отобрать, то при первых же «благоприятных» условиях они стали проявляться. Росли звания и должности. Сперва он командовал отделением, потом взводом, потом ротой, уже в звании капитана стал комбатом.

Усадив меня за стол, Завгородний крикнул связному:

– Костян, еще стакан!

Передо мной, как из воздуха, появился граненный сосуд с каким-то маленьким жучком на дне. Насекомое судорожно скользило лапками по гладкой стеклянной поверхности, пытаясь выбраться наружу.

Костян в звании сержанта засунул в стакан грязный палец с синим ногтем, выловил мохнатое существо, сбросил на пол и, отошел к печке, которая прогорала.

Капитан откуда-то из-под стола достал еще одну бутылку, зубами открыл пробку и

налил в стакан так, что жидкость сравнялась с краями.

– Не бойсь! Водочка выжжет букасов, – рассудительно сказал он и плеснул чуть-чуть себе. Его стакан наполнился меньше, чем на треть.

– Не хочу злоупотреблять гостеприимством, – деликатно заметил я.

– На меня не обращай внимания. Мы тут с ротными уже приложились. Завтра идем в разведку боем. Знаешь, что это такое?

– Вчера ходил! – буркнул я.

Капитан, сжимая и разжимая веки, смотрел через стол на меня в упор, ожидая более подробный рассказ. Пришлось выложить свои ночные приключения в Верском.

– Любарский прав. Ты в самом деле из тех, кто в воде не тонет, в огне не горит. Может, часть твоего везения достанется мне. Вчера письмо получил от жены. Сынок уже говорит: «Папа!» Так хочется жить, чтобы его увидеть. Когда уезжал, он был с рукавичку. Такой крохотный, слабый, страшно даже пальцем тронуть.

Комбат вдруг уронил голову и, казалось, задремал.

Я в это время думал о Любарском. Вот, сволочь, снова подставил меня, сунул в самое пекло. Видимо, мои чувства отразились на лице. Капитан взглянул и стал успокаивать:

– Надо твоей «сестренкой» только закрыть брешь в нашей обороне. Она находится на левом фланге от позиций батальона. Немцы туда, конечно, не сунутся, но кто знает, что во время боя придет им в голову.

Капитан помотал отчаянно головой, стараясь сбросить с себя одурь, потом пододвинул карту и ткнул пальцем:

– Вот здесь располагайся и держи зубами каждую пядь.

После этого мы выпили, закусили украинским салом, ржаным хлебом и мочеными яблоками.

Я хотел идти, но капитан задержал меня:

– Слушай, Куспеков, отдай мне на время боя своего санинструктора. Завтра будет столько убитых и раненых. Одним нашим не справиться.

– Пусть сама решает! – пьяно буркнул я. У меня от полного стакана водки голова пошла кругом.

Капитан зажмурился и наклонил голову. Мне понравилось, что он не злоупотребляет своим командирским правом. Рота вошла под его крыло. Теперь он был для нас бог и царь. Что скажет, так и будет. И Машу он мог спокойно забрать приказом.

Я поднялся из-за стола. Кружение головы усилилось. Печатая шаг, чтобы не оторваться от земли, пошел на выход из блиндажа, открыл дверь и очутился на свежем морозном воздухе, постоял, держась за стенки, глубоко с наслаждением подышал, нашел глазами Машу среди своих солдат.

Она о чем-то говорила со старшиной и улыбалась. В это мгновение мне так не хотелось отпускать ее в батальон. Но механизм тикал. Я позвонил ей и пригласил к комбату.

При появлении девушки Завгородний поднялся из-за стола, повел себя по-светски. Отодвинул чуть в сторону скамейку, усадил Машу, осторожно придавив за плечи, и протянул неполный стакан водки и новый пласт сала с хлебом. Когда она выпила, закусила, попросил остаться на время боя в батальоне.

Маша вопросительно посмотрела на меня. В ее взгляде было столько любви и преданности, что я понял: она не лукавила, когда открыла Любарскому свои чувства ко мне.

Захотелось увести девушку от завтрашней мясорубки. Я открыл было рот, чтобы решительно отказать комбату, но Маша опередила:

– Хорошо, я согласна!

Капитан благодарно приобнял девушку. Когда она вышла, приказал связному ответить мою «сестренку» к командиру третьей роты. Потом вдруг сказал мне:

– Ты знаешь, Любарский недолюбливает тебя. Он считает тебя слишком правильным. Я тоже, как и Любарский, неправильный, но правильных люблю. Они, как компас, не дают сбиться с курса. Если завтра выживем, то поговорю с командиром полка, чтобы он оставил у меня твою роту. Думаю, не откажет.

И протянул мне руку, кисть которой оказалась крепкой, как обрубок дерева. С хорошими чувствами я покинул блиндаж комбата и отправился с солдатами по траншее на левый фланг.

Мы гуськом выбрались к началу оврага, по гребню прошли метров сто и оказались в расположении третьей роты. У командира был такой же добротный блиндаж, как у капитана, только без стола.

Молоденький безусый ротный в звании лейтенанта показал двести метров, которые я должен занять и защищать. Правда, он тут же огорченно сказал, что немцы, по всей вероятности, не сунутся сюда. Нам останется только наблюдать, как батальон подставится.

Я приказал солдатам рыть окопы, сам вместе с лейтенантом вернулся в его блиндаж. Оттуда по телефону связался с Любарским, сообщил ему координаты и попросил, чтобы завтра утром нам доставили завтрак. Любарский холодным тоном пообещал. Даже теперь он не смог одолеть отвращение ко мне. «Буду проситься в батальон Завгороднего», – решил я.

Положив трубку, пошел к своим. Мои солдаты вовсю рыли окопы. Я присоединился. Почва была мягкая, не промерзла, поэтому легко бралась лопатой и кайлом. К вечеру мы закончили и присели в своих ямках отдохнуть. Вверх дружно поплыл дымок от самокруток

Следующее утро началось с артиллерийской стрельбы. Для меня село, занятое немцами, было закрыто возвышенностью. Я не видел, куда падали наши снаряды, только

слышал гул и разрывы за бугром. Но хорошо видел, как батальон в маскхалатах после арт-подготовки поднялся в атаку

Солдаты пробежали по полю всего метров двести-триста. Немцы открыли по ним шквальный артиллерийский огонь. По полю, где двигались наши солдаты, вырастали черные кусты, от которых падали красноармейцы. Место было хорошо пристрелено немцами. Через пять минут от батальона в живых осталась небольшая горстка. Она испуганно стала пятиться назад к своим позициям. Разведка боем закончилась.

Сверху из-за бугра выкатились шесть угловатых танков с десантом на броне. Немцы в маскировочных халатах попрыгали на землю и широким полукольцом стали теснить остатки батальона. Они открыто, не пригибаясь, вышагивали по полю, достреливая раненых.

Наши противотанковые пушки, которые находились на окраине Романовки, открыли яростный беглый огонь, но почему-то снаряды не попадали в танки, рвались рядом.

Железные крестonosные коробки как шли, так и продолжали быстро на полной скорости идти, отплевываясь красными вспышками из коротких стволов. Не доходя метров двадцать до траншей, танки развернулись и понеслись по фронту, ища слабое место в нашей обороне. Грозная армада устремилась к моей «сестренке».

Из окопа я хорошо видел, как немецкий танк выстрелил по пушке, которая стояла на другой стороне оврага за моей спиной, и так угодила, что колеса взлетели на несколько метров вверх. Расчет перестал маячить. Мы остались без артиллерийского прикрытия.

Теперь этот танк с крестом всю перпрямо на нас. За ним бежали редкой цепью немецкие солдаты, непрерывно стреляли из автоматов и кричали истошно: «Рус, сдавайся!» В ответ старшина рядом со мной разразился витиеватым матом, перекрикивая гул танка, и застрочил из пулемета.

Я в отчаянии крикнул: «Гранаты!» Сам схватил противотанковую, размахнулся, бросил за бруствер под танк. В то же мгновение танк выстрелил. Я увидел ослепительную вспышку и потерял сознание.

Очнулся под вечер на следующий день в хате. Лежал раздетым на кровати. Передо мной стояла смуглая девочка лет четырнадцати в белой вышитой сорочке, босоногая. В одной руке она держала глиняную чашку с супом, в другой ложку, готовясь меня покормить.

Я послушно открыл рот и ощутил на языке теплую безвкусную жидкость с кусочками разваренного картофеля. Девочка зачерпнула вторую ложку, но мне уже есть расхотелось. Тошнота подступила к горлу. Я отрицательно помотал головой. Пять минут непрерывной мучительной борьбы с собой, и желудок расслабился, перестал толкать вверх пищу.

Успокоившись, я откинулся головой на подушку. Вместо девочки увидел около себя старшину Чунтонова в каске, зеленой фуфайке, подпоясанной толстым ремнем с чехлом от ножа. Автомат висел у него на плече. Он поддерживал оружие правой рукой. Увидев, что я очнулся, левой взял табурет, приставил к кровати, уселся, положив автомат на колени. От старшины остро и противно воняло махоркой, землей и порохом. Меня снова чуть не стошнило. Отдышавшись, накинусь на него:

– Где рота?

Старшина снял каску, положил на колени рядом с автоматом, потом скривился, как от кислой ягоды, погладил смущенно волосы на круглой голове, не зная, как сказать правду.

Я ждал. Сердце налилось свинцовой тоской, глаза стали горячими. Пришлось закусить губы, чтобы не разрыдаться. Нервы срывались. Еще минута и начну рвать гимнастерку на груди.

Для меня рота была смыслом всего на

войне. В каждого солдата я столько вложил себя. Они даже стреляли по-моему: наверняка. Все были снайперами. Потерять такую роту все равно, что остаться без рук, без ног. Старшина понимал меня, поэтому медлил с ответом, разглядывая девочку, которая отошла к печке и там насупилась.

– Нет нашей «сестренки!» – наконец разродился он и стал забивать меня словами. Снаряд танка разорвался в метре от окопа. Осколки разорвали мою шинель, фуфайку, гимнастерку, но тело не задели, ушибли только поясицу. У Никиты, который был рядом, прошло грудь. Остальные солдаты погибли в окопах под гусеницами. Взводный Колпаков поднял руки, его увели в плен. Немецкую пехоту «сестренка» все-таки успела отсечь. Танки не сунулись в деревню. Когда прекратилась стрельба и немцы со своей техникой откатились, старшина увидел, что я все-таки жив, и перетащил меня через овраг в крайнюю избу

Выслушав сбивчивый рассказ, я с неимоверной болью в спине поднялся, надел порванную фуфайку, остатки шинели, шапку и приказал старшине:

– Веди на место, где была наша «сестренка».

Чунтонов вскочил со стула, в сердцах бросил каску на пол и стал горячо убеждать, что там уже никого нет, окопы превратились в могилы.

Я, не отвечая ему, пошел из хаты, хватаясь за спинку кровати, потом за стенку, за дверь. Старшина, видя, что меня не переупрямить, повесил на плечо автомат, нахлобучил на голову каску и на крыльце догнал.

Мы, поддерживая друг друга, скользя и падая, спустились в овраг. Там я лег лицом в снег, обхватил какой-то куст руками и надолго замер от отчаяния и боли, которая ползала не только по спине, но и по душе.

Погода в этот день к вечеру стала пасмурной. Уплотненное серое небо сочилось легким снегом. От белой сыпи рябило в гла-

зах. Я приподнялся, но в спине так кольнуло, что руки подкосились и горячее лицо вновь встретилось с холодом

Старшина ухватил меня за воротник шинели, волоком затащил на гребень. Там удалось снова подняться на ноги.

На поле виднелись четыре подбитых немецких танка и множество бугорков, полузанесенных снегом, – трупы убитых.

Место позиции своей роты я нашел по двум тополям, возле которых мы рыли окопы. Теперь там только обильно валялись горки пустых гильз. Они поблескивали золотом. Одну взял, подержал в ладони. Она была пронзительно холодной и неприятной, как смерть. Такое отчаяние взяло меня! Захотелось застрелиться.

Я сел на землю, обхватил голову руками. Мне казалось, что я совершил воинское преступление, не сумел сохранить своих людей. Меня отдадут под трибунал.

Старшина взволнованно нависал надо мной:

– Вчера к немцам не попали, так сегодня попадем! – говорил он.

Я с трудом понял его. Нельзя здесь оставаться. Теперь это ничейная земля. Сюда немцы и наши должны прийти за своими трупами. Вдруг немцы опередят?

Кряхтя от боли и вскрикивая, я поднялся. Чтобы не упасть, навалился на старшину. Он крепкий и выносливый, чертяка! Снова перетащил меня через овраг и повел в деревню. По пути мы наткнулись на заминированную двадцатиметровую полосу.

Не обращая внимания на мины, я пошел. Машинально переступил две растяжки и... не подорвался. Ангелы не выпускали меня из вида.

Старшина замешкался, потом по моим следам бросился через смертельное место. Потом мы, как пьяные, блуждали по переулкам. Когда наконец выбрались на центральную улицу, встретили капитана Игумнова, заместителя комбата. Он, увидев меня, за-

плясал рядом, потирая руки. И словно не веря своим глазам, пощупал рукав моей порванной шинели.

– Сегодня третий раз иду искать тебя. Любарский приказал живым или мертвым доставить в штаб! – радостно проговорил он.

Мы с Василием были на дружеской ноге. Однажды он оказался в моей роте во время боя с бандеровцами в лесу. Противник не выдержал, отступил, рассеялся между со-снами. Все стихло, даже можно было услышать, как стучит дятел по дереву.

Василий вышел из укрытия и сразу попал под пулю. Он сдавленно сквозь зубы простонал, стал опрокидываться на спину. Я бросился к нему. Смотрю – лежит уже на земле, сжимая руками ногу выше колена. Из бедра фонтаном хлещет кровь. Разрезал ему брюки, наложил жгут. Солдаты тут же привязали две винтовки, на такие носилки положили Игумнова и понесли в санчасть.

Через два часа ранило меня. Осколок 16 мины разорвал правое предплечье. Кое-как я стянул рану бинтом, передал роту командиру первого взвода, а сам тоже пошел в санчасть

Смотрю, в деревне у хаты с красным крестом толпятся раненые. Среди них суетится врач в белом халате. Он распоряжается, кому идти пешком, кого положить на бортовую машину. Я понял, что госпиталь срочно эвакуируется. Узнал: немцы прорвали фронт и движутся в нашу сторону. Я спросил встревоженного врача:

– Кто-нибудь остался в госпитале?»

Тот кивнул и поспешно сказал:

– Один безнадега!

У меня сердце почувствовало, кто это. Забежал в хату, увидел на столе беспомощного капитана, прикрытого до подбородка белой простыню с кровавыми разводами. Приоткрыл простыню и ахнул. Левая нога у Василия была вся черная, как от газовой гангрены. Я выскочил из хаты, достал пистолет,

приложил к голове врача:

– Если не эвакуируешь капитана, пристрелю!

От угрозы он побелел, приказал санитарам вынести на носилках раненого и погрузить на бортовую машину. Васю увезли. Мне тут же обработали предплечье, перевязали и оставили долечиваться в роте.

Через полгода капитан вернулся в батальон живой, здоровый, как всегда, веселый. Увидел меня, прослезился.

– Если бы не ты, Куспеков! – только сказал он, шумно выдохнул, потом взял меня под руку, потянул в дом, где квартировал. – Отметим мое возвращение. Скажу откровенно: на столе в госпитале я уже попрощался с жизнью. Потом в Москве нашелся хороший хирург. Он спас мою ногу.

Мы с Игумновым стали как братья.

Конечно, ему как заместителю командира батальона, совсем не обязательно было самому искать меня. У него был связной, толковый парень Он бы мог походить. Но Василий пошел сам, теперь искренне радовался, увидев меня живым.

Капитан крепко ухватил мою руку с одной стороны, старшина другую. Два дюжих мужика приподняли меня и понесли в штаб. Вася рассказал, как молва окрестила панфиловским подвиг моей «сестренки». Солдаты погибли, но немцев не пропустили, не дали разорвать фронт.

Я всегда морщился от громких слов, но тут молчаливо согласился насчет роты. Меня только покорило, когда Вася назвал меня Героем. Оказывается, я все-таки повредил танк. Он покрутился и задним ходом уполз обратно до середины поля. Там его достал снаряд из нашей пушки.

Капитан и старшина внесли мое тело, как куль, в комнату штаба и бережно опустили на лавку. Ноги в это время подогнулись.

Старшина присел, низко наклонился и стал осторожно выпрямлять мои конечности, которые я перестал ощущать. Они стали

тяжелыми, какими-то чугунными, неуправляемые...

Любарский стоял навтыжку перед телефоном, левой рукой сжимал трубку возле уха, правой поддерживал брюки, словно боялся, что они вот-вот свалятся с него.

– Так точно, товарищ Первый! – вскрикивал комбат. Покосившись на меня, с воодушевлением добавил: – Он только что зашел ко мне. Основательно потрепанный, но живой. Есть, товарищ Первый, беречь нашу реликвию!

Положив трубку, Любарский заулыбался и сказал проникновенным теплым голосом, глядя на меня:

– Говорил с командующим армией генерал-лейтенантом Власенковым. Приказал тебя беречь как зеницу ока. Скоро приедет корреспондент фронтовой газеты, возьмет интервью. Перед наступлением, как воздух, нужны подвиги в качестве примера для солдат. Твоя «сестренка» заслужила право называться панфиловской.

До войны Любарский работал в отделе пропаганды горкома партии. Привычка говорить высокопарно у него в крови.

Я слушал комбата и не слышал его, потому что голова болела, спина болела, прямые ноги лежали передо мной, как чужие. Вся комната была в тумане, сквозь который смутно темнели контуры офицеров. Мне казалось, что вот-вот не выдержу, грохнусь на пол. Я выдержал, как ни странно, еще полчаса. Комбат и Василий заботливо подкрепили меня стаканом водки. Потом пришли два санитары, уложили на носилки и отнесли в санчасть батальона, которая была в ста метрах от штаба.

В санчасти продержали два дня, потом отпустили к тете Даше долечиваться. Санитар привел к знакомой хате. Там могучая хозяйка прямо на пороге сгребла меня и расплакалась.

Прикладывая кончик белого платка к глазам, рассказала, как погиб мой связной.

Оказывается, старшина ошибся. Никита был только ранен в грудь. Когда очнулся, то сам добрался до хаты тети Даши. Она топила печь, когда он зашел весь окровавленный. Добрая женщина увидела, что он сильно замерз, усадила на лавку, налила в кружку горячего чая, дала ему попить. Он выпил, стал разогреваться, и случилась беда. У парня пошла кровь изо рта, из раны.

Тетя Даша взяла его на руки, вынесла из хаты и бросилась в санчасть, но донесла только до криницы (колодца). С ним стало совсем плохо. На руках у нее Никита умер. Недалеко от колодца его похоронили.

Мне было тяжело слышать историю своего связного. Я попросил тетю Дашу отвести меня на могилу. Она тут же собралась, и мы пошли. В метрах тридцати от криницы стоял крест, сбитый из старых досок.

Если бы я был верующим, то обязательно помолился бы перед ним. А так просто постоял с открытой головой, мысленно прощаясь с хорошим парнем, настоящим казаком, моим верным другом, которого я тоже не смог уберечь.

После разведки боем у меня сердце непрерывно надрывалось от тяжелых мыслей. Я корил себя за то, что с гранатой не бросился под танк. Тогда они, может, остались бы в живых.

В хате тетя Даша принялась неистово лечить меня. Перещупала и поправила каждый позвонок, потом щедро натерла спину горилкой, сверху еще приложила из красной глины мазь и укутала шерстяной кофточкой. Спать отправила на печь. Уже на следующее утро мне стало легче. Я почти поправился, когда появился Любарский, выбритый до синевы, в белом полушубке, пахнущий каким-то крепким трофейным женским одеколоном. Не мужик, аромат в штанах.

– Командир второй роты убит, – сообщил он и тут же добавил. – Принимай новую «сестренку»! Да, вот еще. О тебе написали очерк во фронтовой газете. Я представил

тебя к ордену Славы первой степени.

Мне оставалось только вытянуться перед комбатом и отчеканить:

– Служу Советскому Союзу и лично товарищу Сталину!

Не знаю, почему у меня так вырвалось. Вырвалось и все. Такой ответ был не по Уставу. У Любарского глаза от изумления расширились и подпрыгнули вместе с белесыми бровями на лоб, рот в это время раскрылся и секунды две изображал букву «О», положенную на бок. Наконец он справился со своим чувством и... промолчал.

После разговора с Любарским я еще неделю пробыл в хате тети Даши, но уже в должности командира второй роты. По разрешению комбата взял к себе Чунтонова, который спас меня во время разведки боем. Ко мне вернулась Маша. Она стала какой-то необычной с загадочным пристальным взглядом, будто хотела что-то сообщить мне. И лицо у нее побледнело. Она выглядела очень красивой. Я хотел сказать ей об этом, но не нашел подходящих слов и промолчал.

Любарский к этому времени уже перекипел. Он усиленно ухаживал за молодой телефонисткой командира полка. Но эта его новая любовь продлилась всего месяц. В Венгрии он со своим штабом напоролся на засаду немцев. Охрана вместе с ним погибла. Нашего майора похоронили в Будапеште. Новый комбат, которым стал Василий Игумнов, отрядил меня на похороны. Я даже произнес короткую речь перед открытым гробом, искренне сказал:

– Он был смелым солдатом и хорошим командиром. Свою жизнь отдал Победе над проклятым фашизмом. Вечная ему память!

В Венгрии погибла Маша. Мы небольшой группой в пять человек вышли из боя. Стояла весна. Первые листочки выбивались из веток деревьев и остро пахли, как новорожденные. От этого запаха мы просто обалдевали. С нашим сознанием стало твориться черт-те что. Мы вдруг переставали видеть и

слышать войну. Только голубое небо, красивую, ухоженную по-европейски природу с аккуратными полями, светлыми перелесками и строгими массивными зданиями.

Я разрешил солдатам отдохнуть на зеленом пригорке у шоссе. Только кучно уселись, сложив автоматы и винтовки на коленях, как перед нами разорвался снаряд. Маше, которая прижималась к моему плечу, срезало, как бритвой, осколком шеи.

Мимо остальных солдат осколки пролетели с жутким свистом и никого даже не оцарапали. Меня это поразило, а потом заставило задуматься, почему одних и далеко не самых худших судьба безжалостно убирает из жизни, других оставляет. Было ощущение, что во время войны происходила страшная селекция по таинственным непостижимым законам и принципам. Потом оказалось, что не только я об этом мучительно думал.

Через три года после войны судьба вновь столкнула меня с Завгородним. Правда, он уже был полковником и служил заместителем начальника управления кадров Одесского военного округа и в нашу часть приехал с инспекцией. По поручению командира полка я обязан был сопровождать высокое начальство. Нам предоставили легковую машину с шофером, и мы запылили по военным городкам Крыма.

В дороге, свободные от службы, могли поговорить о личном и даже пофилософствовать. Полковник рассказал о том, как после тяжелого ранения его мотало по разным фронтам, пока не прибило к Южному. В его составе он брал Крым, а потом занимался военным обустройством полуострова. После победы остался в Одессе на должности заместителя начальника управления кадров округа, перевез семью и поселился у моря. Вспомнил он и бой под Романовкой, где ранило его в пятидесяти метрах от своих позиций. Будто кто-то со всего размаха ударил головой в грудь. От сильной тупой боли

Завгородний выронил автомат, наклонился вправо, упал боком в какую-то ямку, там потерял сознание. Когда очнулся, то увидел над собой необычного немца. Его голова была плотно укутана коричневой пуховой шалью, из-под которой выглядывала черная стальная каска. Неподвижные глаза у этого фрица выглядели неестественно: они были словно искусственные без признаков жизни – стекляшки бутылочного цвета. И нос – тоже странный, без переносицы, словно изъеденный проказой, торчал только красный кончик, похожий на детскую пипку. Завгороднему хотелось ухватить его пипку двумя пальцами и подергать в разные стороны. Но он не мог даже пошевелиться. В груди невыносимо жгло, будто туда вбили раскаленную колотушку. Комбат застонал и вдруг вместо немца, которого принял за смерть, увидел сына почему-то взрослого и сильного. Он понимал, что этот парень не мог быть его сыном, потому что ему теперь было всего лишь полтора года. Но он чувствовал, что это все-таки его сын, высокий, могучий. Он бросился на немца и стал кулаками бить, сдирая с него шаль, каску, разрывая мундир с блестящими крестами. Голый немец съеживался, уменьшался, превратился в двухлетнего ребенка, потом исчез. Завгородний открыл глаза, увидел Машу.

– Где немец? – пролепетал он.

– Рядом валяется! – ответила девушка,

перевязывая ему грудь.

Потом она волоком, упираясь в землю руками, ногами, тащила комбата через поле смерти к домикам деревни.

В это время у него было время подумать о своем чудесном спасении. Ему казалось, что его спас сын руками Маши. «Мы живы, пока нас любят!» – сказал полковник, задумчиво разглядывая через лобовое стекло крымскую сухую степь с палатками военного городка, к которому мы подъезжали

Эта мысль ошеломила меня. Я понял, почему все время помню о Маше. И эта память заставляет меня страдать, потому что на доньшке сердца живет чувство непонятной вины за ее гибель. Слова полковника будто сорвали бельмо с моих глаз. Я глянул глубоко в себя, как в колодец, и там на дне увидел черного блестящего спрута, который задавил мою любовь к девушке и тем самым обрек ее на гибель. Как всегда, даже в любви я оказался чересчур правильным. Но почему сам остался жив? Кто же любил меня? Не ангел же хранитель?

Михаил Анохин

Ведьма из Прокопьевска Нинка Давляшина

ПОВЕСТЬ

I

Майор Ярыгин отложил в сторону рапорт оперуполномоченного Алтухина, машинально размял «беломорину», но закури-
вать не стал. Рабочий день только начинался, а он решил «воспитывать себя» и до обеда, по крайней мере, не курить. Однако руки сами собой нащупали в полуоткрытом ящике рабочего стола коробку спичек. Те же руки сами собой, без сознательного вмеша-
тельства, чиркнули о коробку и подожгли размятую папироску.

Ярыгин Петр Елисеевич, начальник кри-
минального отдела милиции города, осоз-
нал последствия бессознательных действий
рук только тогда, когда вместе со струйкой
табачного дыма в легкие майора попал дым
горящей бумаги.

– Черт! – в сердцах произнес майор и от-
швырнул папироску. – Стало быть, потеря
нашлась, – пробурчал майор и направился к
карте города. На этот раз он все делал осоз-
нанно. Раздражало его только одно обстоя-
тельство: сегодняшний день, как и вчераш-
ний, и позавчерашний начался, как обычно,
с просмотра рапортов и с папиросы.

– С рапортов – это ладно, – проворчал

майор, – а вот с папиросы... Сколько же
можно?!

Выкуренная папироса определяла на-
строение Ярыгина, а причиной его обраще-
ния к карте города, как мы уже сказали, был
рапорт опера Алтухина. Рапорт лежал на
столе. Стандартный листок из ученической
тетрадки в клеточку, написанный таким же
ученическим, еще не изломанным писани-
ной почерком.

Майор, в отличие от многих своих кол-
лег, был человеком начитанным, по крайней
мере, в пределах школьной программы по
литературе, и потому еще полгода тому на
карте обвел желтым фломастером круг, ска-
зав сам себе: «Если звезды зажигаются, зна-
чит, это кому-нибудь нужно».

Звезды, то бишь люди, действительно,
если можно так выразиться, зажигались.
Точнее сказать, сгорали, или терялись, исче-
зали с завидным постоянством – как раз в
этом районе города, который обвел полгода
назад фломастером майор Петр Елисеевич
Ярыгин.

Во всех смыслах этот район не отличался
от соседних и представлял собою шахтовый
поселок, каковых в городе П. насчитывалось
более сорока. Вместе они составляли город,

АНОХИН Михаил Петрович родился в 1944 году в селе Калары Таштагольского района. Работал пожарным, геологоразведчиком, рыбаком тралового флота на Камчатке, строителем, журналистом. Окончил литературную студию при Ал-тайской организации Союза писателей СССР. Пишет стихи, прозу, публицистику. Автор нескольких книг книги стихов и прозы. Печатался в журналах «Звезда», «Наши современники», «Алтай», «Огни Кузбасса», в различных коллективных сборниках.

С 1984 года живёт в Прокопьевске. Участник забастовочного движения шахтёров (1989 год).

но каждый из них жил отдельной жизнью и в социальном срезе представлял собой замкнутое сообщество людей, из рода в род добывающих из подземных глубин уголь. Они не считали себя горожанами и привычно говорили, усаживаясь в рейсовый автобус: «Я поехал (или я поехала) в город». Так что пропадать людям в районе поселка Низкий чаще, чем в других местах, вроде бы причин не было. Но статистика – наука точная, и в этом районе потерянных людей было в три раза больше, чем во всех других местах города вместе взятых.

Ярыгин таких закономерностей не любил. Особенно он не любил, когда причина ускользала из логических сетей анализа. Это вызывало в нем легкую тревогу по поводу собственных профессиональных способностей. А этого майор и вовсе не терпел.

Опер Алтухин, написавший рапорт, сидел в приемной и ждал вердикта начальства. В рапорте сообщалось, что мумифицированный труп исчезнувшего в прошлом году горнорабочего очистного забоя шахты «Крутая» двадцатитрехлетнего Тютикова Степана Валентиновича найден на чердаке заброшенного дома без видимых следов насильственной смерти. Дело об исчезновении человека, стало быть, надобно закрывать.

Исчезновение людей опера Алтухина, в отличие от майора Ярыгина, не очень-то беспокоило, поскольку на его участке хватало дел и без этого: мордобой, кражи личного имущества и скота, участившиеся случаи продажи и потребления наркотиков... Сидя в приемной, Алтухин нетерпеливо поглядывал то на дверь своего начальника, то на часы. Он спешил. Ему еще предстояло сегодня разобраться с очередным мордобоем, затем с телесными повреждениями средней тяжести, и эти мероприятия желательно было завершить до обеда, так как после обеда нужно еще было встретиться с гражданкой Бузыкиной, у которой вчера потерялась

коза. А кроме того, его ждала еще целая куча бумажных дел.

Алтухину едва исполнилось тридцать лет, и его молодая жена не очень-то поощряла его вечерние вылазки «по работе».

Вот о чем думал Анатолий Алтухин, когда майор рассматривал даже не карту города, которую он знал досконально, а собственный желтый кружок на карте, как буддийский священник рассматривает мандалу.

Негромкое «можно?» оторвало его от созерцания и размышления, – это не выдержал долгого сидения опер Алтухин и, приоткрыв дверь, побеспокоил начальство. Ярыгин сделал приглашающий жест.

– Входи, входи. Читал. Нашлась, значит, пропажа?

– Да, Петр Елисеевич, нашлась. Повесился на чердаке, а лето было в прошлом году, да и нынче тоже, вон какое жаркое. Ну и подсушило труп, так что едва опознали. Родственникам мы сообщили, покойника вчера схоронили, так что дело можно отправлять в архив.

– В архив? – в руках майора сами собой оказались спички, и он разглядывал их, не зная, зачем вытащил из кармана. Руки автоматически нащупывали в кармане пачку «Беломора», но она находилась в ящике стола, куда он только что положил ее подальше от соблазна. Пауза затянулась. – Да, да, конечно, в архив. – Ярыгин прочнее уселся на стуле и, вскинув на Алтухина свои карие глаза, спросил: – Сколько ему лет-то было?

– Кому?

– Ну, трупу, кому же еще, этому, как его, Тютикову?

– Двадцать три. Год с небольшим, как из армии пришел.

– Вот, – сказал Ярыгин и в голосе его прозвучал упрек, адресованный неизвестно кому. Упрекать труп Тютикова было бессмысленно, и потому Алтухину подумалось, что начальник упрекает его самого.

– Не понял, Петр Елисеевич.

– Я говорю, с чего бы это в таком возрасте, да в петлю?

– Ну, мало ли... – Алтухин немного замешкался, а потом выпалил: – Например, из-за любви!

– Да? – черные брови майора приподнялись от удивления. – Ты в этом уверен?

– Да я... – замялся Алтухин.

– Ляпнул, да? – Ярыгин автоматически открыл ящик стола и потянулся за папиросой, но рука остановилась на полпути к пачке. Он крикнул в раздражении и сухо сказал Алтухину: – А ты походи вокруг покойника, поспрашивай, может, и правда – от любви? Кстати, другие два «висяка» – мужчины не старше тебя, так что, может, также от любви... Как ты думаешь?

– Петр Елисеевич! У меня дел и так выше крыши! – Анатолий попытался отбрыкаться от очередного ненавязчивого задания, которое на самом деле являлось приказом. Известно же, когда начальство просит или советует, оно на самом деле не просит и не советует, а приказывает. Но тут в голосе непосредственного начальника было столько иронии, что опер засомневался: уж не разыгрывают ли его? Но майор, похоже, не собирался шутить.

– Ты между делом так... остороженько... не навязчиво, – гнул Ярыгин своё. – Я же тебя сроками не ограничиваю, может, все пустое, а может, и нет. – И для того чтобы поставить окончательную точку, сказал: – Есть же, в конце концов, уголовная статья – доведение до самоубийства.

Проклятый кружок на карте не давал ему покоя. Майор не терпел загадок, тем более таких, когда теряются и беспричинно вешаются люди. Он был твердо уверен, что причина или причины у всего есть, и дело его ведомства эти причины найти. Найти и пресечь! Именно так, коротко, ясно и жестко и выразался Ярыгин, когда собирал в

этом кабинете своё воинство.

II

...Он встретил её в сумерках. Она прошла рядом с ним, чуть задела плечом и взглянула ему в глаза. Она – это Нинка Давляшина, девица девятнадцати годков. Степка Тютиков её хорошо знал, впрочем, как и все парни в поселке Низкий. Нинка Давляшина, секс-бомба местного масштаба, та самая «киплинговская кошка», которая «ходит сама по себе».

В том, что Степан встретил Нинку в сумерках, не было ничего удивительного, поскольку Нинка днем отсыпалась, а выходила, как она сама выражалась, «на охоту» по вечерам. Он и раньше её встречал: то в местном шахтовом клубе на танцульках, то в компании с парнями, а то и в более интимной обстановке с малознакомыми парнями за бутылкой портвейна или чего покрепче.

Нинка жила с матерью и бабкой, и по поселку о матери, но особенно о бабке, ходили самые разнообразные слухи, в которых отделить правду от вымысла было невозможно. Дело в том, что никто не помнит, был ли какой-нибудь дедуля у бабки и был ли у самой Нинки когда-нибудь отец. По здравому и бесспорному размышлению аборигенов поселка следовало, что дети без мужиков не рождаются и что «шила в мешке не утаишь», но дальше этих сентенций дело не шло. Никто не помнил никаких мужчин в семействе Давляшиных. Это было странное семейство, в котором рождались одни девочки и не более чем в единственном экземпляре.

Семейство Давляшиных жило в собственном доме, который огородами выходил к кладбищу. Мать Нинки работала на шахте разнорабочей, то есть мыла полы в бытовке и других местах обширного хозяйственного комплекса. Нинка не работала нигде, да и не проявляла желания работать.

Следует сказать, что описываемые со-

бытия происходили в то далекое время, когда нигде не работать считалось преступлением, поэтому Нинка была сущей головной болью для соответствующих подразделений милиции, начиная от участкового Гриненко, а теперь и опера Алтухина.

На все их увещания Нинка отвечала разнузданным смехом и не менее разнузданной песенкой с рефреном: «Я у мамы за избой заработаю собой». Судя по Нинкиным нарядам, немалое количество шахтерских денежек переключало в её нежные и, наверное, умелые ручки.

В поведении Нинки была одна особенность, резко отличающая ее от прочих девиц этого сорта, – она сама выбирала, кого хотела. Ни деньги, ни мольбы влюбленных не могли сломить её волю. А в Нинку влюблялись многие...

Другую бы, но не Нинку, давно бы отвалтузили, но Нинка была девкой особенной: глянет – и самого решительного парня, не робевшего никогда в драках, вдруг озноб прошибает. Вот такая она была – эта девица из шахтового поселка. Однако сказать только это – значило сказать едва ли треть от того необходимого, благодаря чему определялось отношение поселкового сообщества к семейству Давляшиных.

Чем старше были люди годами, тем больше склонялись они к мнению, что семейство Давляшиных – это семейство ведьм: и отсутствие в доме мужчин, и отсутствие детей мужского пола в этом семействе, и странные, слегка косоватые глаза у всех трех Давляшиных, есть верная примета ведьм.

Была еще масса и других важных мелочей, которые, по мнению несознательных граждан, являлись доказательством колдовской породы Давляшиных. Как всегда, представительниц женского полу, усмотревших в Давляшиных потомственных ведьм, было больше, чем мужчин. Наверное, женщины были правы. Они инстинктивно считали

угрозой для собственной семьи таких «кошечек», как Давляшина. Люди вообще не любят, когда кто-то живет не как все, или имеет суждение не такое, как у всех. Давляшиных не любили. Не любили и боялись. Ходили слухи, что они наводят порчу не только на скотину, но и на мужиков. Какая же женщина останется равнодушной к тому, что её мужика «портят»?

Так вот, в августе 1987 года Степка Тютиков встретил Нинку недалеко от промтоварного магазина, где заросли ивняка, подпитываемого сточными водами шахт, вплотную подходили к центральной поселковой улице. Нинка была одета в ситцевое платье, а носить под платьем исподнее в летнюю жару и духоту считала «западло». Имеющие доступ к её телу, знали, что груди Нинки не нуждались в «подпруге» и были по-девичьи твердые, как два спелых яблока.

Местный стихоплёт Колька Семечкин, безнадежно влюбленный в Нинку, сочинил песню, которую часто пел в сопровождении гитары «на пяточке», напротив всё того же промтоварного магазина.

«Твои губы, как ягоды, твои груди как яблоки..., – гундосил Николай, стараясь придать своему голосу как можно больше интимности и страсти. – Увлеки меня, Ниночка, позови за собой...»

Но жестокосердная Ниночка не звала девятнадцатилетнего Кольку Семечкина, а только увлекала. Бросится, бывало, хохоча парню на колени при всех, и никого не смущаясь, спросит: «Хочешь меня, Коленка?» И так прижмется к нему своими яблоками, что бедный ПОЭТ едва не терял сознание.

Отхохочется бесстыжая девка, и тут же уйдет с каким-нибудь тридцатилетним мужиком, разведенным или неженатым, а то и с женатым – стройная, длинноногая с гордо поднятой головой, всем своим видом показывая: плевать, мол, я хотела на вас с высоты террикона!»

А как Нинка умела любить! Об этом рассказывали те, на кого пал её выбор: Нинка рыдала, смеялась, стонала и теряла от страсти сознание. Удержать Нинкино тело, подчинить его своей воле было невозможно даже самому крепкому мужику, который свободно усмирал дикий норв бурового станка!

А как она целовала! Она не целовала, а пила мужчину, как пьют доброе вино – долго-долго, безостановочно смакуя каждый атом опьяняющего напитка. После чего хмельная, шалая уходила прочь, как будто ничего и не было, как будто только что не шептала, не кричала самые что ни на есть потаенные и завлекательные слова, которые говорят друг другу влюбленные.

Другой, недогадливый, бывало, подойдет к Нинке и станет ей напоминать о её словах, начнет объясняться в любви, а она смотрит на него, словно видит впервые, да как захохочет на всю улицу, словно тот рассказал ей анекдот какой-то особенный...

Отхохочется, да и скажет, как ножом отрежет: «А пошел ты на хрен! Тоже мне, любовник выискался! Много вас таких, до меня охочих!»

И плевать ей, где такое сказать и при ком. Бывало, вылепит нечто подобное, а то и похлеще где-нибудь в людном месте, и хоть провались мужику, а ей хоть бы хны, бровью не поведет, даже тогда, когда кто-нибудь скажет: «Уймись, бесстыжая!»

Я опять о том же: встретил её Степка Тютиков в тот августовский вечер, и Нинка прошла мимо него, только взглядом обожгла. Особенным взглядом, потому что Нинка по-разному могла смотреть: просто так, как обычно люди смотрят, и обжигая. И пошел Степка за ней, как приبلудная собака идет за тем, кто даст ей краюху хлеба. Нинка знала, что он идет за ней, и не может не идти, потому что она на Степку Тютикова «глаз положила». Этот секрет ей бабка открыла,

когда Нинке исполнилось шестнадцать лет.

– Смотреть надо так, – говорила бабка, – как будто приказываешь, будто ударяешь взглядом по его лицу. Вот так. У тебя это должно получиться. Вот так. Поняла? – Нинка была понятливая и за два вечера бабкину науку усвоила.

– И нет такого человека, который бы устоял перед твоим взглядом, если всю силу в него вложишь, – говорила бабка. – Все живое, душу имеющее, эту силу чувствует и ей подчиняется.

Но не все сказала ей бабка в тот раз, главное оставила на потом. Тем более что Нинка не очень-то и поверила всему тому, что услышала, полагая, что мать с бабушкой исключительно по темноте своей используют такие дремучие представления, как потусторонние силы, бесы, демоны и так далее. К тому времени Нинка прочитала кое-какие книжки и знала, что у некоторых людей есть способность к гипнозу, и бабкину науку восприняла как развитие в себе природных гипнотических способностей.

Однако через год-два после первого разговора все та же бабка сказала ей: -- Ты, девонька, я вижу, считаешь мои слова об источнике твоей силы сказкой. Так вот хочу тебе сказать, что в моих словах нет ничего сказочного, и сегодня, покуда ты еще девка, хочу тебе показать твоего хозяина и нашего владыку.

Смертный ужас охватил Нинку: ноги, руки отнялись, и как стояла она перед креслом бабки, так и осела возле её ног. А бабка горячее и чуть подрагивающей рукой не погладила, как обычно, свою внучку по голове, а больно сжала её волосы у самых корней, запрокинула ей лицо так, что глаза девчонки уставились в потолок, и незнакомым голосом, свистяще-щипящим, пронзающим от головы до самых пяток, сказала: «Смотри!» И на побеленном потолке проступило четкое изображение. Нинка узнала

его, хотя никогда ранее его и не видела. Узнала и почувствовала, как начинает приливать кровь к низу её живота...

– Он придет к тебе этой ночью, – сказала бабка, и отпустила волосы своей внучки. – Не бойся его, он наш отец, любовник и заступник, и царствие его есть царствие наше. Не бойся его, – повторила бабка. – Он даст тебе силу, недоступную никому, и защиту непробиваемую. – Сказав это, бабка быстрым и сильным тычком сунула в рот внучки какой-то горько-сладкий шарик и крикнула резко и повелительно: – Глотай!

Нинка проглотила зелье, и тут же все поплыло перед её взором... Утром она проснулась от боли внизу живота и когда заглянула под одеяло, то увидела кровь. И вспомнила всё, что было с ней этой ночью.

Она нехотя, как-то заторможено, поменяла белье на кровати, затем так же нехотя пошла в баньку. Помылась, и как есть голышом, вышла из баньки. Сосед по двору Гошка Стрепухин, увидев такое диво, остановился, словно наткнулся на стену, и на его лице застыла идиотская улыбка. Нинка тогда не обратила на него никакого внимания, потому что ничего особенного в том, что она идет из баньки голая, не видела. Еще вчера такая мысль – пройтись голой днем, по двору – показалась бы Нинке нелепой шуткой, а сегодня ей так не казалось. Ей вообще сейчас никак не казалось, она шла себе и шла. Ей было все равно: она вспоминала прошлую ночь, и ей хотелось, чтобы и следующая ночь повторила её.

Однако ни следующая, ни последующие ночи такими не были. Нинка звала ЕГО, но ОН не приходил. Тогда Нинка подступила к бабке и спросила, отчего ОН не приходит.

Бабка ответила загадочно:

– Ищи ЕГО среди людей, плотью своей он к тебе не придет. До срока не придет – это нужно заслужить. Но помни, что ОН – источник твоей силы, и сила ЕГО тебя не

оставит по гроб жизни, а жизни твоей конец наступит только тогда, когда ты передашь другой, своей дочери, или кому-нибудь другому, избранному ИМ, свою силу сильную. – Бабка замолчала, а потом сказала: – А когда передашь, то и будешь с ним навек одно, как жена с мужем. И чем старше, изношеннее будет твое тело, тем сильнее ты будешь жаждать соединиться с ним. – И опять она замолчала, но Нинка каким-то чутьем знала, что бабка еще не все сказала, и, может быть, не сказала самого главного, самого важного. Нинка ждала, и не напрасно.

– Я своего первенца, свою дочь, упустила, – произнесла, наконец, бабка. – Твоя мать второй родилась, потому я и ждала тебя, чтобы ты стала моей восприемницей, иначе мне не найти покоя и не умереть легкой смертью. Так вот, внучка, в первое же полнолуние, а будет оно через три дня, я от вас уйду, и ты должна быть рядом со мной. Матери твоей я сказала, она знает об этом. Ты все поймешь сама, ОН тебе подскажет, что нужно сделать.

Мы не станем описывать, что происходило в маленькой комнатке бабки в ту ночь полной луны, чтобы не смущать читателя картинками столь мрачными и зловещими, от которых у самого крепкого человека могут сдаться нервы. Скажем только, что в ту ночь все собаки в поселке Низкий выли, словно это были не собаки, а изголодавшиеся волки. Странно вели себя и кошки, они фыркали и скребли когтями что ни попадя. И еще в ту ночь завалило породой двух шахтеров на ближайшей шахте. И, что еще более непостижимо, в ту же самую ночь погибли люди и на других городских шахтах – по одному человеку на каждой шахте. Впрочем, на это совпадение мало кто обратил внимание. Шахты кормят и давят людей – обычное житейское дело.

Бабку Давляшину и погибших шахтеров хоронили вместе на одном кладбище. Народу на похоронах было – весь поселок,

но только два человека знали о связи между смертью бабки и гибелью горняков: мать и дочь Давляшины. Но они об этом не говорили даже между собой...

Вернемся опять к плетущемуся вслед Нинке Степке Тютикову и последуем за ними. Нинка вела его в свой дом. Мать к этому привыкла.

После смерти бабки они разделили дом на две части и большая его часть досталась дочери, хотя кухня и все остальное оставались общими: две половины одного дома соединялись через веранду.

Степка пришел из армии около года тому назад, и работал на шахте в одной бригаде со своим отцом, что было не редкостью в этом шахтёрском городе. Вел он жизнь холостяцкую, и на все робкие попытки родителей заговорить с ним «о чем-нибудь серьезном», отвечал со смехом, что его можно женить только на оглобле.

Но не на оглобле споткнулся Тютиков, нет! Бесовским огнем вспыхнули Нинкины глаза, и он пошел за ней, изнывая от страсти, и в то же время чего-то боясь. Это самое «чего-то» все нарастало и нарастало в нем с приближением к дому Нинки, и когда они подошли к штакетнику Нинкиной ограды, сила страсти почти исчезла, а осталось вот это – «чего-то».

У ограды Нинка впервые повернулась к Степану и прильнула к его груди.

– Какой ты сильный! – жарко прошептала она... Секунда–другая – и Нинка резко отстранилась от него, словно ничего и не было, и с усмешечкой произнесла, распахивая калитку: «Прошу к моему шалашу».

С той поры со Степаном и начались странные вещи. Он принялся писать письма, да не кому-нибудь и не куда-нибудь, а Нинке. С таким же успехом он мог писать камню, что было бы даже спокойнее, камень не стал бы читать вслух его письма, а Нинка их читала, не щадя ни самолюбия, ни че-

сти парня. Степан только скрипел зубами, когда она, усевшись на колени к очередному поклоннику, вдруг доставала Степаново письмо и громко объявляла, что вот, получила очередное послание. И – принималась читать. Правда, на настойчивые просьбы сказать, кто это письмо написал, отвечала, что подпись не разборчива... Она умела так подковырнуть мужика, так поддеть за самое живое, за самое сердечное, что хоть тут же в петлю. И однажды Степан пропал.

Заявили в милицию, искали в окрестностях, в том числе на горных отводах, заглядывали в старые шурфы, но все без толку: был человек – и нет человека. Полгода тому назад, к слову говоря, вот так же пропал Хлепиков Семен, но этот был женат и с женой жил плохо, так что решили, что он бросил жену и ударился в бега. До Хлепикова исчез Самошин, но это и вовсе был мужик сорока лет без роду и племени, так что и заявлять в милицию некому было, кроме начальника ЖЭКа, да и то с единственной целью, чтобы вселить в квартиру Самошина другую семью...

Спустя положенное по закону время их объявили в розыск. Всех, в том числе и Степана, хотя, по мнению родителей и работников милиции, он-то вряд ли ударился в бега. Ему незачем и не от кого было бегать.

III

Алтухин вышел на улицу из райотдела в одиннадцатом часу дня и с тоской подумал, что до поселка по прямой, переулками и шахтовыми полями топать минут сорок. Можно было дожидаться рейсового автобуса, но и его надо было ждать все те же сорок минут.

– Пошуруй вокруг, – вслух повторил Анатолий слова майора Ярыгина, не скрывая раздражения. И подумал, что слова о любви, сказанные в кабинете начальника с бухты-барахты, если и имели хоть какой-то

смысл, то этот смысл явно относился к Нинке Давляшиной, этой заразе, занозе в общественном теле поселка Нижний.

Три дня тому назад, когда обнаружили покачивающийся от легкого сквозняка иссохший труп мужчины, когда провели опознание и родители исчезнувшего Тютикова узнали своего сына по брюкам и рубашке, тогда Алтухин и вспомнил о Нинке. Кто-то на похоронах сказал, что это она, стерва, угробила парня.

Он решил пойти пешком до поселка, не дожидаясь рейсового автобуса. «Нет, не так это было», – подумал Анатолий, огибая очередной провал на шахтовых отводах. Что именно «не так было» и почему оно «не так было», этого Алтухин и сам не знал: просто пришла в голову мысль и засела там. «Не так это было», – теперь уже вслух произнес Алтухин свою навязчивую мысль. Он вспомнил истерику матери Степана и посеревшее от горя лицо отца. Кажется, именно мать погибшего и упомянула имя Нинки.

«Парней поспрашиваю, да и саму Нинку», – решил Анатолий, хотя, чего скрывать, он уже предвидел все их возможные ответы, из которых, скорее всего, ничего путного не сложится.

«Ведьма она или не ведьма, а уголовной статьи на этот счет нет, – думал Алтухин, преодолевая очередное препятствие в виде заросшего акацией старого, осевшего террикона. – Если рассудить, то все бабы – ведьмы, и чем красивее баба, тем больше в ней чертовщины. Какой же мужик может смотреть равнодушно на бабу, когда она в самой поре?»

Мысль на этом не закончилась. Анатолий иногда сам себе удивлялся, вернее, удивлялся тому, откуда приходят мысли. Вот и сейчас внезапно пришла мысль, вовсе ему несвойственная, пугающе глубокая. Анатолий даже остановился, чтобы понять её.

«Раз церковь от государства отделена,

то, стало быть, и чёрт от неё отделен. Так? Так. Однако же люди верят и в Бога, и в чёрта. Так? Так! Любопытная однако же хреновень получается! Отделили, выходит, от государства не церковь, а людей!» На этом рассудок Алтухина окончательно забуксовал, потому что дальше напрашивалось: «Следовательно...». Но что именно, за чем конкретно и почему должно «ледовать», начисто ускользало от опера. Постояв минут пять и выкурив сигарету, Алтухин покачал головой, неспособной дать ясный и точный ответ на возникшую в этой же голове мысль, и пошел дальше. Однако другие мысли, чаще всего короткие, как заячий хвост, приходили и уходили своим чередом. И чаще всего эти мысли касались Нинки Давляшиной...

Анатолий не хотел себе признаваться, что и он давно уже не может смотреть на Нинку равнодушно, что если бы не жена да не должность, да еще что-то, о чем он глубоко не задумывался, то быть бы ему в свите поклонников Нинки и пить бы ему горько-сладкую чашу безнадежной влюбленности.

«Стервозная девка!» – вырвалось у него, и Анатолий, запнувшись обо что-то, упал. Упал неловко, ушиб колено и скатился в какую-то яму, поросшую полынью и лебедой. Боль, мгновенный испуг и мысль, что эдак можно ухнуть в такую глубину, что и до скончания века никто не найдет, и облегчение, когда остановился в своем падении, слились в одно.

«Вот тебе и урок! Под ноги глядеть нужно, а не о бабах думать!» – Алтухин потер ладонью ушибленное место и осмотрелся вокруг. Полынь и лебеда достигали уровня его глаз, так что видел Анатолий только синее небо над головой и кромку ямы. Покряхтывая, он встал на четвереньки и тут же вскочил, словно увидел гадюку. В каких-то сантиметрах от его лица находился человеческий череп с черными пятнами мяса и клочками

волос. Чуть дальше угадывались остальные части того, что некогда было человеком.

Алтухин не помнил, как выскочил из этой ямы. Соображать он начал тогда, когда отошел метров на сто. «Труп в яме, труп в яме...» – повторял он с упорством маньяка.

Совершенно разбитым душевно и физически пришел он в центр поселка Низкий, и ничего не хотелось ему, кроме кружки-другой холодного пива. Мелькнула мысль, что нужно срочно сообщить о находке дежурному по райотделу, но эту вполне здравую мысль вытеснила другая, все о том же холодном пиве.

К неопишуемой радости Алтухина, возле промтоварного магазина, на пяточке, стоял полуприцеп с надписью на боку «Квас». Но судя по тому, сколько мужиков толпилось рядом, Алтухин понял, что это вовсе не квас, а, скорее, все-таки пиво.

Его пропустили молча, как это обычно и бывает, когда люди видят человека в милицейской форме. Алтухина узнали бы и в гражданской одежде, но тогда реакция была бы иная: коли не при службе, то вставай в очередь, как все. Но он был в форме, а это уже другое дело. Кто-то услужливо протянул ему литровую банку.

Мужики пили тут же, заходя по второму и третьему кругу, а облегчаться бегали в заросли ивняка, где текла черная от угля и мазута безымянная речушка. Алтухин расположился на единственной скамейке, возле входа в промтоварный магазин. Он почти пришел в себя от неожиданной находки. Боль в коленном суставе притихла и давала о себе знать лишь слабыми толчками. Анатолий разглядывал брюки, перепачканные соком травы, и думал, что выглядит он не самым лучшим и уж тем более, не самым достойным образом, как оно бы полагалось представителю власти. Рядом с ним располагалась группа мужиков, и один из них, под хмельком, спросил Алтухина:

– Тебя что, черти по траве катали?

– А что, похоже? – переспросил Алтухин, допивая литровую банку и направляясь за новой порцией. Вернулся он через минуту-другую и спросил у любопытного мужика:

– Ты Нинку Давляшину не видел?

– А я подумал, что это ты с ней в траве упражнения делал, гимнастикой половой занимался...

– Ты, говори, да не заговаривайся! Тоже мне, остряк нашелся. – И чтобы окончательно снять все вопросы по поводу его помятой внешности, добавил:– Напрямик шел, да чуть в выработку не загремел. – Говорить о своей находке он не стал, незачем мужикам было об этом знать.

Легкая на помине Нинка объявилась после этого через несколько минут. Она заскочила в магазин, а когда выходила оттуда, Алтухин окликнул её, стараясь придать голосу официальный тон.

– Давляшина! – Нинка обернулась, и черные брови удивленно вскинулись. – Иди сюда, разговор есть.

Нинка, нагло покачивая бедрами, подошла к Алтухину и чуть подалась вперед корпусом, словно намеревалась поцеловать опера в щеку.

– Нинка, иди ко мне! – позвал кто-то из мужиков, похлопывая себя по колену так, словно кошку или собаку подзывал.

– А на хрен ты мне нужен! – отозвалась Нинка – Ты свою бабу так подзывай, когда тебе приспичит.

– Сука, ты Нинка, – отозвался мужик.

– Может и сука, да не твоя! – отрезала Нинка и, обращаясь к Алтухину, спросила: – Чего звал?

– Ты покойного Тютикова Степана знала?

– Ну и что? – Нинка пренебрежительно передернула плечами.

– Да так, ничего, – Алтухин попытался

придать голосу подобающую строгость. – Так знала или нет?

– Да ты не стесняйся, не стесняйся! Чего ты всё вокруг да около? Ты так и спрашивай, давала я ему или нет?

Мужики перестали галдеть и стали внимательно слушать этот диалог. От Нинки всего можно было ждать. Алтухина внезапно пробил пот – не то от выпитого пива, не то от насмешливого и дерзкого взгляда Нинки.

– Ты вот что... того... может, тебя в отделение вызвать и там с тобой поговорить, а?

– Ну, знала я его, знала, твоего Степку, что нельзя, что ли?

– Есть статья, – и Алтухин повторил слова Ярыгина, – доведение до самоубийства.

– Так что же мне теперь за всех, кому я нравлюсь, замуж выходить? Налетай мужики, становись в очередь – так что ли? Да хотя бы он удавился и из-за меня – так что с того?

– Вышлют тебя, Нинка, на поселение за тунеядство и за распутство, вот что, – сказал Алтухин.

– Так ведь не на Луну же? – хмыкнула Давляшина. – Да и хуже нашего поселка сыскать место трудно. Так что не пугай меня, я пуганая. Ты меня лучше обними как-нибудь вечером, а можешь и сейчас, мне не жалко. Хорошему человеку ничего не жалко!

Нинка не использовала и сотовой части своей тайной силы и забавлялась с Алтухиным просто так, на потеху себе и другим. Вот если бы она захотела...

Алтухин был мужик видный. Год тому назад он объявился в поселке, и Нинка тогда подумала, что неплохо бы и его вовлечь в свои сети, но прислушалась к себе самой и поняла, что не хочет. А отчего не хочет, она не знала и сама.

Попадались такие мужики, которых Нинка не хотела, и она удивлялась тому, отчего не хочет, но ответа на свой вопрос Нинка

не находила. Она знала, что сила возникает в ней только тогда, когда она что-то «хочет», а без этого внутреннего импульса, она – простая, смазливая девка и ничего больше. Это обстоятельство было непостижимой загадкой для самой Нинки. Однажды, в ночь новолуния, Нинка вспомнила бабкину фразу: «Ищи ЕГО среди людей...» Она вспомнила – и тогда все стало понятным и ясным. Тех, в ком не было её господина, – тех Нинка как раз и не хотела.

Правда, в её постель попадали и такие мужики, над которыми не властно было её колдовское очарование, но Нинку они не устраивали: с такими мужиками все было не так, все пресно. Такие не насыщали Нинку так, как те, кого она хотела. Вот и Алтухина она завлекала вечным женским способом, без помощи своего господина, да и то повинаясь больше любопытству и привычке, чем необходимости.

Час тому назад, когда Нинка рассеянно прибиралась в своей комнате, она ощутила какой-то толчок, будто её ударили по ноге. Сейчас, стоя перед опером Алтухиным, она поняла, что именно и почему её толкнуло. Опер нашел еще одну «жертву» её любви. Еще один подарок её господину. Нинка усмехнулась своим тайным мыслям, но Алтухин подумал, что она смеется над ним.

– Зря ты лыбишься, Давляшина! Тебе бы пора серьезно подумать над своей судьбой, а ты лыбишься.

– А то и лыблюсь, дорогой ты мой, красавец ты мой писанный, что о своей-то судьбе я хорошо подумала, а вот ты подумай о своей. – И вдруг очень серьезно добавила: – А то ведь, не только ногу, но и голову себе зашибешь, а кому ты будешь нужен, с ушибленной головой?

Бесовский огонек мелькнул в её глазах, и холодный озноб прошел по спине опера, словно не в глаза девке он посмотрел, а в ствол пистолета.

Одним словом, этот день пошел у Алтухина что называется псу под хвост. Он ничего не решил с бабкиной козой и едва-едва собрал кое-какие свидетельские показания о «нанесении средней тяжести телесных повреждений гражданину Петрову Ю.С. гражданином Серовым М.Н.»

Пришел он домой уже в сумерках и сразу же наткнулся на осуждающий взгляд жены. Ужинал в одиночестве, на кухне, жена демонстративно громко включила телевизор и смотрела мексиканский сериал – новшество, связанное с развитием гласности и свободы.

Последовавшая ночь не принесла примирения: спали, отвернувшись друг от дружки, на диван Алтухин еще не заработал, потому-то уйти с супружеской двуспальной кровати было некуда...

Ушел он на службу чуть свет, так что никаких объяснений с благоверной у него не случилось. По дороге на службу зашел к родителям: они собирались уезжать на свою историческую родину, в Новгород, откуда их привезли в здешние края еще в начале тридцатых годов.

Отец встретил сына на груди упакованного имущества, горой громоздившегося в зале двухкомнатной квартиры.

– Я еще вчера тебя ждал, – сказал старший Алтухин. – В ЖЭКе уже интересовались, будешь ли и ты выписываться из этой квартиры. Думаю, на эту квартиру уже кое-кто глаз положил. Так что ты к своему начальству сходи, или на самом деле определись, где жить будешь, у Таньки или тут.

Татьяна, жена Алтухина, работала преподавателем в школе, и квартиру получила как специалист, по распоряжению из областного центра.

– Ключи от квартиры у тебя есть? – спросил отец.

– Были, – ответил Анатолий.

– Так есть или были? – переспросил отец.

– Были – в смысле есть, – ответил Ана-

толий. – А с начальством я поговорю.

– Как-то лениво, неохотно говоришь, – отец открыл тумбочку и вытащил оттуда почтовый конверт. – Я вчера получил письмо от твоей матери и Наташки, на вот, почитай. И не дожидаясь, когда сын прочтет письмо, принялся рассказывать: пишут, что устроились хорошо, как мы и рассчитывали. Купили домик в пригороде Новгорода, усадьба десять соток! Ну, домик-то я подшаманю, руки еще топор держат!

Анатолий бегло просмотрел письмо, по почерку определил, что писала сестра. Она была старше Анатолия на три года, и первой выехала из городка вместе с мужем и двумя пацанами. Проглядев письмо, Анатолий отдал его отцу.

– Билет на какое число купил? – спросил Анатолий.

– На завтра, – ответил отец. – Ты бы ребят организовал помочь погрузить, – он указал на груды рухляди. – Вроде и не много было, когда по углам рассовано, а как в кучу собрал, так вон что! Деревяхи какие, да вот диван тебе оставляю, может, начальство твое поможет, обменяете две двухкомнатные на трехкомнатную... Оно пока и двухкомнатная хороша, для двоих-то, а ну как детвора пойдет...

Анатолий отмахнулся от отцовских слов.

– А ты не маши, не маши! Спать ложатся вдвоем, а встают втроем. На то и женятся.

Время поджимало, и Анатолий заспешил: «Ну, все, отец, мне пора, побежал. Так, значит, завтра к трем часам дня?» – уточнил он, уже прикрывая за собой дверь.

Пока шел к зданию райотдела, мысли снова переключились на находку в старом шахтовом провале и на слова Давляшиной о его судьбе. Думать об этом было неприятно, тревожно. К этой тревоге примешивалось воспоминание о молчаливой размолвке с женой и завтрашний отъезд отца. Словом,

не в самом лучшем настроении он докладывал о своей находке и обстоятельствах, её сопровождавших, майору Ярыгину.

– Похоже, что это один из тех пропавших, – сказал в заключение своего краткого рапорта Алтухин.

– Пожалуй, – согласился Петр Елисеевич и распорядился подготовить машину для выезда на место.

– Значит, эта Давляшина не скрывала, что покойный Тютиков был в неё влюблен? – переспросил Ярыгин, постукивая кончиком карандаша по столешнице.

– Не скрывала, Петр Елисеевич, – подтвердил Анатолий. – Сказать по правде, она в поселке вроде Кармен, что ли. Полпоселка в неё влюблены, а остальная часть поселка либо люто ненавидит, либо люто завидует.

– Это почти одно и то же, – заметил майор, протягивая руки к пачке папирос. У него опять не получалось потерпеть до обеда. – Значит, распутная особа. Так, так... У нас, что-нибудь на неё есть?

– Да ничего такого, чтобы представить в суд или возбудить уголовное дело. Можно, правда, оформить за тунеядство...

– Так уж сразу и уголовное. Можно для начала и оперативное расследование...

– Бесплезное это дело, Петр Елисеевич: ни свидетелей не найдем, ни тем более заявлений.

– Ну, а те, кто её ненавидят? С этой категорией граждан можно ведь поработать?

– Ну и что? Скажем, заявит какая-нибудь особа, что она на мужа или там на скотину порчу навела...

– Вот даже как? – Ярыгин посмотрел на опера удивленно. – Ты что, в эту чепуху, в эти бабкины сказки всерьез веришь?

– Так ведь верь не верь, а разговоры идут, и все больше вокруг да около этого.

– «Вокруг этого», как ты выразился, к делу не подошьёшь и с этим к прокурору не пойдешь. Нужны факты, улики, свидетель-

ские показания.

– Вот я и говорю, гиблое это дело.

Майор как-то поскуцнел и явно потерял всяческий интерес к теме.

– Разрешите идти? – Алтухин встал и вопросительно поглядел на Ярыгина.

– Да, иди. Машина, наверное, уже подошла. Покажешь и занимайся делами, что там у тебя?

– Всякое разное, мелочевка.

– Ну вот, подчисти всю эту «мелочевку», а с этой Давляшиной... ну да ладно, попробуем найти к ней другой подход. Все, иди.

В отделении Алтухин встретил двух знакомых оперативников и попросил их завтра помочь отцу с вещами.

– Посидим потом, на вокзале, пивка попьем, обмоем отъезд батяни...

Машина подошла минут через пять, и Алтухин вместе с медэкспертом, следователем из прокуратуры, фотографом и санитаром из морга уселись в «уазик». Около часа лавировали по бездорожью, пытаясь как можно ближе подъехать к старому террикону, за которым был обнаружен труп. Наконец измаявшийся водитель, сказал: «Все, дальше, хоть убивайте, не поеду».

– Ну, тогда пойдешь со мной, – сказал судмедэксперт и добавил: – Носилки прихвати.

Пришлось идти пешком метров триста. Алтухин не смотрел, как Катышев собирал в черный полиэтиленовый мешок останки человека, стоял метрах в двадцати, повыше на заросшем склоне терриконика, обдуваемого ветром.

– Ну, впрягайся, впрягайся, – сказал судмедэксперт Катышев шоферу, наклоняясь к носилкам. – Не хотел ехать, так неси.

Алтухин плелся позади их, раздумывая над небрежливостью Катышева, о вчерашнем разговоре с Давляшиной и, особо остро, над поведением жены.

– Ну? – спросил медэксперт Катышев, усаживаясь на откидное сидение и закури-

вая. – Ты с нами, или как?

Алтухин разрывался между необходимостью пойти в поселок Низкий, до которого было около километра и мыслями о своей жене, с которой нужно было объясниться.

Перевесило последнее, и Алтухин поехал домой. Под ногами, в «уазике» на носилках лежали останки трупа в черном полиэтиленовом мешке. Такое соседство было неприятным, и Алтухин всю дорогу смотрел в окно. Вид был привычным, до мельчайших подробностей знакомым, и в то же время Анатолий видел привычное по-новому, как бы взглядом стороннего, и поразился убожеству, мерзости запустения домов, переулков, дорог. Заросли ивы по берегам сточных водоотводов шахт, клена и белопенных тополей не меняли общего впечатления, а, напротив, подчеркивали какую-то временность, ненужность пребывания здесь человека. Природа безуспешно боролась с человеком, как с инородным телом, вонзившимся в ее живую ткань. Результатом этой борьбы были такие болезненные скопления гноя, где живое перемешано с мертвым в нечто зловонное и противное. Но, как ни странно, природа осваивала и облагораживала и такие гнойники цивилизации, мимо которых проезжала машина с опером Алтухиным и с трупом неизвестно кого. Природа, как и эксперт Катусhev, небрежливо делала свое вековечное дело, только вот человек не умел обращать смерть в новые формы жизни, а она могла.

Алтухин попросил остановиться у подъезда своего дома, двухэтажного строения на восемь квартир, с облупившейся штукатуркой по фасаду, с разбитыми входными дверями подъезда. В подъезде пахло мочой и крысами. Алтухин поднялся на второй этаж, вытащил из кармана ключ, вошел в квартиру. Жены дома не было. Это озадачило Алтухина, так как Татьяна собиралась заняться стиркой, а горячую воду давали только

утром и вечером.

В зале, на письменном столе, где жена обычно проверяла тетрадки своих учеников, лежал листок, вырванный из школьной тетради, и, чтобы его не сдуло ветром из открытой форточки, листок был придавлен гипсовой статуэткой Александра Сергеевича Пушкина. Статуэтку подарили жене на день учителя в прошлом году как молодому специалисту, «ищущему новые формы обучения» или что-то в этом роде, – в такие подробности Анатолий никогда не вникал.

Это была записка от жены, и состояла она всего из двух фраз. Текст озадачил Алтухина: «Я уехала в Кемерово к своим родителям. Полагаю, что из всего этого ты сделаешь правильный вывод».

Последняя фраза о «правильном выводе» была настолько многосмысленной, что Анатолий и вовсе растерялся. Он сел в единственное в доме кресло напротив телевизора. Совсем недавно, какую-то неделю тому назад, это кресло было достаточно просторным и широким, чтобы сидеть на нем вдвоем, прижавшись друг к другу. Сейчас же оно раздражало Анатолия своей допотопной объемностью – этакий диван-недоросток. Анатолий сел и задумался.

С одной стороны, «правильный вывод» мог означать, что жена ушла от него, и Анатолию предлагается принять это как должное. Однако такому решению жены вроде бы не было веских и убедительных причин. Попытки разрешить головоломку привели Анатолия в состояние тихой озлобленности. Все как бы свернулось в один клубок без начала и конца, и мысли скакали с одного на другое, растрепанные, злые...

– Конечно, Нинка-ведьма. Все бабы ведьмы! – И тут же, в дополнение к этой мысли, у Анатолия возникла другая: – Выходит, и мать моя... – Додумать эту мысль он до конца не мог, все восставало в нем против логического завершения этой фразы, и

мысль увильнула в сторону. – До занятий в школе еще больше месяца, может, в гости поехала? «Правильный вывод» то и означает, чтобы я не беспокоился понапрасну, – ничего, мол, страшного не произошло...

Тут же подкатило и раздражение:

– Могла бы вместо дурацкого «правильного вывода» так и написать, что, мол, погощу, соскучилась, приеду тогда-то! Могла?!

Мысль Алтухина снова вильнула в сторону, и из памяти всплыла все та же, засевшая в голову, фраза Нинки: «А то и лыблюсь, дорогой ты мой, красавец ты писанный, что о своей-то судьбе я хорошо подумала, а вот ты подумай о своей».

«Не зря же говорят, что её мать и бабка порчу на семьи наводили!» – подумал Алтухин, и тут же усомнился в собственном здравом смысле и способности трезво оценивать ситуацию.

Анатолий не умел подолгу думать, любая рефлексия была чужда его природе, он предпочитал действовать. Вот и женился он в три дня, не рефлексировав по этому поводу. В первый день увидел Татьяну, когда по делам службы зашел в школу, и вечером в тот же день сделал практически незнакомой женщине предложение, чем ввел её в состояние беспредельного изумления.

– Да мы же друг друга не знаем! – сказала Татьяна и вспыхнула от смущения.

– Жизнь длинная, узнаем, – ответил Анатолий таким уверенным голосом, словно ему доподлинно было известно, что только так и нужно узнавать друг друга и никак иначе.

«Вот и узнал, – подумал Анатолий. – А чего узнал? А узнал ты, красавец и опер, что тебе следует сделать «правильный вывод». Вот и делай!»

Однако ни «правильного», никакого иного вывода не делалось, а было глухое, гнетущее раздражение.

Анатолий посмотрел на большие на-

стенные часы, подарок отца к свадьбе, и почему-то вспомнилась сама свадьба. И она показалась Анатолию какой-то глупой и пошлой в самой своей основе. Каким-то скomorошьим спектаклем, захудалым фарсом в провинциальном театре по сценарию столь же провинциального драматурга! Это определение было не его, а Татьяны. Это она так сказала, как только закончилась хмельное веселье, и они остались одни. Тогда Алтухин не обратил на эти слова внимания, мало ли что говорят жены?

Но почему-то, именно сейчас, Анатолий увидел свою свадьбу глазами своей жены и ничуть не удивился этому. В другой бы раз удивился, а сейчас ему показалось, что это он так оценивал и так понимал, а не она.

Откуда было ему знать, что не человек, а только время делает «правильные выводы», человек же лишь совершает поступки. Тот, кто пытается сделать «правильные выводы», если он последователен и упорен в своем желании не ошибиться, обречен на вечное размышление, обречен на бездеятельность. К счастью, природа человеческая такова, что любое размышление она прерывает в самом его начале. Природа принуждает человека действовать. Вот и опер Алтухин, не успев толком задуматься, тут же прервал свои размышления и озаботился потребностью в «хлебе насущном», иначе говоря, почувствовал самый обычный позыв голода. Алтухин оборвал все размышления и обратил свои помыслы к холодильнику.

Умяв изрядный кусок колбасы с чаем и сдобной булкой, Алтухин уже иначе смотрел на ситуацию: она уже не казалась ему трагической и неразрешимой. Не имея ни малейшего представления о древнегреческих философах, он последовал совету Фалеса: «Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает всё».

Алтухин сформулировал это изречение по-своему: «Поживем – увидим». Часы

показывали половину второго, время было рабочее и неотложных дел у опера Алтухина имелось невпроворот. Так ничего и не решив насчет «правильного вывода», Анатолий отправился в райотдел, чтобы исписать положенное количество бумаг, выслушать положенное количество советов и сделать многое другое, из чего складывается служба районного опера.

Уже на улице, по дороге к райотделу, Алтухин добавил к своей первоначальной глубокой мысли и вовсе простое, житейское: «Перебесится – приедет». Так что люди, утверждающие, что нет и не может быть в природе такого человека, который бы не философствовал «по необходимости и в меру своих мыслительных способностей», абсолютно правы.

* * *

Прошла неделя, ничем не примечательная в череде других недель. Разве что жена Алтухина Татьяна, так и не подала о себе весточку.

Жил он эту неделю одновременно в двух квартирах, и все больше и больше склонялся к мысли, что «сделать правильный вывод», скорее всего, означало собрать манатки и перебраться с ними в квартиру отца. Это получалось само собой: вначале опустел холодильник в доме жены и стал пополняться старенький, с крошечной морозильной камерой в углу, отцовский. Потом в отцовском доме появилось байковое одеяло, что-то еще – словом, вещи сами собой осуществляли возможный «правильный вывод» и бежали из квартиры жены, как бегут тараканы из нежилого помещения вслед за хозяевами.

* * *

Майор Ярыгин оставил Алтухина в покое и не бередил его сердце семейством Давляшиных и странной статистикой исчезновений людей в поселке Низкий. Нинку Алтухин не видел, да и не искал встреч с ней до тех пор, пока в злосчастном поселке Низ-

кий в воскресенье вечером в собственном доме не застрелился из табельного пистолета участковый Гриненко.

Убитая горем мать участкового в открытую обвинила Нинку в том, что это она, стерва, свела с ума её сына. «Стерву» утром, в понедельник, привезли в райотдел и поставили пред суровыми майорскими очами. На Давляшиной, кроме ситцевого платья да легкого узорчатого платка с крупными алыми розами, накинутого небрежно на плечи, черных туфель на босу ногу, ничего не было. На все настойчивые просьбы оперативников одеться поприличнее, она дерзко отвечала, что нет такого закона, указывающего, как ей одеваться, а преть в такую жару она не намерена. Да и сидела в майорском кабинете Нинка также «по-фирменному»: бесстыдно заложив ногу на ногу и оголившись соответственно до такого предела, что майору пришлось попросить Нинку сесть не напротив его, а в стороне, где вдоль стены стояли стулья, и притом «сесть прилично».

Нинка фыркнула, как рассерженная кошка, но пересела. Обычно Ярыгин вел разговоры с подозреваемыми таким образом, чтобы непременно видеть глаза собеседника. Весь его почти тридцатилетний милицкий опыт говорил о том, что «уста могут солгать, а глаза не лгут». Но на этот раз Петр Елисеевич повел себя иначе, и причина такого поведения заключалась в том, что, когда вводили в кабинет Давляшину, их взгляды на долю секунды встретились, и этой доли секунды хватило, чтобы старого милицкого волка пронизал холодный озноб. Даже самому себе он бы не признался, что боится взгляда этой распутной девки, потому что бояться чего-либо ему, майору милиции, не раз глядевшему смерти в глаза, не полагалось по должности. Но случилось то, что случилось, и потому-то Ярыгин разговаривал с этой девахой, уткнув глаза в бумажный лист, на котором майорская рука автомати-

чески рисовала разные рожицы. Привычка рисовать у майора была с детства. Наверное, в Ярыгине умер художник, но взамен родился сыщик и, судя по наградам и грамотам, не самый плохой.

– В каких отношениях Вы, гражданка Давляшина, находились с участковым Гриненко?

– спросил Ярыгин, заранее зная ответ, потому что находиться в каких-то иных, кроме самых что ни на есть интимных отношений, с такой девкой было попросту невозможно. Но он спросил, потому что к тому его вынуждала обстановка: допрос – он и есть допрос.

Нинка опять фыркнула, но ответила:

– Вам как отвечать, прямой речью или с вывертами?

– Как положено, так и отвечай.

– Так ведь по-разному кладут. Гриненко, к примеру, предпочитал, чтобы я лежала на животе, а другие...

Ярыгин ударил ладонью по столу и рявкнул:

– Перестань хамить! Я тебе в отцы го-жусь!

Но окрик, который обычно ставил любого распоясавшегося человека на место, не произвел на Нинку никакого впечатления.

– Вы, товарищ майор, еще кое на что годитесь, и не надо кричать, а то пуп развяжется.

Владимир Иванов

ДВЕ СУДЬБЫ – ОДНА ВОЙНА

РАССКАЗ

1

Разведка боем, охота на «языка», постоянное наблюдение за противником – для разведчиков обычное в таких случаях дело.

Кругом леса, болота. В таких местах деревенские кладбища часто на возвышении. Здесь и сделали наблюдательный пункт. Выбрали точку, где к потемневшему кресту склонилась рябина. Выкопали и оборудовали подобие блиндажа - укрытие-схорон для наблюдателей. Под прикрытием рябины замаскировали стереотрубу, а трубу прикрепили к кресту снизу. Днем вокруг нашей секретной точки мертвая тишина. Менялись только ночью.

Уже больше недели наш полк не продвигается вперед. Говорят, ждем подкрепления. Соваться к немцам без тщательной подготовки нельзя. У врага – укрепленная бетоном оборонительная система. Недаром так тщательно готовится наше наступление. Судя по оживлению, ждать осталось недолго. Прибывает техника и люди.

А мы изучаем распорядок дня неприятеля,

места установки минометов, орудий, передвижение живой силы, расположение дзотов, блиндажей, траншей, места и время наиболее частого скопления солдат и офицеров... Эти сведения нужны не только пехоте, но и минометчикам, расчетам самоходных, артиллерийских орудий...

Впервые пост я принял перед рассветом. Аккуратно спускаюсь в блиндаж. Через стереотрубу в ночной мгле ничего не видно. Но всё равно, как положено, периодически всматриваюсь в темноту: не ведут ли немцы скрытно под прикрытием ночи какие-либо работы, не наблюдается ли их перемещение. Пока всё тихо, никаких огней.

Светает. Густой болотный туман сползает в низину. Обозначилась противоположная высота, где укрепился враг. На склоне видны изгибы траншей и угадываются замаскированные пулеметные точки. За траншеями, на первый взгляд, ничего нет, лишь трава и кустарники на возвышенности. Но кое-где дерн сполз и обнажил серый бетон, щели амбразур. В течение дня наблюдались лишь редкие выстрелы с той и другой сторо-

36

Иванов Владимир Васильевич в деревне Макаровка в Башкирии, детство прошло в селе Банново Крапивинского района. Окончил Крапивинскую среднюю школу, Уральский госуниверситет, учился в Литературном институте, служил в армии в Забайкалье.. Автор десяти персональных книг, изданных в Москве и Кемерове. Произведения публиковались в столичных книгах-антологиях, в других коллективных сборниках, печатались в московских и региональных журналах, переводились на венгерский и болгарский языки. Номинант Международной литературной премии имени В.П. Крапивина, лауреат литературных премий «Молодость Кузбасса», «Образ» и др. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Награжден юбилейной шолоховской медалью «За гуманизм и служение России». Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Член Союзов писателей СССР и России с 1983 года. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса».

Живёт в Кемерове.

ны, никаких активных действий. Первое мое дежурство прошло без происшествий.

Через двое суток по сумеркам снова на посту. Между нашей высотой и той, где окопались фрицы, лощина, переходящая в заболоченный овраг. Я это знаю. Пять дней назад через него ходили за «языком». С моего наблюдательного пункта можно узнать лишь о переднем крае обороны противника. А что там в глубине, какова численность главных сил, какой резерв, где штаб, командный пункт, склады, сколько какой военной техники - может рассказать лишь захваченный живой противник. «Язык» оказался с ценными сведениями. За него меня представили к медали «За отвагу». Хотел о том отписать отцу, да все недосуг. Напишу, когда в роту вернусь. Мой отец женился рано, в семнадцать лет. Когда мне исполнилось восемнадцать, ему было только тридцать шесть. Но на фронт он не попал, ногу на производстве потерял. Вот и выходит – я воюю здесь за двоих. Уже год как воюю, и пока слышу везунчиком. Лишь однажды ранило - и то легко. Пуля коснулась правого бока. Так что и в госпиталь не пришлось направлять. Привели в строевую годность в своем же медико-санитарном батальоне.

Через заболоченный овраг проложена дорога, сооружена гать из бревен в несколько накатов. Справа и слева подернутые ряской озера и зыбкая топь. Ни бойцам, ни подводам, ни технике для флангового обхода путей нет. Вот почему здесь фрицы отчаянно обороняются и остановили наше продвижение. На совесть, с немецкой основательностью исполнена дорога. Каково это – мостить болото по всем правилам военной науки – испытывал на себе. На подступах к Брянску гатили топи круглосуточно. Отводили грунтовые воды, зыби укрепляли деревом, где твёрдый грунт били сваи. В сапогах чавкает, сам весь мокрый, в грязи. Вымотались, но за неделю управились.

Вглядываюсь в перископ. В рассеивающемся предрассветном тумане стало заметно передвижение немцев к блиндажам, окопам, орудиям. Тут же с нашей стороны заговорила артиллерия. Одно из двух. Или немцы решили начать атаку, а наши упредили, или же наоборот – мы наступаем, а немцы разведали об этом и готовятся к отражению атаки. Скорее второе. Наша артиллерия бьет в основном в глубину обороны противника. Несколько снарядов ложатся ближе - за окопы в район вражеского дота. Но вот включились в атаку наши минометы и мины стали разрываться подле немецких укреплений. В стереотрубу видно, как засуетились серо-зеленые вражеские фигуры, а также - где недолёт, перелёт и насколько в сторону от цели ложатся мины и снаряды. Сообщаю об этом по связи в закодированном виде в штаб батальона.

- Докладывай открытым текстом! Теперь можно - переходим в наступление! – слышу голос командира.

В открытую продолжаю корректировать огонь. После наводки еще один блиндаж взлетает на воздух. Еще корректировка – самоходка накрылась вместе с расчетом. Стали отвечать орудия с вражеской стороны, снаряды рвутся позади в районе нашего сосредоточения. Ложатся взрывы и возле меня. Засекли мой наблюдательный пункт, не иначе. Очередным взрывом сломало крест и со стереотрубой отбросило в сторону. Я выбрался, чтобы установить трубу на прежнее место. Другой взрыв вздыбил землю и обрушил её на меня. То ли от тяжести земли, то ли оглушенный взрывом, я не почувствовал боли. Попробовал пошевелить руками. Вроде целы. Где же автомат? Пошарил руками вокруг, но не обнаружил. Что-то сдавливает горло. Это перехлестнул горло ремень автомата. Пытаюсь вытащить его из-под себя. Но не могу: острая боль в правом плече. И в живот будто разогретую сковороду сунули.

А вдруг наша атака захлебнется и немцы попрут вперед. Как тогда без автомата! Отдышался и с усилием дернул. Ремень ослабился, дышать стало легче. Положил автомат перед собой, - теперь хоть какое-то чувство защищенности.

Снаряды с гулом уходят в сторону вражеских укреплений. Вот в атаку пошли первые цепи. Зачем же так рано кричать «Ура!» До боестолкновения еще ведь далеко. И зачем кричать так тихо? Нет, это не «ура». Это «гу-га». Значит, первой идет штрафная рота. Они при атаке всегда так кричат. Заградительный отряд, который следует за ними и гонит их вперед, отделяет штрафников от остальной армии. Они как изгои. А раз так, то и мы будем – кричать не «ура», а «гу-га». Этот крик действует на немцев гипнотически, парализует волю. Они знают: штрафники не повернут назад и пощады от них не будет.

«Гу-га!» - слышится уже далеко впереди. Чем дальше уходит от меня первая цепь, тем согласованнее и громче крики атакующих. Мало кто из штрафников останется в живых. Но если уцелеет – искупит свою вину.

За штрафниками проследовал заградительный отряд, там в строю бегут молча. Вот и наш батальон пошел. Основной поток атакующих идет по дороге, а я, засыпанный, лежу у придорожной могилы. Машу им, кричу и стреляю в воздух. Но меня не слышат и не замечают. Я знаю, они нацелены только вперед. Бойцы будто в трансе. Сам не раз ходил в атаку и понимаю их состояние.

Спохватятся ли меня? Не знаю. Батальонные санитары, вернее, санитарки, здесь вряд ли будут искать раненых. Их место там, впереди, на поле боя. Надежда на штрафников. После выполнения задачи они не последуют дальше с действующими частями, а вернуться назад, к назначенному месту сбора. Им спишут наказание, оформят документы и направят продолжать службу в других

частях. Но уцелеет ли хоть кто-нибудь из штрафной роты? Пошевелился, чтобы тело не затекло. Но мне не следует двигаться. Все остальное не от меня зависит. А от кого?.. От Бога?! Ну почему я в свои двадцать должен умирать!.. Почему?.. Господи, сделай так, чтоб остался жив! Я ведь и не жил-то еще. Я еще по-настоящему никого и не любил, у меня ни жены, ни детей, я у родителей один. Мне нельзя умирать!

Не знаю, что на меня нашло. До мозга костей комсомолец, кандидат в члены партии. Раньше ведь и не помышлял о Боге... Вспомнился себе маленьким мальчиком в гостях у бабушки. Вспомнились ее иконы в переднем углу, ее молитвы...

Забытье придало сил. Когда очнулся, впереди гремел бой, слышались, как размытое эхо, голоса. Губы пересохли. Солнце в зените. Больше всего тревожит, что выпадаю в безразличие. Гаснет воля к жизни. В сапоге хлюпает. О животе стараюсь не думать. Лишь бы сознание не отключилось. В сторону боя изредка проезжают машины. Вот проехала медико-санитарная с красным крестом. Закрываю глаза, считаю до десяти, открываю.

Идут. Их шестеро. Приближаются по дороге.

- Братцы! – кричу. – Братцы!

Не обращают внимания.

- Братцы, я здесь!

Не слышат. Вспоминаю про автомат. Поднять его не могу. Упираю приклад в землю, нажимаю на спуск. Обернулись. Взяли свое оружие наизготовку. Снова кричу, машу свободной левой рукой и стреляю в воздух. Заметили, переглядываются. Стали приближаться. Неужели плачу? Влага стекает по щекам. Подошли. Сказал им, что ранен. Разгребли землю. Один приподнял гимнастерку и, глядя на живот, удивленно присвистнул:

- Да он и не жилец!

Молча переглянулись. Мне стало страш-

38

но. Закрыв глаза.

- Нужны нам проблемы? – спросил другой. - Сами еле уцелели, а с ним неизвестно, чем дело обернется. Лишняя морока.

- И правда, - поддержал третий. – Скорее получить документы и свободны.

- Так он же нам зачтется! Мало ли какая выйдет закавыка, - возразил другой.

Я открыл глаза поглядеть на своего заступника. Вижу мужики смотрят на того, который в центре. Никак – старший. Всё от него зависит. Решили транспортировать. Но как? Говорю им, что в блиндаже есть плащ-палатка. Сделали подобие носилок, понесли. «Да он не жилец» не выходит из головы. Вспомнил и про разговор двух бывалых бойцов в походном госпитале при своем первом ранении. Говорил один другому про какую-то инструкцию – будто запрещено хирургам оперировать раненых в живот, если со времени ранения прошло более шести часов. Как перешла наша армия в наступление, стало больше раненых, а хирургов и медикаментов не хватает. К тому же у тех, кому запоздало штопали внутренности, процент выздоровления крайне низкий. «Как же медики вывели именно этот срок – шесть часов?» - удивлялся я тогда. Поудивлялся и забыл, посчитав, что такого со мной-то уж точно не случится. Забыл, потому что кто же заранее собирается получить пулю или осколок в живот? А сейчас вот вспомнилось. После моего ранения уж точно прошло более шести часов.

- Братцы! - говорю. – Не сообщайте, где меня подобрали, скажите, что вынесли с поля боя. Очень прошу.

- Опять двадцать пять! – недоволен тот, первый, который о лишней мороке со мной. – Скажи «спасибо», что вообще несем.

- Спасибо, - шепчу.

- Ладно, не скажем, - успокаивает старший. – А какая разница?

- Так надо, - шепчу. – Прошу.

- Хорошо. Принято.

Нас нагнала медико-санитарная машина. Штрафники подняли меня к остальным раненым. С ними и попал в полевой госпиталь.

- Когда ранило? – привычно спросил хирург.

Сказал, что в полдень, на поле боя. Он осмотрел живот.

- Когда ранило? – снова наклонился надо мной хирург, пристально вглядываясь в глаза и допытываясь правды.

Я повторил и добавил, что взрывом засыпало землей. Не могу определить: или он сомневается, или совсем не верит. Если не верит, не станут оперировать, а сразу направят в палату для умирающих. Вот несут. В операционную! Но после операции всё равно положили к безнадежным. Люди в белом приходили, уходили, наклонялись надо мной – всё это сквозь забытьё помнится смутно. Но я и в самом деле оказался везучим! Выжил! Ранение в плечо, в голень по сравнению с животом можно считать пустячными царапинами – кости не задеты. А вот кишки промывали и штопали, как потом сказали, основательно и долго. Спасибо хирургам! Сделали свое дело на совесть, хоть и не верили в моё выздоровление. Когда же убедились в моем спасении, перевели в палату для выздоравливающих. Тут на меня смотрели как на вернувшегося с того света. Удивлялись, говорили, что при моем случае не выживают. Я и сам удивлялся. Кто-то свыше услышал мою предсмертную просьбу!? Немного поправился - списали подчистую. Однополчане тепло проводили, пожелав успешного выздоровления. Земляк-отпускник был провожатым моим до самого Кемерова. Был рад, что сопровождает. Отпуск он давно заслужил, только кто ж его даст в такое время. Если бы не твое ранение, говорил он, отпуска мне не видать. Приехали, доставил меня в госпиталь, а сам уехал

к себе на краткосрочную побывку в Тисуль. Госпиталь, где я долечивался, размещён в моей родной школе.

Отец на фронт мне уже писал, что трудится председателем колхоза. После выписки из госпиталя он увез к себе – набираться сил и здоровья на свежем воздухе и парном деревенском молоке.

В деревне мы и встретили Победу.

2

Я на фронте не был. Ногу в шахте потерял, протез вместо нее. Мужики здоровые, вроде сына моего, - на войне, а тут старики, бабы да ребятишки, ну и вроде меня – непригодные.

Раз вызывают в райком: «Ты коммунист? Вот тебе участок фронта – целый колхоз». Приехали в город за мной на серой кобыле Ласточке – хорошая такая, худая только. Антон Кончилов приехал. Собрание. Выбрали председателем. Кончилов меня определил временно пока без семьи к себе. Так я опять начал деревенскую жизнь. Там, в Марчихе Кемеровского района, раньше был один колхоз – имени Коминтерна. Теперь хозяйство поделили на два. Мой колхоз назвали «Зеленый луг».

Ну и что мне досталось? Двадцать восемь колхозных семей. Восемь человек из них бездомные. У Антона Кончилова домишко вот-вот развалится. Коней с жеребятами тридцать четыре, из них рабочих лошадей двадцать две. Коров одиннадцать, двенадцатый – бык. Четыре свиньи, пятый – боров. Двадцать курей, двадцать первый – петух. Десять овец, одиннадцатый – баран. Пятьсот сорок гектаров зерновых, двадцать картофеля, три капусты, гектар моркови, гектар огурцов, луку соток двадцать. Из построек что было? Сушилка начатая, готов только корпус. Конюшня, свинарник были, ещё коровник – крыша без потолка. Сбрую всю сами ладили.

Управились с посевной, занялся строительством. Послал за лесом в тайгу вверх по Томи – нарубили, приплавляли. Нанял людей – давай срубы рубить. В первый год телятник поставили, свинарник подремонтировали и удлиннили на два заплота. Под курятник часть старого свинарника приспособили, сушилку начатую доделали. Себе домик поставил.

Колхозники три года деньгами не получали зарплату. Люди задолжали, обнищали, изголодались. У кого живность есть – за нее налог плати, еще и мясом потом сдавай. Корова-то живая, от нее ведь не отрежешь кусок. У кого вырос бычок, люди складывались – сдавали мясо за двоих, за троих. Не уплатил – приезжают милиционер, финагент и забирают корову. В первый год председательства у троих вот так забрать коров хотели. Ну, что делать? Колхозными заплатил. Тайком, конечно. А до меня не одну корову со двора свели.

Жали колхозника со всех сторон – уполномоченные. Обкладывали сельхозналогом также картошку, табак, лук, капусту и прочее. С восходом солнца приезжали, обмеряли – сколько у кого, накладывали налог. Так вот я людям давал садить картошку на колхозном поле, - чтоб голодные себя обеспечивали. Но делянки маскировали. Глянешь со стороны – сплошной колхозный массив.

В мае после посевной нам давали наряд-задание по займу в фонд обороны. На колхоз план по займам был один, на колхозников – другой. Ну, за колхоз я платил аккуратно. А как начнешь задание по займу среди колхозников распределять – хоть караул кричи. Распределяли председатель колхоза, уполномоченный, члены правления. Это очень было сложно. У нас колхоз бедный был. Некоторые не то что коровы, - избы своей не имели! А заем плати! Потом прикинул – за всю войну в фонд обороны я как председатель пятьдесят две тысячи уплатил.

С колхозников брали меньше. Военные займы так и не были потом возвращены.

Когда знакомился с хозяйством, - в амбаре обнаружил просо! Колхозники просто не знали, что с ним делать. Но я в деревне рос, после гибели отца от колчаковцев двенадцати годов остался старшим в семье, пахал и сеял. У нас тогда крупорушка была. Деревня Сормолотная – в километрах четырех от нас – имела крупорушку, лошади жернова крутили. Там и обрушили это просо. После посевной продали на базаре. Каша да картошка людей в основном и выручали. Известили район: завтра приезжайте к нам с финагентами – люди рассчитаются за заем, за налоги. Так в первый год сподобило меня выручить колхозников.

Первый год вышли из положения, на второй полегче стало. Съездил в инкубатор, купили цыплят, - пятьсот только колхозу, вдобавок колхозникам. Крупу опять на базар - деньгами обзавелся. Потом яйцами стали торговать на базаре. Было чем дыры латать.

Людей на сенокос, на уборочную шеф «Сантехмонтаж» из Кемерова вырешил. Двадцать мужиков – краше в гроб кладут! Конечно, хороших работников кто даст! Самим нужны. Бессемейных, неустроенных, бракованных не только на войну, но и на производство. Откормил и их. Помаленьку-потихоньку вдовы да одинокие колхозницы их по домам поразобрали. В этом деле шибко нам и сосед помог – колхоз им. Коминтерна. Мы же в одной деревне с ним. А под конец войны военкомат всех на комиссию, мужиков этих забрали обратно в город. Только кузнец Сидоров остался, МТС на него брешь наложил.

И опять мы при своей малой живой силе. Подошла уборка. Два тракториста, один комбайнер, один штурвальный, учетчик, водовоз и повариха. Вот и весь штат. А транспорт две-три брички обслуживают

комбайн. А когда хороший урожай – четыре. Помню, овес жали. Четыре пары лошадей не успевали отвозить на колхозный ток! Такой овес был. Сорты «Победа». Тридцать центнеров с гектара взяли. Но половину этого овса потеряли. Приехали на эту полосу, когда солнце уже закатывалось. И вот начали. Две брички нагрузили – комбайн стоит, бункер полон. Не успевают подводы оборачиваться с тока. Я послал еще две брички. А возить было километра три – расстояние порядочное. Два раза объехали – четыре пары лошадей не успевают! Ну, мне тракторист и говорит: «Давай оставим. Завтра придем, каких-то три-четыре часа – и поле сжато». Я и послушался. Погода днем стояла хорошая, а ночью – дождь, ветер. Утром приезжаем на поле – метелки пустые стоят и вся земля овсом усыпана, страшно смотреть! Вчера четыре брички на круг не хватало, а тут круг дали – всего полбрички. Как жалко было! Только овес нас и выручал. В соседних колхозах по сто да сто двадцать лошадей, у меня рабочих всего двадцать две, а задание дают одинаковое. Да еще отвлекают чистить аэропорт городской, на дорожное строительство с Кемерова на Новокузнецк. Мы должны были гравий возить с Томи, укладывать, утрамбовывать. Ну а сколько там лошаденка может вывезти? С полкуба, не больше. Целое лето держи на этом строительстве четырех человек и две лошади. А ведь это работа бесплатная. Однажды приезжаю с совещания из Кемерова, а у меня ни одной лошади. Все забрали на дорогу. Мастер доротдела как-то пристал ко мне – дай лошадь да дай, ездить не на чем. Я дал молоденького жеребчика. Так он два года с него не слазил. Правда, в благодарность наш колхоз мало дергал, - жеребчик выручил.

Заготовка леса – тоже бесплатно! Как зима – начинаются мучения с лесозаготовками. У меня пять лошадей в тайге на лесоповале, а десять возят корм для них. От нашей

Марчихи до лесоповала километров девяносто. Из дома везешь воз, а туда привезешь полвоза. За один день не доедешь. Ночевали в Ермаках. Везут сено пять лошадей, но их же в пути кормить надо! Доказывал, что на мой малый колхозишко надо и план ниже, но ничего не добился. Выполняй - и все. Но благодаря овсу лошади держались. У меня возле конного двора амбар был, в него и засыпали. Неучтенный, конечно. Если кони совсем дойдут - пиши пропало. А кто же на них столько овса отпустит! Каждый день поутру, только напоили лошадей, засыпаем по четыре килограмма на животину, на том и держались. Но донесли, что кормлю лошадей овсом! Но я на всякий случай это предусмотрел. С заведующим подсобного хозяйства «Сантехмонтажа» договорился, будто у нас в амбаре лежит их семенной фонд. На самом деле их овес лежал в колхозе им. Коминтерна. На случай чего один ключ у него, второй у меня. Говорю: «Нет у нас никакого овса». Заведующий подтвердил, что это их овес.

На лесозаготовках столовая плохая, кормят из рук вон. Ну, никак, никак не по нашему колхозу дело. Посылаю Антона Кончилова как парламентаря с предложением договориться. Привозит он весть: «Пусть председатель сам приедет». Можно, значит, договориться! Собираю правление колхоза. Говорю: для питания колхозников на заготовке и вывозке леса надо столько-то мяса, хлеба. Цифру обозначил с запасом, чтоб маленько продать на базаре и спирту купить. Ладно. Утверждаю решение правления на общем собрании. Зарезали свинью, пару баранов, загрузили муки пуда четыре, спирту купил в городе. В Суете был участок заготовки. Как стемнело, взял спирту, хлеба, мяса, сала и пошел. Познакомились. Говорю, давайте договоримся, чтобы для нас было хорошо и для вас тоже. Не возражают. Как мы будем оформлять всё? Давайте так, говорят, сразу вы всех не забирайте. Оставляйте ло-

шадку и двух работников. На недельку, не больше. А потом мы их потихоньку отправим. У нас каждый день вывешивается, кто сколько заготовил и вывез. Так что сразу всех нельзя. Дадим квитанцию, что вы полностью свои объемы выполнили, а число поставите сами, какое нужно. Посидели, выпили. Наутро лошадку запрягли, я отправил Кончилова, отвез он им все наше привезенное добро. Взяли квитанцию и уехали. Через неделю у меня и лошади все, и люди на месте.

Каких только заданий тогда не было! Колхозникам ничего не осталось. А им тогда можно было выдавать только пятнадцать процентов от сданного государству.

Во время уборки продавал мужик с Пинигина быка хорошего. Мяса-то у нас нет, а работаем от зари до зари. Решили вскладчину купить этого быка за хлеб. Правление колхоза вынесло решение, отдали колхозное зерно мужику. Привели быка, закололи, мясо разделили, составили ведомость - с кого сколько потом удержать зерна за мясо.

Закончили мы уборку в своем колхозе, сдали хлеб, а положенные пятнадцать процентов надо колхозникам отдавать. На эти пятнадцать процентов колхознику причитается с гилькин нос. Да еще за быка надо платить. Выходит, кое-кто совсем зерна не получит. Про то я уже наперед знал. Ну и сделал заначку - рожь и просо. Из неучтенного намолота. Оттуда и выделил колхозникам дополнительно по трудодням. Я уже говорил: по государственному плану зерно сдал, МТСу натурплату сдал, в фонд обороны сдал. Потом добавили еще пятьдесят центнеров - сдал, еще сорок добавили - сдал. А когда еще пятьдесят центнеров накиннули, отказался. «Нет больше у меня хлеба, неоткуда брать!» - говорю. Откуда берутся эти дополнительные задания? Мы ведь тоже не дураки. Понимаем. У начальства под боком какие есть колхозы, совхозы - им заниженное задание. От них все себе тащат - моло-

ко, масло, яйца, хлеб, мясо. Вот за это им поблажка. Да еще из города шахтеров или еще кого по разнарядке им на подмогу. Они в передовиках, награды им всякие. Они по восемнадцать-двадцать кило получали на трудодень, а мы по двести граммов. Раскидают остальным их задание, - а ты кожилься. Так самоуправно могут вытрясать зерно без предела. Потому и заявил, что хлеба больше нету. А вдруг проверять придут! Надо скорее остатки колхозникам раздать.

Приезжаю в контору. Счетоводу:

- Ведомости составил?
- Составил.
- Покажи.

Я просмотрел на выбор. Оба расписались.

- Передашь ведомости кладовщику – говорю. - Бригадир организует вывозку. Отпускайте зерно всем по списку.

Запрягли мне жеребца, и поехал я со своей Марчихи в Маручак. Это километра три. Когда свою уборку закончили, у меня туда послано было двенадцать человек. Надо узнать, как у них дела идут. Возвращаюсь, а в Марчиху, оказывается, уже приехали прокурор районный и бухгалтер райзо. Днем мы раздали хлеб, а вечером они нагрянули. Сидят в конторе, ждут меня. Ну, думаю, пропал! Уже разузнали, труба дело! Кто-то успел сообщить, сейчас начнется. Прокурор мне:

- Как так получилось, что вы быка за хлеб колхозный людям взяли? Кто разрешил?

Я объяснил: это отдали не хлеб колхоза, а хлеб колхозников в счет трудодней. Я кладовщику еще раньше сказал: «За мясо, кто сколько взял, обязательно удержи под расписку в ведомости». Потому спокойно прокурору говорю:

- Мы сегодня хлеб на трудодни раздавали и с каждого за мясо удержали.

Прокурор сразу:

- А документы где?
- У кладовщика.

- Документы чтоб тут были!

Ну, думаю, пронесло. Кладовщик у меня мужик надежный, все сделает, как положено. Значит, они только по быку приехали.

Но тут бухгалтер райзо:

- Что вы понаделали? Безобразия! Растащили хлеб, разворовали!

Опять внутри заныло. Выходит, и про это докопались. И так тоскливо стало. Вспомнил я, как мальчишкой в гражданскую с отцом от колчаковцев спасался – на волосок от гибели были. Тогда ведь все от случая зависело. Не знаешь, какой шаг куда ведет. Не раз мне эти страхи снились. И сейчас такое же чувство. Ничего не поделаешь, надо идти до последнего, не сознаваться!

- Мы хлеб не воровали, - говорю, - а брали, что положено.

- Отправляй кого за кладовщиком, - говорит прокурор. – Пусть документы принесет.

- Зачем отправлять? – говорю. – Мигом на лошади сам обернусь.

Мне-то надо узнать, как раздача хлеба прошла. Сел, поехал. А мне к кладовщику мимо дома своего. Когда проезжал, меня и окликнули. Кладовщик и бригадир пришли ко мне домой, сидят, меня дожидаются. Я кладовщику:

- Рожь раздали?
- Раздали.
- Просо раздали?
- Раздали.
- За мясо удержал?
- Удержал.
- Обе ведомости здесь?

Забрал ведомости и говорю:

- Теперь можете идти домой.

Кладовщик мне:

- А если прокурор нас пригласит? Давай соберем у колхозников хлеб, пока все в наличии!

Я говорю:

- Ты забудь об этом. Забудь! Мы хлеба

лишнего никому не раздавали. Понятно? Было отпущено, сколько положено по трудодням.

С этими словами взял и порвал вторую ведомость, которая незаконная. Приезжаю, вручаю ведомость прокурору. Он мне:

- Выдели посыльного, надо вызывать людей.

Техничка конторы поступила в распоряжение прокурора.

- А теперь мне надо отдельное помещение.

- Тут чем не глянется?

- Тут вы с бухгалтером райзо будете другим вопросом заниматься.

- А вы разве не по одному вопросу?

- Нет, не по одному.

Выходит, в самом деле им известно про рожь и просо. Но тогда почему сам прокурор не взялся за это дело? Думай – не думай, а деваться некуда. Поехал к председателю колхоза имени Коминтерна. Мы с ним хорошо ладили. Он предоставил прокурору свою контору, техничка ходит за колхозниками, прокурор с ними там беседует. А я, значит, с бухгалтером райзо отдельно.

- Почему дали разную сводку по пшенице в райком, МТС и нам в райзо? – спрашивает он.

Тут душа стала на место. Картина ясная. Убирали мы пшеницу. Был я в то время на районном совещании, приехал, спрашиваю у весовщика, сколько намолота. Он сказал. Вижу, там нету столько. Заставил заворочить, взял рулетку, замерил, высчитал в кубатуре, превратил в вес. На четырнадцать тонн намолоту приписали мои грамотеи! И уже отправили сводку! Показал я свои расчеты бригадиру, весовщику, а они только головами кивают. Зачем, говорю, вы приписали? Подождали бы меня! А теперь сводка пошла в райзо. Там отчет один, а тут вес другой. Там одна цифра, а тут другая. Я вам не подпишу, говорю, столько тонн намолоту. Та

бумажка, что пошла в райзо, не переделана. Проверяющий попросил вызвать бригадира тракторной бригады, весовщика. Они подтвердили – получилось так-то и так-то. На этом всё у нас и уладилось.

И кого прокурор спрашивал, ничего лишнего не сказали. Вот так было в то время. Крутились, как могли.

Дождались наконец Победы, кончилась война. Хотя не все, но пришли мужики с фронта. Есть кому работать на земле. И у меня радость. Сын вернулся. Покалеченный, но живой. На участке трудового фронта я свой долг исполнил. Попросился обратно в город. На протезе в деревне не то, что в городе. Да и сыну надо постоянно в городе подлечиваться. Колхозники уважили мою просьбу, решением собрания отпустили.

3

Подготовка к этому дню начинается загодя. Отец с сыном составляют список продуктов к празднику и всего остального, что полагается. Их обслуживает женщина-социальный работник. Она делает покупки. День Победы отец и сын встречают в чистых выглаженных брюках и рубашках. Живут неподалеку от площади Советов, где пройдут парад и демонстрация. Парада еще нет, но уже с площади в форточку доносится бодрая музыка. Стол застелен свежей скатертью. Но выставлять на стол еще рано. Это потом, когда завершится демонстрация и с площади народ пойдет по домам. К ним обязательно с демонстрации зайдут родственники. Так заведено. Подойдут и знакомые, соседи.

А пока с началом парада им надо ощутить праздник вдвоем. На столе две стопки для фронтовых сто граммов и нехитрая закуска на двоих. Сын, помолившись, крестится. Подняв стопки, смотрят друг на друга.

- Отец, живём?! – прерывает молчание сын.

- Живём, сынок!..

Борис Климычев

КВАРТИРА В ТОМСКЕ

1.

Саня Тройкин в армии командовал ротой. Грудь колесом, маленькие синие глазки, вздернутый носик. Саню, пьяного, милиционер хотел задержать. Саня его избил. Судили. Саня выступил на суде блистательно. Честь русского офицера! Русский человек горяч и честен, за родину жизнь по капле отдаст.

Дали условно, из армии уволили. Через какое-то время Саня сумел стать редактором районной газеты, сочли, что отставной капитан вполне может командовать суффиксами и флексиями.

Я знал, что Саня грубиян и нахал. Но он обещал помочь с квартирой. И я поступил в его редакцию.

И через недели две, Александр Автономович гордо сказал:

- Трепаться не люблю! Есть жилье. Собес нашего района дом купил, а во дворе там еще маленький отдельный домик, он им не нужен, вот там и будешь жить.

Стал меня Тройкин заселять, сторож собеса не пускает:

-Домик? Есть курятник, сарай. Куда ж? В курятник? Корреспондента?

Перепалка. Как я понял, сторож этот

дом записал на родню, себе получил квартиру, затем дом загнали.

Иван Егорович при этом сумел остаться в своей усадьбе: стал тут сторожем, огород сажает, домик - летняя кухня.

- Как можно? Замерзнет там человек. Через дорогу - бандиты живут. Я в доме со ставнями, с ружьем и то всю ночь дрожу, а тут, в избушке на задворках, одному... Окно вышибут, и...

Тройкин возвысил голос. Егорович сказал:

- Ну, раз - приказ... Только пусть дрова привезет, а то мои жечь будет...

Еще через день ушел я пораньше с работы и - на «Карандашку». Карандаши из кедров строгают. То-то отходы гореть будут!

2.

Уже темнело, когда мы подкатили к собесовской усадьбе. А к дому не подъехать. Кювет, да и ворота наглухо забиты. Свалили дрова прямо в кювет. Я нашел в сарае старую ванну, таскал в ней чурочку. Перетаскал мало, спать было пора. Утром пошел на работу, оглянулся на гору чурочек, вечером пораньше приду, больше перетаскаю.

Пораньше вернуться с работы не уда-

лось: в деревню ездил жалобу разбирать.

Иду, снег скрипит, возле ограды собеса тени мечутся. О! Мою чурку замечательную гребут! Я-то думал, за сколько времени она у меня высохнет? Уже наполовину усохла.

Один в мешке тащит, двое на носилках. Какая-то женщина прямо при мне нагребла полный короб моих чурок, короб стоял на санях, она уж собиралась его везти, как я перевернул его и высыпал свои чурки обратно:

– Не вами положено, не вами возьмется.

Она вдруг схватилась за живот, истошно завопила пьяным голосом на всю улицу:

– Ой! Я беременная! Он меня в живот пнул! Ой! Ребенка убил!

Ко мне подскочили три верзилы, руки в наколках, лица, как у Квазимодо, этикие перегародышащие драконы. Вот уж один за ворот меня ухватил. Как быть? Я закричал:

– Я сотрудник редакции! Тронете, будет политическое дело!

– Бабу беременную в живот пнул, это – какое дело?

– Я ее пальцем не тронул! Она моей чурки короб нагрнула, я ее обратно высыпал, вот и все.

– Какая твоя чурка? Чо ты... дишь? Здесь самосвал ночью перевернулся!..

Начальник? И живешь в конуре собачей? ...дишь!..

Выясняли – знаю ли я какого-то завхоза из райисполкома. Обошлось без мордобития.

3.

И все равно, к утру, чурка моя вся испарилась. Чуть возле избушки осталось. Но и то, немного, однажды ночью улетучилось.

А морозы заворачивали крепче. Я пошел в кочегарку при Герценой бане к двоюродному брату Коляше, принес от него ведро угля. Да, можно уголек потаскивать. Сухопарый, мускулистый Коляша собрал старые скамейки, порубил:

– Бери на растопку.

Избушка тепло почти не держала. С вечера протопишь - «буржуйка» аж пунцовая. Утром я на своем топчане под одеялом дрожал, как в лихорадке, а спал я, не снимая верхней одежды.

В трудные минуты человек готов обратиться за помощью хоть к черту.

А нынче я, от горести и тоски своей, решил обратиться к двоюродному братцу Веняше. Коляша уже сделал для меня, что мог, а Веняша, его младший брат, возможно, поможет оштукатурить избу, да ружье свое на время даст, мне не так жутко ночевать будет..

Веняша сказал, когда я явился к нему домой со своей просьбой:

– Айда, посмотрим, что у тебя там!

Пришли в мою избу, посмотрел он и говорит:

– Нет, штукатурить сейчас нельзя, летом надо. Ружье? Нельзя, на меня записано, убьешь кого, а я – отвечай?

Я подливал ему винцо из бутылки. Показал ему стартовый пистолет, который мне в Асино Петрович на память подарил. Я из него в спектаклях самодеятельных стрелял.

– Вот, – говорю, – пугач есть, а что с него толку? Неужели опять в родном городе не приживусь? Опять в село уеду? Мне бы пережить приспособительный период!

Веняша курил, пил, но ружье мне доверить отказывался. В конце концов, он сказал:

– Боровка зарезу, мяса дам!

И ушел в свой теплый дом, к маме Клариссе и к жене Ларисе, про которую он мне все уши прожужжал. Агроном, с высшим образованием...

4.

Новая ночь. Опять кто-то у меня за стеной ходит! Егорович со своим ружьем не выйдет на улицу – хоть заорись.

Ищу стартовик. Где же он? Лежал же на тумбочке! Может, куда-то еще положил?

Мебели у меня нет, вещей нет. Все обшарил.

Нет пистолета. Ах ты, черт! Веняша! Вот нашел я себе помощника! Помог! Из чашки ложкой!

Новый вечер. Я в кочегарке у Коляши. Пахнет вениками, ржавчиной, углем. Разговор. Веняша. Стартовик исчез. Не слышал ли чего?

Коляша выпил принесенного мной портейна. С ответом не спешил. Свернул самокрутку, подумал, сказал, наконец:

- До сих пор в ушах свербит... Палил он тут вчера. Значит – твоя штука?..

Мы пошли домой к Веняше. Колян постучал, отвори, мол! На окне колыхалась занавеска, но свет в кухне вдруг погас. Потом голос Веняши из-за двери сказал:

- Мы уже отдыхаем...

- Открой, твою мать... – хрипло сказал Коляша, - ты меня знаешь, ведь и двери с крючка сорву, тогда уж держись...

Веняша приоткрыл дверь, не включая на кухне свет, не снимая дверной цепочки:

- Чего надо?

- Ты дурочку не гони! – сказал Коляша, – сам знаешь чего надо, я тебе сейчас морду-попу сделаю... – просунув руку, Коляша сдернул цепочку.

- А ну включи свет! Ага, вот выключатель. В кухне вспыхнул свет.

Веняша дико взвизгнул:

- Только заматерись при моей жене с высшим образованием! Только заматерись... – он открыл ящик кухонного стола, выхватил оттуда ножи. В одной руке он держал два ножа, в другой один, и махал ими, стучал, как кастаньетами. Коляша изловчился и дал ему тяжелую затрещину. Оскалился:

- Положь железячки, а то... Ты меня знаешь...

5.

Из комнаты раздался голос жены с высшим образованием, полный гневного пре-

зрения к нарушившим покой сей обители:

- Чего ты взял у них? Отдай, и пусть немедленно уходят...

Веняша вынул из-под тумбочки мой стартовик, и скорбно наморщив лоб, мол, уступаю насилию, подал его Коляше.

Коляша сказал:

- Тебе пить вредно.

- А Ленин пил? Вот пусть он скажет – кивнул в мою сторону Веняша, – Ленин пил?

Я вступился за Ленина, Веняша со мной спорить не стал:

- Хорошо, пусть Ленин не пил, а Буденный?! А Лермонтов с Пушкиным? Я сам какое-то стихотворение читал: наполним стаканы и чокнемся разом! Скажи, разве нет такого стихотворения? Ага! Умные люди, а пили.

- Идем! – сказал Коляша, – а то я не вытерплю и вмажу ему, как следует.

- Я боровка заколю и вам обоим мяса дам! – крикнул нам во след Веняша.

Через некоторое время я нашел квартиру в доме, где жила бывшая жена Лени Гараненко. Леня, в прошлом – заключенный, а ныне дежурный водопроводной будки, сказал:

- Мало бы, что бывшая, я всех бывших тоже числю в родне.

Кровать моя поместилась на втором этаже старинного деревянного дома. Кроме меня в комнате жила бывшая жена Лени – Маша, ее мама, Анфиса Ивановна и сестра мамы, стало быть, Машина тетка, Зинаида Ивановна.

Маша занималась странным промыслом. Вечером ярко красила губы и шла в ресторан, приходила под утро, а иногда и через день, опухшая, а то и с подбитыми глазами, с небольшой суммой денег.

Анфиса Ивановна обычно пыталась ее обыскать.

- Сама там жрала-пила, а мы тут голодные, давай, стерва, деньги! За квартиру не

платишь, белье не стираешь, барыня, только жрешь, да пьешь.

6.

Анфиса Ивановна работала дворничихой, но регулярно получала взыскания за неубранный снег и мусор, ее сестра была невменяемой, она смотрела на всех бессмысленными глазами и повторяла:

– Что ж поделать?

Если шел снег или в квартире было холодно, или она была голодна, Зинаида Ивановна всегда говорила одно и то же:

– Что ж поделать?

Я вскоре хорошо усвоил эту ее интонацию, если что-то в работе у меня не получалось или зарплату задерживали, я говорил так же, как она безнадежно укоризненно:

– Что ж поделать?

Неудобство моего проживания в этой квартире, заключалось в том, что в ней всегда было много людей, преимущественно Машиных подруг, шуточки которых в мой адрес выводили меня из себя.

Они пили перцовку, а то и самогонку, губы их были жирно намазаны помадой, от них пахло махрой и потом. Одна сказала:

– Чо ты все читаешь? Давай к тебе в кровать лягу.

Чтобы сходить в туалет, надо было пройти через три двора в четвертую усадьбу. Иногда там туалет был заперт замком, и приходилось идти в общественный туалет в городском саду.

Нередко в нашем жилье возникали разборки Маши и ее подруг с ухажерами, и тогда кто-нибудь из верзил останавливал на мне свой мутный взгляд, и спрашивал:

– А этот – чей?

Маша говорила:

– Квартирант это наш.

Некоторые верили, а другие брали меня за грудки и предлагали:

– Пойдем, выйдем!

Анфиса Ивановна говорила:

– За квартиру? Чо я – эксплуататорша кака? Бутылку бери и лады.

Но получалось так, что бутылку приходилось брать всякий раз, как ей хотелось выпить, а выпить ей хотелось почти всегда. Подсчитав в уме количество бутылок и их общую стоимость, я понял, что

твердая такса оплаты за квартиру гораздо меньше повлияла бы на мой бюджет.

7.

В редакции, в курилке Автономыч хвастал тем, что пишет роман.

– О чем роман?

– Про русское офицерство, тысяча восемьсот двенадцатый год.

– Так про это Толстой «Войну и мир» написал.

– Он другие пласты брал, и он не знал так армию изнутри, как я.

– Да где уж ему, – говорю, – скоро ли книгу будем читать?

– Все не так просто...

Теперь во время перекуров Автономыч присаживался на подоконник и упоенно читал мне фрагменты будущего романа.

Слова текли как вода, скатываясь с ушей, испаряясь, как туман, в голове ничего не оставалось. Запомнилась лишь одна фраза: «Зизи играла на клавишине». Меня умиляла эта Зизи. Сидит себе и играет на клавишине, тогда как офицеры все бурно борются за свою честь.

Неожиданно встретил я на улице Вырдикова. Выглядел он благополучно: шарфик шерстяной, пальтецо, шапка кроличья, приличной новизны.

С этим Вырдиковым работали вместе в Шегарской редакции. До этого он был секретарем райкома комсомола.

Для меня такие люди были всегда загадочны: как они наверх выбиваются? Умны чрезвычайно? Но, сидя рядом с ним, я этого

не чувствовал. Тогда что же?

Вскоре он рассказал о себе.

Работал он в колхозе. Сам он крупный, голос зычный, на комсомольских собраниях часто выступал, разные инициативы, спущенные с районных небес, поддерживал.

Стал секретарем первичной ячейки и пошел. Дошел до райкома, мог бы и дальше шагать, да Змей этот самый в ногах запутался.

Вызвали комсорга по делу в обком, он и решил: сделал дело – гуляй смело. Из обкома пошел в ресторан «Север». Ел, пил.

А проснулся в театральном сквере, в кустах, как раз напротив обкома. Смотрит, на нем штанов нет, и папочка пластмассовая куда-то исчезла, Мама родная! В брюках партбилет был, а в папочке – полученные в обкоме секретные комсомольские документы.

8.

Похмельная голова лихорадочно искала выход. Люди в обком группками спешили – значит, рабочее время уже. Побежал он, как был, в ковбеечку с позолоченным комсомольским значком и в плавочки, в бюро пропусков.

Вскоре появились агенты, задали дрозжавшему от похмелья и страха Вырдикову несколько вопросов и ринулись в сквер. Минут через десять они принесли в обкомовский этот санпропускник и брюки, и папку.

Брюки, свернутые в трубку, лежали в одном месте сквера, и партбилет, как ни в чем не бывало, был в этих брюках в кармане, а папка лежала под другим кустом, возле самого театра. Выяснилось, что все документы в папке находились в целостности, сохранности, хотя, возможно, империалистическая разведка с них уже и сняла копии.

После, в редакции, Вырдиков не раз с тоской говорил:

– Не мог я тогда этот зассанный сквер сам обыскать? А?

Не шла у Вырдикова работа в редакции. После высокого поста – да занимать низовую должность литературного сотрудника? Обидно. Он вскоре уволился и куда-то уехал.

А теперь он стоял передо мной.

– Якорин бабай! – хлестнул он себя по коленке, – ты замом стал в томской районке! Молодец, растешь! Но я бы с Тройкиным работать не стал, с алкашом позорным. Пьет ведь?

– Пьет! – кивнул я, – но не в этом беда. Жить мне негде.

Он опять хлестнул ладошкой по колену:

– В девятку попал! Ты думаешь, с кем разговариваешь? Ага! Не догадаешься. Заместитель начальника горжилуправления! Номенклатура, тут ловить нечего!

– И ты – можешь?..

– Якорин бабай! Он еще спрашивает! Но сперва надо посидеть в ресторане. Сам знаешь, такие дела через ресторан делаются.

79

9.

Через двадцать минут мы уже сидели за холодильником в углу, где располагался столик для особых посетителей ресторана «Сибирь». Уговорились встретиться через три дня.

Через три дня Вырдиков мне ничего конкретного не сказал, но пил на мои деньги с большим удовольствием. Подмигивал:

– Ты не гляди, как Ленин на мировую буржуазию, это ж квартира в городе, не баран начал...

Был назначен еще день, когда будет результат, потом – еще.

Это мне надоело, и я сказал Грише, что больше мне его поить не на что.

– Ладно! Приходи завтра в домоуправление на Обрубке, но с пузырьком. Чего – вымогаю? Ничего не вымогаю. Заселять тебя надо? Домоуправ будет, а у него стимул должен быть или нет?

Так я попал в дом по улице Воскресенский взвоз номер один.. Четырехэтажный кирпичный дом,

Неоготика со стрельчатыми окошками, со шпильями, кирпич лишь потемнел, но – ни щербинки.

Воскресенский взвоз раньше назывался раскатом, телеги сильно раскатывались. Не раз в детстве видел, как возницы здесь вот нахлестывали лошадей. До середины взвоза телегу с поклажей дотянут, а дальше уже сил у коняги не хватает. Телега сползает назад, возчик бросает кнут, лупит лошадку по хребтине палкой.

А были в городе лошади-битюги. Его и хлестать не требовалось, битюга. Возчик скажет ему на ухо: «Н-но!»; губами причмокнет, битюг рванет воз с места, и пойдет, быстрее, быстрее, упрямо наклонив голову. Глядишь, воз уже на горе.

Да, среди красоты поселил меня Гришка. В гору ведет лестница, с широченными ступенями и со многими площадками для отдыха.

Садись на скамью, любуйся, открывающимся видом. На бордюре огромные фигурные вазы: витые чаши. Откосы засажены шиповником и обложены дерном.

Весной здесь все бывает в цвету. Я помню, как пылали бутоны шиповника, как манили взоры голубые и сиреневые цветы в чашах, как гудели над ними пчелы и поблескивала умытая дождем мостовая.

10.

Поднимаешься по лестнице и с каждой лестничной площадки и город внизу, и церковь, вознесенная над ним, смотрят по-иному.

Парадный подъезд в мой готический дом наглухо забит.

Мне на четвертый этаж приходилось подниматься по высокой, почти вертикальной, лестнице.

Дом примыкал задней стеной к горе. Поднимаясь, видишь в окошки лишь откос горы, покрытый снегом. А выше – старинные

домишки, построенные на самом краю обрыва, видно, что жители их льют под откос помой, валят мусор, и все это скатывается вниз, к стене моего дома. Отдает весной, то-то будет аромат!

Я достигаю своего четвертого этажа с сильным биением сердца.

Длинный коридор, с одной стороны – ряд дверей, с другой – ряд окон. Грязные стекла разбиты, кое-где видны лишь клинья осколков; а в двух рамах даже и осколков нет. Жильцы через пустые рамы выливают помой, и подоконники украшены застывшими бурными сталактитами, в коридор залетает снег.

Крепость эта числится домом из ремонтного фонда. Скажем, ремонтируете квартиру и заселяетесь на время сюда. Это – теория. Практически здесь зимой и летом живут невесты как попавшие сюда люди.

Моя комнатуха была фанерной выгородкой. Большую комнату разделили несколькими легкими переборками, выглядит жилье пенальчиком.

С чего начать? Потер газетой грязное, застывшее окно. Напрасный труд, надо десять ведер воды, желательна теплая, и мыла. Плита требует ремонта, нет ни дров, ни воды.

Вышел в коридор – ни души. Возле некоторых дверей загончики понаделаны. Курятники?

А где у них туалет? Запер свою комнатуху. На лестнице спросил у небритого мужика о туалете. Он ругнулся:

– Ишь, чего захотел, козел поганый!

Спустился вниз.

Даже если найду сортир во дворе какой-либо усадьбы, на двери обязательно висит замок.

11.

Я полез вверх по лестнице взвоза. Может, там найду уголок? Но только я примащивался где-нибудь, в моем направлении двигалась какая-либо фигура...

Ночь. Только я стал засыпать, а это так трудно сделать на новом месте, только накатила волна забытья, что-то за переборкой стало постукивать, потом громче, быстрее, словно поезд набирал скорость, ритм ускорился, затем раздались женские стоны и мужской жеребчий крик. И это повторилось много раз.

О, черт! Как заглушить все эти звуки? Я дрожал от холода в пенальной комнатухе, брезент раскладушки, это вам не перина. И шум, как назло!

Пришлось встать и включить электро-вентилятор. Странно, конечно, вентилировать и без того холодное помещение, но что делать? Вентилятор своим жужжанием приглушал посторонние звуки, умиротворял.

Утром я встретил в коридоре глазастого соседа, очень похожего на узника Освенцима с плаката, такими изображают их художники.

Но этот узник был одет не в полосатую тюремную одежду, его приличное пальтецо весьма гармонировало с вдохновенным хохломом надо лбом. В руке у него был портфельчик, но шапку он не надел.

– Здравствуйте! – приветливо кивнул он мне. – Новый сосед? Заходите на чашечку кофе, меня зовут Димой...

Он пронесся по коридору к выходу, бухнула дверь, исчез. Из комнаты справа вышел... Карл Маркс, только моложе, чем на известном портрете. И он был - в пальто и без шапки. Шел, запрокинув кучерявую голову. Может, поэт?

Неужто это он орал в тот момент, когда мнилось: кровать за стеной развалится или провалится сквозь этаж, а переборка, отделявшая мою комнату, вибрировала как мем-

брана. За ночь это повторилось восемь раз. Многовато даже для Маркса.

Когда я собрался на работу, внизу, за окном послышались какие-то голоса, гудение автомобилей.

12.

Спустился по крутой обледенелой лестнице к выходу из дома. Открыл дверь. Возле дверей, ведущих в подвал, стояли две милицейские автомашины и «скорая».

Санитары несли на носилках что-то прикрытое брезентом. Когда носилки заталкивали в кузов «скорой», из-под брезента высунулась и повисла беспомощно грязная, в синих наколках, рука. Потом вывели из подвала парня, лицо которого было разбито, будто его кувалдой по этому лицу наворачнули.

После работы я направился в кочегарку к Коляше, взял у него ведерко уголька и вязанку остатков сухой окрашенной скамьи. На раз истопить хватит.

Пыхтя, поднимался я то крутой лестнице на четвертый этаж. Меня догнал Дима, взял ведро. Волосы его заиндевели.

– Простынете без шапки, – заметил я.

– Ерунда! – сказал Дима, – все дело в привычке, если привыкать постепенно, то можно привыкнуть и на раскаленной плите сидеть.

Он поднимался, перепрыгивая через две ступеньки. Я отстал. Дима подождал меня, сказал:

– Лестница лечит!

Мы зашли в мой пенал, поставив ведро возле печки, Дима подошел к окошку, взял тряпку и начал его протирать.

– Я сам потом все сделаю.

– Комфорт, – сказал Дима, – мобильность и моторность.

Он вышел, а через пару минут вернулся с двумя ведрами, в одном была известь, в другом – вода.

–А где воду набираете? – поинтересовался я.

– Все удобства в соседних домах и на улице. По воду ходим аж за два квартала! – весело сообщил Дима. – Ничего! Зимой прожить, а летом тут – курорт!

Работал он шустро, принес козлы, на них водрузил стол, потолок – почти три метра от пола.

– Где топливо хранить? – сказал он в ответ на мое недоумение, – все просто. Вы покупаете кубометра два дров. Мы их затаскиваем в комнату, в коридоре хранить нельзя – пожарные съедят.

В комнате вдоль стен, выкладываем поленья. Вы топите печь, день за днем расширяя свое жизненное пространство. К весне – простор! А ведь ничто так не укрепляет нервную систему, как перемена интерьера.

–Кто вы по специальности?– спросил я.

– Радиофизик вообще-то, но я интересуюсь нетрадиционными методами лечения болезней, проблемами долголетия.

– А что за Карл Маркс тут по коридору разгуливает?

– А-а, фарцовщик!

– Никогда бы не сказал. А что он так ночью сильно кричит?

–Страстный такой. Южный человек, одним словом... Девочки к нему, правда, ходят, иногда ночуют сразу по две, но не хулиган, спокойный человек...

Наш этаж как бы дворянский, плембс ниже. Вечером заходите. Вы не пробовали вес сбросить? Хотите, познакомлю с системой Брегга? Или Шелтона? Есть еще системы йогов...

13.

Вечером я пил кофе у Димы. Свою крайнюю, угловую комнату он отделил еще самодельным тамбуром. У него был звонок. Звонить надо было – три длинных, один – короткий, тогда Дима знал, что это пришли

свои.

За ширмой у Димы стояла раскладушка для гостей, сам он спал на рогожной циновке у порожка. Для гостей он держал в холодильнике колбасу и селедку, а сам ел лишь сырую морковь и свеклу.

Дров Дима вовсе не покупал, он отапливал комнату самодельным обогревателем «козлом», который был изготовлен в лаборатории. Дома он привык ходить в одних лишь плавочках, он извинился, сказал:

– Когда я один, то я вообще голый хожу, это – естественное состояние человека.

Дима мог втянуть живот так, что со стороны пупа можно было видеть позвоночник. Он ущипнул кожу на животе и сказал:

– Кажется, поднакопил я излишний жир, надо добавить упражнений и урезать рацион.

14.

Я глянул на свою чудовищную талию и покраснел. У меня, значит, был не просто толстый живот, а матрац какой-то, перина немецкая. Если бы мы были одни – куда ни шло, но в комнате была подружка Димы.

Дима перевел разговор на литературу, оправдывая мою неспортивность.. Кофе дымился. Церковь глядела на Диму и на разрумянившуюся Диану.

В новом жилье калорифер и электроплитка спасали меня от холода. Но в этой неоготической крепости в сильные морозы все врубали «козлокалориферы», где-то гулко ухало, и в доме гас свет. В коридоре топали, матюгались и восклицали:

– Твою мать! Кабель опнулся!

И после этого обычно сидели без света и в холоде с неделю, а то две.

Редакция наша была как бы проходным двором. Никогда я не видел, чтобы так быстро менялись в редакции сотрудники.

Отчасти виноват в этом был Саня Тройкин, отпугивавший сотрудников своей гру-

бостью.

Тройкин любил принимать в редакцию людей ущербных, чем-то провинившихся, замеченных в чем-то. Такие будут терпеливо сносить всё..

Один сотрудник – Шарль Бамбин звался у нас – Бамбино. Он всегда ходил в берете, из-под которого выглядывали концы длинных черно-седых волос с перхотью.

Глаза у Шарля были удлинённые, большие, с ярким блеском, губы слюнявые. Носил он какую-то странную одежду вроде комбинезона защитного цвета. Он шил ее сам белыми нитками через край.

Выглядел он не то заграничным нищим, не то Че Геварой, только что вышедшим из гор, после долгих ночевок у костра на лесных полянах.

Шарль Иванович был эстетом до мозга костей, он рисовал гуашью акварелью картинку, что-то космическое: горы, огромное солнце и маленький человечек, в ужасе воздевший в высь руки.

15.

Картинки был сродни дорожным символам ГАИ, но Бамбино гордился ими.

Бамбино вечно крутился у книжных прилавков, покупал книги, в основном философского характера. С полочки Бамбино шел в столовую брал сразу десяток котлет, потом съедал пару тортов. Потом еще с неделю он питался шоколадом и пирожными. А потом ходил и кланчил у всех деньги на хлеб:

– Ей богу три дня не ел!

Тройкин Шарля ненавидел и любил. Тут нет противоречия. Он ненавидел инфантильность Шарля и любил за всегдашнюю возможность безнаказанно поиздеваться над ним.

Бамбино терпел все издевательства. Его выгнали уже из двух редакций и трех лабораторий.

Он насиделся голодный и не хотел новых мытарств.

Однажды Бамбино сидел в корректорской, выискивая пропущенные буквы и запятые. Напротив сидели девушки-корректоры и украдкой поглядывали на Бамбино, как на экзотического зверя. Вошел Саня Тройкин, стал за спиной Шарля, заглянул через плечо:

– Дочитываете Шарль Иванович? Поторопитесь, пора газету сдавать.

И вдруг Тройкин заметил шпильку, которая у затылка прикрепляла длинные волосы Шарля Ивановича к берету.

– А что у вас за прищепочки, как у девочки? – спросил, гадливо улыбаясь, Саня Тройкин. Он выдернул шпильку и стащил с Бамбино берет. Длинные волосы Шарля Ивановича рассыпались, обнажая внушительную лысину, которая всегда зимой и летом маскировалась беретом.

53 Что стало с Бамбино! Он изменился в лице, на губах закипела пена. Он стал краснее мака и малинового своего берета. Бамбино вскочил, задыхаясь:

– Это... это... это мерзко!

С треском закрылась дверь. Девушки испуганно вздрогнули и уткнулись носами в гранки. Саня посмотрел на меня:

– Ну, лысый, ну что такое? Ну, лысый, ну и что?!

И прошла неделя, и прошел месяц, а Саня Тройкин иногда во время беседы со мной, как бы ни с того ни с сего, говорил:

– Ну, лысый, и лысый, что такое? Лысый, так что?

16.

В доме возле Воскресенской церкви меня угнетали не мертвяки в подвале. И не вопли милицейских сирен. Если человек, похожий на знаменитого экономиста, кричал по ночам от страсти, то и к этому можно было привыкнуть.

Воду в ведерке таскать надоело. Утром принесешь, а вечером она уже кончилась. Так всю жизнь будешь ползать с ведром по вертикальной лестнице, пройдешь, путь равный пути до ближайшей звезды, но звезду эту не потрогаешь.

И что меня совсем уж удручало там, так это то, что Вырдиков был уволен из управления, находясь не у дел, нередко стал заглядывать ко мне, и нудил:

– Глебыч! Квартиру в городе получить стоит многие тысячи, а она тебе даром досталась, как в лотерею выиграл. Разве, бутылку не возьмешь?

От знакомых окололитературных мужичков узнал, что при организации писателей есть чердак, на котором живут поэты. Паровое отопление, вода в доме, телефон.

Я жаждал попасть на чердак. Я об этом мечтал. Посоветовался с Саней Тройкиным, он сказал:

– Ты извини, но ты слюняй! Ты издал уже вторую книгу! А там, на чердаке, живут ребята, которые лишь по три-четыре стихотворения в альманахе тиснули. Так у кого же больше прав?

– Так-то оно так, но, может, ребята эти как-то с руководством контактируют, а я не знаю никого...

– Дитя не плачет, мать не разумеет! – резонно сказал Автономович, – маленький ты, что ли. Поди, познакомься, расскажи о своем положении...

Гордей Иванов, писательский начальник, потербил буйные кудри:

– За этот чердак нас долбают. Нам бы тех выселить, которые живут, а не новых поселять. Освободим комнатку архива, тогда уж. Пора вас в союз наш принять... гм... возьмите-ка коньячку для беседы.

Я встал, вслед мне Гордей сообщил:

– Только молдавского берите, по шестнадцать, наш – по девять не пью!

17.

Прошел месяц. Мы с Гордеем пили коньяк через день. Не было молдавского, Гордей соглашался на азербайджанский, хотя и морщился. А по мне – все коньяки пахнут клопами и вызывают изжогу.

Я уж думал, что загину на коньячном фронте, тело продубилось, в крови вверх и вниз метались атомы винного спирта – розовые пузырьки далеких южных восходов и закатов.

Как-то там вышло, что после очередной выпивки я свел знакомство с молодым поэтом Тыковлевым, он шепнул мне, когда мы опорожнялись в соседствующих кабинках туалета:

– Ждете, когда Гордей архив уберет? Нынче же выкинем все под лестницу и – заселяйтесь!

Так я очутился на великолепном Олимпе писчердака.

В мою комнату еле вместились раскладушка. Даже при моем невысоком росте, я мог достать рукой потолок. Так вот надо мной то поднимаются, то опускаются томские потолки.

Весна. В комнатку – жара, в распахнутое окошко весь вечер тарабанят оркестры. Цирк-шапито, танцплощадка.

В два ночи все в саду стихает. Лишь изредка из цирка, где и ночуют многие из артистов, донесется звук кларнета.

Мелькнет белое платье меж деревьев, вздохи, приглушенные голоса. И все стихает. Наконец-то? И вдруг – истошный крик, мольба о помощи, классическое: «Караул!»

Это повторяется всякий раз с математической точностью в половине третьего. Затем мигают синие огни, звучат милицейские свистки. И опять все стихает.

Каждый вечер приходят на танцы потенциальные жертвы, или те, кто хочет стать жертвой.

18.

Вскоре Гордей дал мне кучу анкет, велел сняться в фас и в профиль, написать автобиографию в двенадцати экземплярах, нажимая в ней на мою партийность. Обязательно надо указать в ней, что я являюсь абсолютным трезвенником.

К этому я присовкупил несколько размахившихся журналов с подборками моих стихов, причем на одной подборке кто-то в давние годы начертил: «Глебик – дурак, курит табак». Я думал: стоит ли подавать на рассмотрение этот журнал? Гордей сказал: надо! Пусть надпись, но журнал столичный.

На собрании спросили: «зачем пишу?» Я хотел нигде не служить, и не числиться при этом тунеядцем. Но я не сказал им об этом.

Один писатель, лысый, широкоскулый и похожий на зоновского авторитета, сказал:

– Одобряю! Он пожилой, старый конь борозду не портит! Другой сказал:

–Зато мелко пашет!

Который про мелкую пахоту говорил, мне не понравился: толстые сальные волосы по плечам рассыпаются. Глубокопахарь какой!

А что я мог? Молчал. Проголосовали единодушно. И долго потом жали руку. У длинноволосого рука была мокрой от пота.

Теперь документы уйдут в Москву, а там комиссия решит: принять или нет. Когда? Порой бумаги по году лежат, а иногда рассматривают в течение недели.

Я подумал: надо мной не каплет.

Узнав о моем первичном приеме, Саня Тройкин сказал:

–Поздравляю, старик! Это ведь звучит –член! Там членам оклад платят, он спит, а оклад идет! И почет опять же! Ты, конечно, у нас уволишься...

Я просиял. Неужели, правда? Работать не буду, платить будут? Член Союза? Билет дадут, здоровенный такой, в красной коже и с золотыми буквами. Я видел у одного писа-

теля –вещь!

Через неделю Саня Тройкин сказал:

– Старик, я узнал: оклада им не дают, враки это были... Да жаль, конечно... Придется тебе работать у нас... Да нет, не того жаль, что останешься, а того, что оклада писателям не платят.

Еще через неделю Саня Тройкин спросил:

– Старик, ты, что думаешь с жильем на взвозе делать?

Что я думал? Мне Вырдиков подсказывал: загни эту квартиру. Можно даже тысячи три за нее взять. А что? Центр! К тому же скоро будут жильцов этого дома легализировать.

19.

Жилуправлению надоела нервотрепка. Заселяются всякие, а потом – поножовщина, трупы. Уж лучше отремонтировать дом, да интеллигентным людям ордера выписать.

У меня была надежда получить за свою квартиру от какого-нибудь интеллигента, если не три тысячи, то хотя бы одну. Но Тройкин сказал:

– Старик, редакция наша тебя выручила? Устроила тебе жилье? Отдай эту жалкую конуру на взвозе Бамбино.. На вокзалах ночует, его там уже милиция гоняет...

Да... редакция поселила меня в курятнике, в котором я жить не смог, а теперь я ей должен бесплатно комнату на элитарном этаже кирпичного дома отдать!

Пришли мы с Бамбино в неоготику на взвозе. По коридору большими стаями летали мухи. С откоса в коридорные разбитые окна попахивало помоями и цветами шиповника.

В сердце моем была надежда, что Шарль оплатит врезанный мной дорогой замок. А в подсознании был еще росточек надежды получить с него за эту квартиру хоть что-то.

Я оставил на попечение Бамбино шкаф

с книгами, стол, телевизор, ибо при всем желании не смог бы втиснуть эти вещи в жилище на чердаке.

Жизнь на писчердаке имела разные грани. В здании нашем, кроме писательской конторы, была еще контора горсада

Часов в восемь вечера сдача выручки в конторе горсада заканчивалась, кассир прятала деньги в сейф, сотрудники конторы удалялись. Тогда вахтеры запирали дверь здания на крючок. Если кто-то из обитателей чердака опаздывал, то вахтеры ему не отпирали. Их было трое, все они были солидарны в своем отношении к обитателям чердака, как к личным врагам.

20.

Если кто-то приходил в гости к поэту Николаю Тыковлеву или поэту Олегу Древозостоеву после шести вечера, поднималась буря,

которая, казалось, должна смести с лица земли не только бедных томских поэтов, но и писателей всей земли.

С вахтерами приходилось униженно заговаривать, предупредительно здороваться, умоляюще выпрашивать позволения посетить туалет, воспользоваться краном.

До половины третьего ночи кричали в кустах насилуемые. А мы даже не могли сойти со своего чердака, чтобы помочь, нас бы просто вахтеры не выпустили.

Ночами мы, как подобает поэтам, не спали, не всегда смогли бы уснуть, если бы и захотели.

Кашлял и сморкался в своей комнате поэт Олег Древозостоев. Он получил разрешение гулять в таежном заповеднике «для наблюдений за природой и вдохновения» – как было написано в его мандате.

Олег был сыном охотника и потому в прошлом году успешно ловил в заповеднике бобров, завезенных туда из Бобруйска. Зимой прибыл в наш город редактор издателя

«Молодое пламя». К весне у Древозостоева в столице вышла книга стихов, а у редактора появилась бобровая шуба.

Теперь Олег создавал вторую книгу, что грозило семейству бобров из томского заповедника новыми потерями.

В другой комнатухе поэт Тыковлев писал сонеты, архаичная форма которых приходила в противоречие с современным содержанием. Редакторы на такие стихи «не клевали», потому поэт Тыковлев клячил рубль, то у меня, то у Древозостоева.

Я навестил свое жилище на взвозе, понадобился поэтический словарь А. Квятковского. Открыл дверь комнатухи – темно! Стекла были черны, мухи уже не летали роями, а висели сплошной стеной.

Вокруг раскладушки, на которой еще недавно спал Бамбино, валялись разодранные и облитые кофейной гущей, мои дорогие словари. Сервантес, Мериме, Доде и другие корифеи, потеряли более половины страниц.

Станиолевые обертки от шоколада, пустые баночки из-под кофе валялись всюду, ими же до отказа была забита топка печи.

20.

Бамбино прожег кофеваркой крышку моего приемника, облицовку тумбочки и письменного шкафа, стекла которого были разбиты.

Я долго выгонял из пенала мух, размазывая рваной и черной простыней, подметал пол, мыл окошко.

На стене висел рисунок: человечек, волосы которого стоят дыбом, трагически воздел руки на фоне огромного солнца. Бамбино создал сотый вариант шедевра.

На другой день мы пили с Тройкиным пиво в его кабинете из целлофановых мешков. Вопрос был в том, что все графины Тройкин с приятелем уже разбил во время пивных экспедиций.

– Теперь с настоящей квартирой будешь,

– сказал Тройкин, – у членов писательских своя, обкомовская очередь. Поздравляю!..

Писательского билета в кармане у меня еще не было, но был из Москвы звонок – утвердили! Я подал Сане заявление на увольнение.

– Ничо, – грустно сказал Саня, – вот допишу роман про войну 1812 года, издам и тогда тоже в союз вступлю. Тогда я вам, салагам, покажу, что такое – писатель Тройкин...

Саня пролил немного пива на брюки. Из целлофана пиво пить непросто. Надо держать мешок особенным образом, опыт нужен, это вам не роман писать.

Осенью я нанес новый визит в свою старую квартиру на взвозе.

Воздух в пенале пах гарью. Я долго оглядывался.

В нос били совершенно ужасные запахи. С раскладушки сдернуто байковое одеяло, в котором прогорела огромная дыра.

А что за провода, тряпки? Штепсель. Это был лечебный электробинт. Вот здесь его замкнуло. Понятно.

Шарль мерз под одеялом, лежа на тонком брезенте раскладушки, он решил обмотаться электробинтом и так греться. Во сне он ворочался, проводки перекрутились...

21.

Но что он сделал с моим книжным шкафом? Вандал! Он расщепил мою мебель ту-

ристским топориком. Топил моей мебелью плитку. Но поддувало забито золой, дымоход не чищен, печь дымила и не давала тепла.

Вся комната засыпана бумагами, обертками от конфет, газетами, которыми Бамбино отирал пену с волосами, когда брился.

А одеяльный пожар он залил из ведра, которое служило ему переносным санузлом. Вот откуда запахи. Да что там – запахи? Вонь!

Я сел писать Бамбино письмо. И в этот момент явился он сам. Увидев меня, Шарль скорбно сморщился:

– Требую вернуть мне ключи! Чтобы никто не смел вторгаться жилище! Требую не вмешиваться в мою личную жизнь!

кинул ключи на пол, подводя итог дискуссии:

– Ты молодец: открыл способ тушения пожаров собственным дерьмом. Тебе бы следовало присудить нобелевскую премию!..

Я поднимался по взвозу, и мне в снежном мареве открывалась Воскресенская церковь. Мебель пропала? Будем считать это стихийным бедствием. Да ведь так оно и есть на самом деле. Дождь замочит, если вы не успеете от него укрыться. А кто виноват?

Я еще не получил настоящую квартиру. Но я жил её предчувствием. И в сердце жило воспоминание о детстве, когда живы были отец и мать, и была у нас собственная крыша над головой.

Дмитрий Хоботнев

Тепло пахнет кровью

РАССКАЗ

Хорошо. Просто идти. Идти сквозь это тепло. Неважно куда. Просто идти. Чем пахнет тепло? Чем угодно. У тепла тысячи запахов. Оно может пахнуть лёгким дымом костра, цветущей черёмухой, перегаром запоздалого прохожего, озоном недавней грозы, шашлыком из придорожного кафе, новым асфальтом, выхлопом несущихся куда-то автомобилей, свежескошенной травой, крепким табаком, мокрой от дождя штукатуркой старых домов, пёстрыми красивыми цветниками, пылью поднявшейся от внезапного порыва ветра, высокими фабричными трубами. Калейдоскоп ароматов, разных, неповторимых. Когда стоит холод, тоже ездят машины, дымят трубы и жарятся шашлыки, но это не то. Холод пахнет только холодом. Даже трубы, машины и шашлыки пахнут холодом. И идти сквозь него плохо. Неважно куда идти - всё равно плохо.

Не надо. Легче забыть на время, что есть зима. Где она? До неё сотни прекрасных часов. Скамейка. Присесть ненадолго. Фонари горят ненавязчиво. Ночь. Да, ночь. Ещё два запаха тепла: запах дня и запах ночи. Ночью лучше. В ночи больше свободных скамеек, больше смысла и совершенства. Снова в

путь. Неоновые буквы тепло переливаются в умиротворяющей неге. Ночная иллюминация фонтанов. Театральная площадь, где большие белые шары, кажется, не лежат на чугунных столбах, а плавно покачиваются в ореолах игольчатого света. Пешеходный переход и красный глаз светофора. Можно идти. Машины спят в своих гаражах в ожидании дня, когда места станет совсем мало, когда исчезнут свободные скамейки, когда воздухом придётся делиться, а совершенство и смысл растворятся в звуковой кислоте. Ещё немного. Школа, отдыхающая от детской беготни. У школы каникулы. Она тоже знает и любит запахи тепла. Красный кирпичный дом уже виден в дали. Пройти наискосок через двор

под неподвижными кленами. Трансформаторная будка. Какой-то шорох. Посторонний шорох. Его раньше не было в этом мире. Клёны...

... Потолок. Зачем потолок? Где небо? Тепло. Да, тепло. У тепла ещё не было такого запаха. Станный запах. Не надо потолка. Осмотреться. Снова потолок. Везде потолок. Попытаться нащупать хоть что-нибудь. Никак. Хорошо. Тогда спать. Спать...

... Потолок. Опять тепло. Запах тепла не изменился. Пошевелиться. Да получает-

ся. Немножко, но получается. Оказывается, не только потолок есть на свете. Несколько одинаковых коек. Человеческие очертания на них. Что-то ещё. Кажется тумбочки. Узкая полоска света на полу. Это дверь. Шаги. Тяжёлые уверенные. Снова тишина...

...Потолок. На этот раз светло. Повернуться. Так вот он новые запахи тепла. Запах больницы, лекарств, кварцевых ламп и медицинского спирта. Как так? Старые клёны, трансформаторная будка, шорох, больница. Какое-то неизвестное в этом уравнении. А может быть наоборот что-то лишнее? Скрип. Белый халат. Очки. Стетоскоп. Надо осмотреть. Надо, так надо. Почему больница? Не надо волноваться? Так и не придется, если получится решить уравнение. Что? Понятно. Что ещё остаётся? Только выздоравливать. Скрип. Старые клёны - вот лишнее. Трансформаторная будка, шорох, больница. Удар тяжёлым тупым предметом. Возможно, бейсбольная бита, или обрезок трубы. Не всё ли равно?

Потолок. Таблетки, уколы, томография или как её там? Потолок, соседи по палате. Уравнения удивительно схожи. Шорох, тяжёлый тупой предмет, больница. Один только другой. Сине-чёрный шар вместо головы. Вместо тяжёлого тупого предмета - ноги. Десяток весело мелькающих в потёмках ног. Каждый день родня. Из разговоров можно узнать, что есть рецепт от бейсбольных бит, обрезков труб и десятков, сотен, даже тысяч весело мелькающих ног. Всё просто. Надо забыть, что у тепла есть запах ночи и всё наладится. Надо забыть, что есть свободные скамейки и всё образуется. Надо забыть, что есть смысл и совершенство и всё будет хорошо. И вообще мысль о том, что идущему в одиночестве достанется больше воздуха, несовременна и опасна. Немного денег, мобильный телефон, обручальное кольцо не могут оправдать сине-чёрного шара...

...Выписка. Пожелания быть осмо-

трительнее. Обещания быть осмотрительнее. Такси. Красный кирпичный дом. Надо выйти ненадолго. Никто не против, когда у тепла запах дня. Что ж вам ещё предстоит узнать кое о чём. Вот клёны. Вот будка. Никаких шорохов. Новый телефон в кармане. Ни воспоминаний, ни страхов. Хорошо. Осталось подождать. Немного подождать...

...Что значит куда? Прогуляться. Что значит мало? Чего мало? Надо отказаться? Надо завести огромного страшного пса? Купить автомат. Отказаться от права просто вдыхать эти запахи ночного тепла? Сидеть на этих скамейках? Примириться с тем, что ночная иллюминация фонтанов, белые шары, плавающие в ореолах игольчатого света, и приветливые неоновые буквы созданы для владельцев тяжёлых тупых предметов? Назло? Из принципа? Неужели просто гулять по ночным проспектам и любоваться звёздами можно только назло? Неужели вдыхать неповторимый калейдоскоп ночного тепла можно только из принципа? Неужели пытаться обрести смысл и совершенство нельзя без постоянного страха бейсбольной биты? Нет! Этому не бывать! Нельзя жить, растворяясь в звуковой кислоте. Нельзя бежать от каждого шороха за трансформаторной будкой и называть это жизнью. Дурак? Пусть! Пусть дурак! Но лучше быть таким дураком, чем согласится на разум муравейника, пчелиного роя, собачьей своры. Лучше упасть, глядя в звёздное небо, чем глядеть себе под ноги и ждать когда небо обрушится на тебя. Ах, можно идти, куда хочется? Куда хочется. А идти вовсе не хочется. Просто не идти нельзя. Стоит один раз не пойти, изменить себе и всё это - запахи тепла, скамейка, фонтаны, деревья, звёзды, всё это отвернётся от тебя. Стоит один раз войти в муравейник и больше он тебя не отпустит...

...Как хорошо просто идти. Неважно куда. Маршрутов тысячи, как и запахов

ночного тепла. Старые добрые буквы с разноцветными глазами. Старый добрый воздух, которым не надо делиться. И все скамейки мира рады раскрыть свои объятия, выстроившись в почётном карауле. А вот и бульвар, призванный не забывать о солдатах, павших на войне. Каменные воины со строгими лицами. Ярко красные маки на клумбах подобны часовым. Вдали лоскуты вечного огня. Никакой звуковой кислоты. Назло? Из принципа? Вот смысл и совершенство, застывшие в камне. Вот огонь, пылающий в звёздной тишине. Вот доказательство правоты тех, кто не боится шорохов и обрезков труб. Огонь всё ближе, молчаливый и вечный. Три тёмные фигуры с другой стороны. Громкое ржание. Бутылки с пивом и сигареты. Какая-то животная радость от вида одинокого путника, идущего по аллее. Как это надоело. Деньги? Телефон? Кроссовки? Неужели для этого отправлялись умирать каменные воины? Неужели для этого зажигали пламя и сажали ярко-красные маки? Но нет. Шесть весело мелькающих ног и сине-чёрный шар пора оставить в прошлом. Та война окончилась, но идёт другая, быть может, в чём-то более страшная. А варианты всё те же. Они вечны, как этот молчаливый огонь. Победить, сдать в плен или умереть. Удар ногой ниже пояса. Одна из тёмных фигур с хрипом катается по тёплым плитам. Война - не спорт, здесь нет запрещённых приёмов - только враг, которого надо уничтожить. Пивная бутылка в руке - первый трофей. Ни страха, ни жалости, ни-

чего. Только ярость. Уничтожить, порвать зубами, если придется повесить на одной из берез, окружающих осквернённый мемориал. Растерянность на лицах, не знавших, что игра не всегда идёт по их правилам. Попытка окружить. Удар. Музыка разбивающейся о ненавистный череп бутылки. Где последний? Проклятый хандроз. Прострелить поясницу, когда победа уже почти в руках. Да ещё и с такой силой, что ноги подкосились. Что с вами гады? Осталось же только добить. Деньги, телефон, кроссовки. Зачем бежать? Ведь вы победили. Надо же, как скрутило спину. Плиты. Вечный огонь полыхает в трёх шагах. Плиты тёплые. И огонь тёплый. И тепло, такое родное тепло. Но какой-то новый запах у тебя. Как хорошо, как приятно лежать под звёздами. Дурак? Да. Наверное. Наверное, все эти солдаты тоже были дураками и умирали назло и из принципа. Встать. Нет. Никак. Спина совсем мокрая. Никогда ещё хандроз не бил с такой силой. Темнеет. Какой же всё-таки странный запах у тебя сегодня, тепло. Не важно. Тысячи неповторимых запахов не помешали тебе любить. Пусть будет ещё один. Не важно. Ничего уже не важно, кроме тепла. Его не смогли отнять. Его удалось отстоять. Темно. Лишь сполохи вечного огня видны где-то вдали. Соединиться с ним в одно целое. Не спать. Только не спать. Назло. Из принципа. Идти. Идти. Идти...

23.12.2012.г

Иван Булах

СТЁПКА

Деревня Ворониха в сорока километрах от райцентра, стоит на кромке бора. В середине июля здесь случилась такое, что даже пришлось вызывать из области службу МЧС. Произошло это так.

Всё началось с того, что однажды поздно вечером к Борису Анатольевичу, главе крестьянского хозяйства «Восход», прибежали сёстры Ненашевы. Девчонки ревели и наперебой просили помочь найти братишку, пятилетнего Стёпку.

– Всю деревню обегали, всех опросили – никто его не видел.

– А где родители? Почему они не беспокоятся?

– Они сейчас дома пьяные валяются.

– Что же вы так поздно спохватились?

– Думали, что найдётся. Он сегодня психанул на пруду, когда пришли купаться. Закапризничал и ушёл домой.

– А из-за чего?

– Не дали ему первому поплавать на резиновом плотике.

У Ненашевых было шесть ребятишек, пятилетний Стёпка был младшим в семье. Росла детвора сама по себе, а родители всё не угомонятся – пьют да дерутся. Сам Василий Ненашев работал у Бориса на пилораме.

Сколько раз начальник ему устраивал нагонный и стыдил – всё без толку. И в сельсовет вместе с женой вызывали, даже хотели лишить родительских прав. Чуть притихнут, а как зарплата – у них опять гульба. Какой уж тут пригляд за детьми.

Первым делом Борис позвонил своему заместителю.

– Григорий Василич, срочно собери всех наших мужиков. У Ненашева сынишка пропал. Стёпка.

Потом по телефону переговорил с председателем сельсовета.

– Александр Иванович, беда. У моего Ненашева парнишка, Стёпка, пропал. Я своих уже поднял, ты подходи в контору.

Когда все собрались, стали решать, что делать. Съездили на мельницу, так как ребятишки часто бегали туда, к деду Митяю. Искали Стёпку за околицей, на дорогах, ведущих в деревню. Кричали и звали – всё без толку. Что сделаешь, ночь, темень.

Рано утром Бориса разбудил Василий Ненашев, отец Стёпки. Он был с сильного похмелья, всхлипывал и просил до зарплаты денег, чтобы «пережить такое горе!»

– Никаких тебе денег, – это раз. Пока не найдёшь Стёпку, на глаза не показывайся, –

Булах Иван Владимирович родился в 1942 году на Алтае. Окончил Новосибирский кооперативный институт. Более 30 лет работал в потребкооперации. Печатался в коллективных сборниках, издал 8 книг. Награждён двумя литературными премиями на Днях памяти В. М. Шукшина.

Член союза писателей России. Живёт в Барнауле.

это два.

Председатель сельсовета созвонился с главой района, и тот дал задание – организовать поиск своими силами и постоянно держать его в курсе событий.

Для поиска решили привлечь всех жителей деревни, свободных от работы. Пока собирались и ждали у сельсовета, местный охотник Никита Мухортов нашёл следы детских сандалий на дороге за деревней. Ненашевы подтвердили, что это следы сандалий Стёпки. У правого сандалика была дырочка на большом пальчике. Выходило, что после того, как он обиделся на сестёр и пошёл домой, решил вернуться.

Но чтобы попасть на пруд, надо было вначале идти по дороге, ведущей к старому горельнику, а потом свернуть. И здесь он по ошибке не заметил среди кустов тропинку, которая вела к пруду, а пошёл дальше. Потом догадался, что заблудился, но вместо того, чтобы повернуть назад в деревню, начал искать пруд и совсем заплутал. Переходил дорогу несколько раз, а потом следы вообще потерялись.

Народу собралось много, зато толку было мало – никто никого не слушал. Все разбрелись по лесу, ходили ватагой, кричали, свистели и звали Стёпку. Искали целый день. Домой вернулись, когда уже совсем стемнело.

На второй день опять начали поиск, но уже по всем правилам. Из области приехали люди в военном, – сотрудники МЧС и всё взяли в свои руки. В Воронихе отменили все работы, на поиски собрали всех жителей деревни, включая школьников. Кроме того, прибыл главный лесничий со своими работниками и местные охотники, для которых лес – дом родной. Подъехали «Скорая помощь», автоклуб с громкоговорителем, милиция с мегафоном и даже полевая кухня. Как-никак «ЧП» районного масштаба.

Каждый по плану занимался своим де-

лом. Лесной массив разбили на участки, людей выстраивали цепью на расстоянии видимости и так прочёсывали лес. Поиск вели целый день.

В перерыве, когда обедали и отдыхали, Борис поговорил с врачом «Скорой помощи». Уточнил, сколько может выдержать ребёнок в лесу один, причём, без воды и еды.

– Голод, это не так страшно, – сказала она, – плохо, что здесь вообще нет воды – ни реки, ни озера. Да ещё стоит такая жара. Для него сейчас самое опасное, – обезвоживание. И, конечно, не избежать последствия – стресса. Всё-таки ребёнок один в лесу.

И второй день не дал результата – Стёпка как сквозь землю провалился. За Борисом по пятам всё ходил Василий Ненашев, кланчил деньги в счёт зарплаты. Проснулись родительские чувства, и требовалась водка, чтобы вместе со своей Валентиной как-то заливать страшное горе. Пришлось дать. Наступила третья ночь.

После ужина Борис пошёл в детскую. Старшая дочь Наташка смотрела телевизор, а Леночка уже спала.

– Пап, ну что, нашли Стёпку?

– Пока нет. А ты почему не спишь?

– Тебя ждала, интересно же. Вся деревня второй день ищет.

– Найдём. Ложись спать.

Ночь была душная, спал плохо. Пошёл на кухню попить. Уснуть уже не мог, всё ворочался. За окном начало отбеливать. В голову лезли мысли – если ему не спится в мягкой постели, то как там сейчас в лесу пятилетнему малышу? Какой уж тут сон. Вспомнил аналогичный случай. Как-то они всей семьёй ездили в город погостить у брата. Когда возвращались домой, то на вокзале потеряли Ленку. Она отстала и заблудилась в людском водовороте. Он нашёл её в комнате милиции. Как же она кинулась к нему! Уцепилась слабыми ручонками, прижалась и захлёбываясь слезами просила: «Папочка,

родненький, не бросай меня...»

Но это среди людей, а сейчас Стёпка один в тёмном и страшном лесу. Никита Мухортов говорил, что за кордоном видел рысь, а недавно волки из деревенского стада утащили телёнка.

От одной мысли о плохом, стало Борису не по себе. Оделся, завёл «Ниву» и поехал в лес. Было ещё рано, а его как кто-то подстёгивал изнутри. Он торопился. По дороге, где потерялся Стёпка, решил проехать до самого горельника. Ехал медленно, глядел по сторонам. На траве была роса, пыль над дорогой за ночь осела.

И вдруг он увидел совершенно чёткие, свежие следы детских сандалий! Дальше у него всё было как на автомате: остановил машину, бросился к следам. Так и есть, Стёпкины, даже та дырочка на подошве от большого пальчика. Следы пересекали дорогу, и уходили в лес, он кинулся туда. Осмотрелся. Никого не видеть. Куда малыш мог пойти, если блуждает? Скорее всего – вперёд. Осторожно пошёл прямо, озирался по сторонам, прислушивался, может, треснет под ногой ветка или услышит шаги. Нет! Тогда стал громко кричать и звать:

– Стёпка! Где ты! Эге-гей! Отзовись!

Ни звука. И вдруг заметил какое-то движение. Серая тень метнулась от сосны к небольшой лошадке. Кинулся туда. На дне её лежал Стёпка, только он сейчас напоминал собой затравленного зверька. Урчал и что-то мычал. Борис бросился к нему, а тот уже ничего не соображал, судорожно вырывался из его рук.

– Стёпа! Сынок! Это же я, дядя Боря! Не бойся, всё уже позади – и взял его на руки.

На Стёпку было страшно и больно смотреть. Губы запеклись и потрескались. Лицо грязное, с высохшими потёками от слёз. Весь в царапинах, волдырях и расчёсах от комариных укусов. И главное – он не говорил, а только мычал и стонал.

Борис с малышом добежал до машины, уложил на заднее сиденье и стал звонить по мобильнику в больницу. Дозвонился, попросил срочно пригласить дежурного врача. Наконец услышал:

– Дежурный врач, Каширин, слушает.

– Это вас беспокоит фермер Тарасов из Воронихи. Вы, наверное, уже слышали, что у нас потерялся ребёнок, Стёпка Ненашев. Так вот – я его только что нашёл.

– Нашёл? Откуда звонишь? Где вы сейчас?

– В лесу, у чёрта на куличках. В шести километрах от деревни, чуть не доезжая старого горельника. Что мне с ним делать?

– В каком он состоянии?

– Как в обмороке. Не говорит и ничего не соображает.

– Первым делом – дай ему пить. Воды или чаю, что у тебя есть. Только не много, не больше стакана. И ни в коем случае – не корми. Езжай в райцентр, навстречу тебе высылаю «Скорую».

У Бориса в термосе был остывший чай. Налил в стакан и стал пить Стёпку. Тот встрепенулся и судорожно схватил ручонками стакан, сам аж трясётся. Стал пить, но весь чай выливался назад. В чём дело? Борис с трудом отобрал стакан, разжал ему зубы и открыл рот. Посмотрел и всё понял. Стёпка инстинктивно чувствовал в траве влагу и жевал её, но проглотить не мог. Стебли колечками застряли у него в горле, поэтому он, не то что пить, даже дышал с трудом. Пришлось Борису засунуть ему палец в рот и вытащить всю траву.

Потом Стёпка с жадностью выпил стакан чая, но этого ему было мало, и он уцепился в термос руками, тянул его к себе. При этом жалобно всхлипывал. Пришлось дать ещё полстакана.

– Хватит, сынок, – успокаивал его Борис, – сейчас мы с тобой поедим в больницу, они тебя напоят и накормят по науке. Держись,

малыш. – И погнал машину.

Немного погодя Стёпка успокоился и впал в забытье. Вот она и Ворониha. Ещё даже коров не выгоняли, решил не останавливаться, проехал деревню и помчался в райцентр. Отъехал километров пятнадцать, заметил – летящую навстречу «Скорую». Поравнялись. Остановились.

Осторожно перенёс малыша в салон. Знакомая Борису доктор, Ольга Николаевна, осмотрела ребёнка, сделала какой-то укол и поставила капельницу. Немного погодя, малыш затих. Под потолком салона висел вверх тормашками большой флакон с каким-то раствором, на руках у доктора спал Стёпка. Так они и уехали, а Борис вернулся домой и позвонил главе района – отбой!

В больнице Стёпка пробыл две недели. Боялись, что обезвоживание даст осложнение. Беда в том, что в таких случаях недостаток воды в организме компенсируется влагой из крови, она начинает густеть и кровоток замедляется. В итоге человек бредит и уже ничего не соображает. Поэтому Стёпка и вырывался из рук своего спасителя. Но всё обошлось. Если бы ещё полдня его не нашли, то начались бы уже необратимые процессы в головном мозге. В лучшем случае – дебил. А так – уже через неделю Стёпку перевели из реанимации в общую палату. Перевели специально, решили, что общение с ребятами ускорит выздоровление.

Наконец из больницы позвонили. Так как у Ненашевых не было телефона, то звонили Борису и сообщили, что можно навещать больного, его найдёныша. Ещё сказали:

– Борис Анатольевич, теперь он ваш крестник.

Поехал, заодно прихватил с собой его старшую сестрёнку, Настю. В приёмном покое их обрядили в белые халаты и провели в палату. Стёпку Борис просто не узнал. И мордашка пришла в норму, и губы как губы,

и волдыри прошли. Только ещё виднелись следы зелёнки, и был он ещё слабенький. Настя обнимала и ласково гладила братишку, радовалась, что он выздоровел.

– Здравствуй, Стёпка. Как ты здесь, брат, поживаешь? – бодро спросил Борис и даже протянул ему руку, чтобы поздороваться, как со взрослым.

Но «брат Стёпка» засмутился и спрятался за Настю.

– Стёпа, а ты узнаёшь этого дядю? – спросила сестра.

– Нет, – говорит Стёпка, потом что-то припомнил и объяснил, – это он сказал: «сын-нок» и дал мне пить.

Оказывается, из всего этого кошмара, в память ему врезался именно этот момент, когда Борис его напоил, а перед этим назвал «сынком».

А раз так, он «сынку» и всем обитателям палаты высыпал на стол целых две сумки гостинцев: конфеты, яблоки, сок, апельсины... и всех пригласил к столу: «Налетай, ребята!»

Когда вышли из больницы, он предложил Насте:

– Что, Настюха, – может, заглянем в кафешку и подкрепимся?

Зашли. Он заказал на двоих обед, а для неё ещё и мороженое. Пока ждали заказ, поинтересовался:

– Ты когданибудь была в кафе?

– Нет. Но мороженое мы иногда покупаем в магазине. Как только в доме накопятся пустые бутылки, мы их сдаём. А денег нам никогда не дают. Даже на кино.

– Почему? Родители же получают ваши «детские» деньги.

Девчушка засмутилась и замолчала. Борис догадался, – хоть какие родители, но говорить о них плохо она стыдилась. Когда принесли заказ, заметил, как она торопливо ела, хотя и старалась не казаться голодной. Борис понял, – голодают дети у Ненашева. Он и раньше слышал от жены, что плохо жи-

вётся ребятишкам у его работника с пилорамы. Говорили, что дети часто поджаривают ломтики картошки прямо на голой плите. Когда в доме вообще не было еды, то ходили на мельницу к деду Митяю, и он по своей добrote насыпал им немного муки. Девчонки месили тесто и так же на плите пекли лепёшки.

Борис ловил себя на мысли – может, только поэтому Стёпка и выжил в лесу. Эти дети росли как сорная трава, которая никому не нужна и её изводят, но она всё равно пробивается к солнцу. Как подтверждение этому – все Ненашевы в школе учились на одни пятёрки. Старшие помогали младшим. Ещё для них был стимул ходить в школу – их там кормили, хотя и один раз в день. Ещё бесплатно выдавали учебники и тетрадки.

Иногда РайОНО оказывал материальную помощь многодетным и неблагополучным семьям. Но члены родительского комитета этим родителям деньги отдавали редко, те же Ненашевы их сразу пропивали. Поэтому сами покупали детям одежду или обувь. Только вот беда – «дармовые» деньги выделялись редко, а таких семей в деревне хватало.

Всё это Борис знал, а вот увидел голодные глаза ребёнка впервые, и это его поразило до глубины души. Ведь не война же сейчас и не голодомор тридцатых, а дети голодают! И это – когда «новые русские» и успешные бизнесмены бесятся с жиру на Куршавеле или покупают футбольные команды. А как дети одеты! Те же Ненашевы донашивают обувь и одежду друг за другом до лохмотьев. Даже чтобы поехать в райцентр, у Насти ничего не нашлось кроме старенького платица, латаного-перелатаного, хотя и аккуратно заштопанного. А ведь она уже почти невеста.

Потом в Воронихе случилось такое, что многих удивило. Когда через неделю Стёпку выписали из больницы, Борис усадил в «Ниву» всех ненашевских ребятишек и по-

вёз в райцентр за Стёпкой. Забрали его, а потом всем табором пошли в кафе, ели разные вкусности и мороженое. Потом всей компанией прошли по торговым рядам, Борис одел всех ребятишек, даже прикупил зимнюю одежду и обувь. Ещё набрали всякой еды и гостинцев.

В деревне соседи Ненашевых с удивлением наблюдали, как из «Нивы» фермера Тарасова лезли дети с обновками: свёртками, коробками и сумками. Всё было хорошо. А наутро эти же соседи прибежали на крик и рёв к Ненашевым. Оказалось, что сердобольный папаша ночью снёс в коммерческий ларёк за полцены Настино пальто и Катькины тёплые сапожки. Позвонили председателю сельсовета, тот пришёл с участковым, Колей Трубниковым. Сообщили и Борису, он тоже подъехал.

А Ненашевы уже успели опохмелиться и спали.

Пошли в коммерческий ларёк, в котором спиртное можно было купить в любое время суток. Его хозяйка, Ирка Зверева, даже ночевала здесь, она ничем не брезговала. У алкашей за водку брала в залог часы, золотые кольца, любую стоящую вещь, даже паспорта. Брала за бесценок, зато под большие проценты.

– Вот что, Ирина Петровна, – обратился к ней участковый, – верни всё, что взяла у Ненашева. Придётся тобой заняться, как следует. Не я буду, если не отберут у тебя лицензию. У тебя же ни капли совести, и ты нарушаешь все правила.

– А с чего это я буду возвращать? Я что, у него украла? Сам принёс, вот с ним и разбирайтесь. А лицензией меня не пугай.

– Ладно – вмешался Борис, – я выкупаю назад пальто и са-пожки. Слушай, Ирина, неужели не знала, у кого брала детские вещи?

– Ты, Борис Анатольевич, лучше бы помолчал. Васька Ненашев работает у тебя, вот и разбирайся с ним. Почему твои алкаши

круглые сутки бегают ко мне за водкой? Ты лучше их воспитывай.

– Ох, и стерва же ты, Ирина Петровна. Дождёшься, что сожгут тебя вместе с ларьком. Подопрут дверь и подпалят.

Потом сельсовет собрал и отправил в администрацию документы о лишении родительских прав супругов Ненашевых. Но вместо того, чтобы явиться на заседание комиссии, они направились к Борису. Он оторопел от такой наглости. Ему было даже противно на них смотреть, не то, что разговаривать.

– Что вам ещё здесь надо? Денег хотите? У вас опять горе!?

– Нет, – ответил Василий. – Помоги закодироваться от пьянки. Обоим. Ведь пропадаем, сам же видишь. Чуть Стёпку не потеряли, а тут совсем с катушек съехали. Это к тебе будет наша последняя просьба. Помоги... – и бухнулись на колени.

***

Вот и вся история. Сейчас Стёпка учится на четвёртом курсе университета и что интересно – у него есть два отца. Один родной, а второй – крёстный, а какой роднее – это ещё вопрос.

ВЫГОВОР

В бытность коммунистов все партконференции заканчивались пением «Интернационала». Обходились, кто как мог. Обычно раздавали листки с текстом и пели. Ещё подпевали артисты из самодеятельности, а уж потом появились пластинки с «Интернационалом».

Если сказать честно, то «вживую» пели не очень. А вот у нас всё было по-другому, выручал главный агроном сельхозуправления Павел Егорыч Вяткин. Голос у него был приятный, сильный, как у заправского певца. Его даже несколько раз по телевизору показывали. Вот он-то по сигналу всегда

первым поднимался и запевал:

– Вставай проклятьем клеймённый...

Зал, гремя стульями, сразу дружно вставал и подхватывал:

– Весь мир голодных и рабов...

Песня крепла, пели от души и с удовольствием, так как после песни всех отпускали домой, а начальство крадучись ехало куда-нибудь обмывать партийное мероприятие.

И вот однажды приехал к нам на партконференцию секретарь крайкома, ведающий вопросами сельского хозяйства. По такому случаю Павла Егорыча настропалили:

– Ты уж не подведи, сам понимаешь...

– Как можно? Да вы не переживайте, – успокоил он райкомовцев, ошалевших от беготни и сознания важности события.

Всё шло по плану, как положено. Дело уже к вечеру, а скукота – страсть! По барабанным перепонкам дятлом долбят эти проценты, гектары, тонны и заверения в честь очередного съезда и, конечно, исторического...

Ясно, что в буфете спиртное не продавали, но после обеда все мужики были навеселе. Вроде, тогда Андропов гайки так завернул, что и не пикнуть, только кто же русского человека, да ещё партийного может перехитрить? По старой традиции налили полный бригадный самовар самогонки и по одному, по двое ныряли в кабинет директора Дома культуры. Так сказать, удовлетворяли свою естественную потребность.

Павел Егорыч тоже несколько раз сбегал к директору, хорошо подрумянился и центр тяжести у него стал маленько смещаться. Время до конца конференции ещё много, и он решил отдохнуть. Попросил, чтобы его вовремя разбудили, а сам под эти гектары, проценты и центнеры молока малость прикорнул на стульчике.

Всё было бы хорошо, но вдруг он начал подхрапывать, его кто-то легонько по плечу

похлопал и шепчет: «Егорыч, приведи себя в порядок!» Тот спросонья подхватился, откашлялся и хоть бы спросил: что происходит? Видит, трибуна как раз пустая, президиум на него уставился, там думают, коммунист желает что-то важное сообщить. И тут он ни к селу, ни к городу грянул басом:

– Вставай проклятьем заклеймённый...

Первыми встали те, кто спал или дремал, да не разобрав, что к чему, спросонья как подхватили, как заголосили:

– Весь мир голодных и рабов...

Тут за ними поднялся весь зал, подхватили по привычке, а сами думают: может в честь секретаря оно так и положено. Что было, что было! Главное, песню уже не останавливать, это же вам не «Шумел камыш», а партийный гимн. Президиум не знает что делать, глядит на секретаря, а тому нельзя отрываться от масс. Ведь народ и партия едины. Поднялся и тоже заблажил:

– Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем...

А затем «Интернационал» пели ещё раз, в самом конце конференции, как и положено, но представитель смотрел зверем.

Потом состоялось заседание бюро райкома, и был «разбор полётов». Наказать Павла Егорыча следовало, только вот – за что? За то, что пел «Интернационал»? Долго думали, как бы так вкатить выговор, чтобы тому мало не показалось, но чтобы и не обидеть партийный гимн. И всё равно исхитрились и наказали.

Больше его делегатом на партконференцию не избирали. По телевизору тоже не показывали.

«ДОБРЫЕ И ПОРЯДОЧНЫЕ СОСЕДИ»

Галина Степановна выросла в деревне, окончила сельхозинститут, потом аспи-

рантуру, и её, как перспективного молодого учёного, оставили работать преподавателем в институте на агрономическом факультете.

Прошло три десятка лет. За это время она успела выйти за-муж, родить троих детей, схоронить мужа и защитить доктор-скую диссертацию. Когда дети женились и разъехались, её от одиночества стали съедать родные стены. Сослуживцы ей и присоветовали купить дачный участок, заняться грядками и садом.

Купила она газету с объявлениями и выбрала дачу по своим средствам. Что ей приглянулось в объявлении, так это приписка: «... соседи по даче добрые и порядочные».

Поскольку она была профессором и читала лекции по почвоведению, то свой дачный участок по науке так удобрила, что помидоры у неё были по килограмму. Элитные яблони и груши в Сибири давали невиданные урожаи. Но не это главное, они были такие огромные, что их нельзя было отличить от тех, которые на рынке продавали смуглые люди в тубетейках. Но, как говорится, каждому овощу своё время.

В тот год у неё урожай был особо удачный, одно плохо – несознательные граждане стали помаленьку воровать у неё чудо молодильные яблоки. Тогда она пошла к соседу-пенсионеру, дяде Мише, дача которого была справа, и он всё лето дневал-ночевал на природе. Попросила его недельку приглядеть за садом.

– Вы уж, пожалуйста, по-соседски помогите, а я в следующую субботу соберу урожай.

Ещё, как профессор, она сказала по-научному, что «сейчас яблоки молочно-восковой спелости» и снимать их ещё рано. За работу она обещала ему купить бутылку водки, чтобы он с баньки её выкушал.

– Да ради бога! – говорит дядя Миша. – Мне это не в тягость. Покараулю. Я же до пенсии сорок лет отработал во вневедом-

ственной охране на мясокомбинате, жуликов вижу насквозь.

Галина Степановна совсем успокоилась и пошла на станцию на электричку. Шла-шла и вдруг на полдороге спохватилась – проездной билет в спешке забыла на кухонном столе. Вернулась. Заходит к себе на участок и видит такую картину: дядя Миша по-хозяйски и бессовестно собирает её элитные яблоки «молочно-восковой спелости». Уже нарвал два ведра и ещё аккуратно наполняет рюкзак.

Хозяйка дачи даже растерялась, потом подошла к нему, тихонько тронула за плечо и спрашивает:

– Дядя Миша, а вы на мясокомбинате так же жуликов ловили?

Дядя Миша, как ужаленный отскочил от ворованных яблок, открыл рот, что-то хотел сказать, и вдруг – бряк оземь и руки врозь. Галина Степановна переполошилась, позвала соседей, те срочно вызвали «Скорую помощь». Врачи немного поколдовали над ним и руками развели: «Инфаркт с летальным исходом».

Всю ночь Галина Степановна не сомкнула глаз и переживала, а утром пошла в милицию, говорит: «Я – убийца. Вяжите меня!» И всё, как на духу им выложила.

Внутренние органы её внимательно выслушали и говорят:

– Уважаемый доктор сельскохозяйственных наук, в ваших действиях отсутствует состав преступления. Дядя Миша пострадал от своей жадности. Это его стубила дурная мясокомбинатовская привычка. Царство ему небесное, хотя он и жулик, а вы живите с чистой совестью.

Может, они по-своему и правы, а как ей жить дальше с таким грехом на душе? Как людям в глаза смотреть? Она – к соседке-пенсионерке, чья дача была рядом, только слева от неё. Стала просить совета. Пенсионерка, баба Дуся была женщина решительная, в

свое время целину подымала, и двадцать лет отработала секретарём парткома завода. Вот она-то ей как бывший член партии и присоветовала:

– А ты, милая, езжай в церковь, поставь свечку за упокой души жулика дяди Миши и исповедуйся у батюшки. Вот увидишь – полегчает. Прямо сейчас же и езжай, на вечернюю электричку в самый раз успеешь. А я уж за твоим садом пригляжу.

Галина Степановна согласилась, стала собираться в дорогу, а потом и думает – зачем тащиться в город на ночь глядя? Лучше на свежем воздухе переночевать на даче, а утром в церковь.

Часов в семь проснулась, давай собираться на электричку, да глянула в окно и обомлела. Видит: соседка, которая подымала целину и двадцать лет была секретарём парткома завода, по-хозяйски собирает её яблоки. Уже три яблони обшелушила...

В тот же день Галина Степановна дала объявление в газете о продаже дачного участка. Как водится, в рекламных целях тоже сделала приписку: «...соседи по даче добрые и порядочные».

ИЗВИНИТЕ, СЭР!

После войны, когда сибиряки вернулись с фронта и начали осваивать целину, то часто новым сёлам давали имена городов Европы, которые они узнали или освобождали: Варшава, Берлин, Канны, Париж. В нашем районе один целинный посёлок назвали – Лондон, в честь столицы союзников по второму фронту.

Прошло несколько лет. Однажды трактористу из этого Лондона, Степану Братышеву выпала честь – в составе краевой делегации целинников он поехал в Москву на ВДНХ. А в магазинах с товарами тогда было ещё худо и, чтобы не ударить в грязь лицом, краевое начальство расстаралось и всех придело,

в том числе и Степана. На краевой оптовой базе помогли ему купить костюм, шикарные ботинки, шляпу и даже модный галстук.

В Москве он ходил вместе с делегацией, и всё было нормально. Но однажды возвращались с ВДНХа, когда уже подошли к гостинице, он решил зайти в магазин, купить папиросок. Купил. Выходит. До перекрёстка со светофором обходить далеко, а если напрямки, то до гостиницы рукой подать – перешёл дорогу и вот она, родная. Он и подался прямо, от машин уворачивается, а шофёры что-то ему кричат и грозят кулаками.

Вдруг милицкий свисток, и вот он – строгий милиционер с жезлом. Представился и грозно говорит:

– Гражданин! Почему вы переходите улицу в неподобающем месте? Это непоря-

док, – и достаёт книжечку с квитанциями, что бы выписать штраф.

– А у нас в Лондоне улицу переходят, где хотят, – говорит Стёпа Братышев, а сам стоит такой представительный, хорошо одет, в шляпе, но главное – в модном галстуке.

Милиционер сразу обмяк, руку под козырёк, вежливо говорит:

– Извините, сэр! Прошу вас, – жезлом остановил поток машин и перевёл Стёпу на другую сторону улицы, прямо к гостинице. Ещё раз козырнул и ушёл.

Стёпа понял – он сдуру что-то нарушил, но говорить всем о своей промашке не стал. Только спросил у старшего по группе:

– Василий Николаевич, скажите, а слово «сэр» не матерное?

**Евгений
Семичев**

**СТИХИ О ВОЙНЕ И
ПОБЕДЕ**

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон –
Павише воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павише воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они – русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон –
Павише воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павише воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

***

Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, не окрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

70

Семичев Евгений Николаевич родился в 1952 году в г. Новокуйбышевске, закончил Куйбышевский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы Московского литературного института им.Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор девяти книг. Публиковался в журналах «Наши современник», «Молодая гвардия», «Воин России», «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Роман-журнал-21 век» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Всероссийский собор» (Санкт-Петербург), «Волга» (Саратов), «Сура» (Пенза) и многих других. Дважды лауреат всероссийской премии журнала «Наши современник». Лауреат Большой литературной премии России, Всероссийской премии им. Лермонтова, Всероссийской литературной премии им.святого благоверного князя Александра Невского. Секретарь Правления Союза писателей России.

Живёт в городе Новокуйбышевск Самарской области.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца...
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И Отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И – рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

***

Ему бы жить в железном веке –
Несовременный человек!
Железа столько в человеке –
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пластику.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Ему, земному самородку,
Оплавленному там на треть,
Судьбой положено пить водку,
Чтоб на ветру не заржавеет.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе – всего,
Сломают клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

***

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг

Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят.
Командиром сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дрёмой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу, как солдаты в походе!

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может день, может год, может век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!

Звёзды космос вселенский коптят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят –
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ – богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!

***

ФРОСЯ

Она возьмёт гармонь, и в клубе сразу
Танцорши разбегутся по углам.
Он умеет так играть, зараза,
Что грудь трещит от песни – попо-
лам!

И бабы просят, бабы тихо просят:
«А ну-ка, Фрося, выдай подюжей!..»
И, развернув меха, поёт им Фрося
Про их, сейчас воюющих, мужей.

И бабы плачут. Бабы горько плачут,
Хотя и песня эта о любви.
И в фартуки залатанные прячут
Мозолистые рученьки свои.

***

- Почто сховал печаль свою
В пустой рукав, солдат?
- Моя рука давно в раю,
А сам иду я в ад.

Когда огня железный вой
Рванутся через край,
Рука рванулась за братвой,
А угодила в рай.

Теперь сам Бог ей – политрук.
А мне-то что с того?
Как видно, не хватает рук
У воинства Его.

Слова «Век воли не видать»
Я выколол на ней.
А рядом «Не забуду мать...»,
Чтоб поняли верней.

Архангелы на свой манер
Мой бред переведут...
Держись, собака Люцифер!
То русские идут!

***

В парадных военных расчётах
Великая слава течёт.
В расчёт не берут желторотых.
Их скромная слава не в счёт.

Оркестров мажорное форте –
Бесстрашным солдатам страны.
В дети победного фронта
Стоят у обочин войны.

И с ними стоит моя мама,
И машет героям рукой.

Салютов небесная манна
Над Родиной плещет рекой!

За спинами граждан нарядных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
В слезах моя мама стоит.

Вот так всю войну простояла,
Поскольку росточком мала.
Снаряды она снаряжала
И верой в Победу жила.

Не то моей маме обидно,
Что горьким был доблестный труд,
А что из-за роста не видно,
Как строим гвардейцы идут.

Несметные выпали беды
На долю героической страны.
А дети священной Победы
Стоят у обочин войны.

В толпе ротозеев парадных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
Военное детство стоит.

***

Полк расформирован. До свиданья,
Воинство, ушедшее в запас.
Списанное обмундированье
Желтый Дом зачислил на баланс.

Сумасшедшим выдали шинели
Грубого армейского сукна.
И они, болезные, запели,
Выстроившись в строй: «Вставай,
страна!»

Грянул скрежет рваного металла
В голосах, звучащих вразнобой.
Но страна огромная не встала
Из руин на новый смертный бой.

Заскулили во дворе собаки.
Поприжали уши и хвосты.
Санитары – храбрые вояки –
Ошалев, попрыгали в кусты.

Песней доведённая до точки,
Нянька прокричала на бегу:
«Не печальтесь, милые сыночки,
Не сдадимся заживо врагу!..».

...И пошли колонной брат за братом
Защищать великую страну –
Родины последние солдаты
На свою последнюю войну.

***

Сосед уехал на войну.
Там ближе к раю.
Все знают, как спасти страну.
А я не знаю.

Сосед пришёл с войны с клюкой.
Отважно дрался.
Он был в раю одной ногой.
Не удержался.

Пока тащил второй сапог
Из брэнной грязи,
Споткнулся о родной порог
И рухнул наземь.

Перевалился через край.
Отвоевался!
«В гробу я видел этот рай!» -
Сосед признался, -

Когда я ехал на войну,
Был ближе к раю
И знал, как мне спасти страну...
Теперь – не знаю...».

***

... А росы на рассвете – капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться.
Среди кричащей этой тишины
Всплывает солнце – огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

***

Завариваю чай с малиной.
Вдыхаю ягод аромат.
...Иду дорогой узкой длинной
На сорок с лишним лет назад.

...Сидит старуха на крылечке.
А рядом с ней – согбенный дед.
Иду домой вдоль тихой речки
Через страну, которой нет.

73

Родных полей льняная скатерть
Зовёт и манит на постой.
А на малиновом закате
Горит малинник золотой.

За покосившимся сараем,
Где солнце гасит ясный свет,
«А я другой страны не знаю...» -
Поёт навзрыд сопливый шкет.

Вздыхает жалобно калитка.
Неумолимо на закат.
Ползёт садовая улитка,
Как сорок с лишним лет назад.

Растёт крапива у крылечка.
К забору никнет бересклет.
Бежит в мои объятья речка
Через страну, которой нет.

Глаза мои слеза туманит.
Иду я, голову склонив.

*И сердце с болью скорбной ранит
Знакомый с детства мне мотив.*

*Душа моя во мгле стенает
И песня вторит ей в ответ.
Поёт мальчишка и не знает,
Что это плачет в нём поэт.*

*Я подойду к нему украдкой,
Не потревожив гладь и тишь,*

*Не беспокоя деда с бабушкой,
Скажу ему: «Привет, малыш!»*

*Он ничего мне не ответит.
А в золотом его саду
Во мгле таинственной засветит
Господь высокую звезду.*

Известному поэту Иосифу Куралову – 60 лет. Поздравляем своего талантливого коллегу, видного автора журнала «Огни Кузбасса» с юбилейным Днём рождения! Желаем радости творчества, теплоты отношений с друзьями и крепкого здоровья на многие годы.

Иосиф Куралов

Вокруг тебя сверкает каждый атом

ИЗ ДЕТСТВА

*Был мерой доблести синяк,
А правдой управлял кулак.
За терриконами сходились,
А после врали и хвалились.*

*А если зубы выбивали,
Мы и тогда не унывали.
Был очевиден неуспех,
Зато плевали дальше всех.*

РЫБКА

*В сети многие попадалась,
Только плавала налегке,
Сквозь любую сеть прорывалась,
Тихо плакала вдалеке.*

*И попалась не в сеть, а в руки!
Руку в реку я окунул —
Приплыла в бессловесной муке,
Не похожая на акул.*

*Так прижалась она к ладони,
Что зажегся в воде плавник!
Рассыпайтесь, горячи кони!
Я губами к реке приник!*

75

*От реки отрываю рыбку —
Рядом с сердцем она горит.
И, выдавливая улыбку, —
Задыхаюсь я! — говорит.*

*Отрываю от сердца рыбку —
Под водою моя рука.
И выдавливаю улыбку..
Покрывается льдом река.*

***

*Был же вечер не слухом, не сплетней,
На бульваре горели цветы!
Был же я — двадцатисемилетний,
И семнадцатилетняя — ты!*

*Ты, как свет на ладони, легка!
И пока никакого мне дела,*

Что душа не вселилась пока
В загорелое юное тело!

Мы совсем не тоскуем о ней,
А идем с тобой напропалую!
Посреди площадей и людей
Я тебя без оглядки целую.

Лишь летящие линии рук —
И в другом мы от всех измеренье!
Ничего ты не видишь вокруг,
Так вот и начинается зренье!

Прозревает и зреет душа,
Наполняется розовым светом.
Только ты без нее хороша!
Для чего она в возрасте этом?

Будет пройден житейский ликбез,
И начнется души возмужанье.
А пока ты мне нравишься без
Хоть какого-нибудь содержания.

Будет все – цветостой, листвобой.
Будет холод осенний и зимний.
А пока что одобрен тобой
На виски мои выпавший иней.

Всю идущую вслед молодежь
Превзойдешь ты талантом и светом.
Но уже никогда не пройдешь
Ни за кем, как пылинка за ветром.

Элитарен

Сказали мне: ты элитарен,
Стихи твои не всем понятны.
А я всего-то лишь татарин,
Хотя сомненья вероятны.
То примут вдруг за иудея,
Поскольку позволяет имя.
А я им говорю, балдея:
Какая смелая идея —
Жить в наше время, в Третьем Риме!

Могу работать и японцем,
Светя щекой, облитой солнцем!
Надену кепку — армянин,
Почти советский гражданин!
Не нравлюсь папам, нравлюсь мамам.
И даже незамужним дамам!
Когда, красив, как лимузин,
В сиянье собственных ботинок,
Иду в толпе друзей-грузин.
Или иду на крытый рынок,
А он — Медина или Мекка.
Я там стою с лицом узбека,
Как персонаж своих картинок!
И вовсе в прятки не играя,
А толицу времени стирая,
Могу в земле, от соли душной,
Открыть подземный свет Сарая*
И выстроить Дворец Воздушный!
По воле божьей став пиитом,
Погибну я, когда солгу:
Я все могу! И не могу
Освободить забитых бытом,
Склоненных рылом над корытом,
От эстетической нагрузки.
В Пространстве, Господом забытом,
Я – каждый день в бою открытом,
Поэтому пишу по-русски.

* Сарай: с тюркского – Дворец, город, который несколько веков назад стоял в нижнем течении Волги.

ЧУГУННАЯ ДЕВА

Я не стоял под баобабом,
Зато стоял под этой ню!
И потрясен ее масштабом,
И с баобабом не сравню!

Боюсь чугунного искусства,
Хочу вопросы задавать!
Оно должно какие чувства
У теплокровных вызывать?

Скажу, как брат, ослу и гусю:
Вы оба счастливы вполне,
А я любимую Марусю
Увидел в этом чугуне.

ОТВЕТ

Я сам поэт и русский патриот.
Не ржавый и надежный винт державы.
Негоже мне отказываться от
Самойлова и Окунджавы.

Да, я однообразен и убог
В пристрастиях. Иным быть не пытался.
А Межиров в Америку побег.
Но он в душе моей остался.

Перед фронтовиками я в долгу.
Воспитан так. И фразочкой крылатой
Я их вину измерить не могу.
Живу во всем сам виноватый.

Рубцов, Куняев, Юрий Кузнецов
Мне ближе вышеназванных. И все же
Отцы пусть предадут. А нам негоже.
Негоже предавать отцов.

ПЛАЧ ПО ЛЕТУ

Не свети прозрачной кроной, клен!
То не твой, а мой осенний стон.

Не шумите, буйны тополя!
Живы корни. Вертится земля.

Ах, цветы сирени! Сон земли!
Не заметил, как вы отцвели!

Ах, черемух белый воздух-вдох!
Черных ягод каменный горox.

Ты, трона моя, пустым-пуста —
Место для летящего листа.

Как летит он! Как стремится вниз!
Но зачем он в воздухе повис?

Душу человечью что пытаться?
До земли же надо долетать!

Так и будет в воздухе висеть.
И паук его завяжет в сеть.

И в четыре закует угла.
Вспыхнет осень. Жизнь! Ты где была?

Человечье сердце крикнет: «Нет!
Есть весна!» И зародится свет.

Да и вовсе он не угасал.
Просто лист в пространстве повисал.

До земли-то он не долетал.
Душу, Боже, для чего пытал?

***

77
Бутылка вина - на столе, под Луной.
Ты - в раме окна, высоко надо мной.

И все же мы вместе вдвоем, до утра,
Пьянствуем в черном квадрате двора.

Собственно, пью я один. И тебе
Читаю стихи о нелепой судьбе

Поэта, который один, до утра,
Пьянствует в черном квадрате двора.

И, слыша из окон людские «хи-хи»,
Звездам небесным читает стихи.

***

Стояла полная Луна.
Ко мне любимые входили.
И среди них была одна.
Водила пальчиком по пыли.

Ударился я сердцем о

Несовершенство бледных линий.
И от удара моего
Они свернулись в чашки лилий.

Я стал из чашек пить вино,
Чтоб утонуть без лишней муки.
Я много выпил, но оно
Не заменило свет и звуки.

И пригляделся я к душе.
Душа моя опять парила.
Я на десятом этаже
Встал на балконные перила.

Легко по воздуху пошел
Над современностью железной.
Моих любимых алый шелк
Дышал, держа меня над бездной.

Хрустальный звон стоял в ушах.
Я шел по воздуху – сквозь воздух.
Сверкала ночь. И каждый шаг
Звенел и отзывался в звездах.

А на земле завода пасть
В огнях призывная зияла.
И я мечтал в нее упасть.
И напоследок вспыхнуть ало.

Но я себя не дописал.
И так любимые сияли,
Что я в пространстве повисал,
Как в достижимом идеале.

Я до земли не долетал.
Как прочие земные грузы.
Напрасно душу я пытал,
Мои возлюбленные музы.

ИМПОРТЯНКА

Поколение, выбравшее «Пепси»,
С носом в непросохшем молоке,
Распеваает импортные песни

На американском языке.

По планете янки прут, как танки.
Где они прошли, там – тьма, ни зги.
Тонны беспросветной импортянки
Намотали встречным на мозги.

Встречные становятся смелее.
Вот один: идею воплотив,
Целый день гуляет по аллее,
Весь наряд его – презерватив.

Потому что, глядя в телевизор,
Слушая его открытый текст,
Сделал самый главный в жизни выбор –
Выбрал самый безопасный секс.

Поколеньце не в папу-маму,
Чтоб за Родину переживать.
Поколеньце в телерекламу,
Чтобы жвачку всю пережевать.

И клевать на каждую приманку.
Каждым ядом душу отравить.
Жить и нюхать. Нюхать импортянку.
Импортынюку нюхать. Кайф ловить.

Делай вывод, парень, поневоле,
Если ты на воле хочешь жить:
Повстречаешь волка в чистом поле –
Станет ли с тобою волк дружить?

Знай его: на нем овечья шкура.
В чемодане – человеческий фрак.
А на морде – маска. Маскультура.
А в глазах его – всемирный мрак.

Он тебя в такую глушь заманит,
Что, представишь – оторопь берет.
Чуть засомневаешься – обманет.
Засопротивляешься – сожрет.

Суть его звериная и злая
Обнажится, застилая свет,

*В мир из пасти волчьей посылая
Сотни самолетов и ракет.*

*Если у тебя в руках двустволка –
Не успеешь пулю в лоб всадить.
Ну и что теперь: бояться волка?
Их бояться – в космос не ходить.*

*Только надо быть не обнаженным,
Заключая мирный договор,
А, желательно, вооруженным,
Лучше, чем зубастый твой партнер.*

*Он ведь силу уважает шибко.
Будешь ты сильнее его, тогда
Вся его зубастая улыбка
Потускнеет раз и навсегда.*

*А на волчьи мелкие подлянки
Скажешь ты спокойно, мирно, так:
ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТОЙ ИМПОРТЯНКЕ
НЕ СРАЗИТЬ НАШ ЕВРАЙЗИЙСКИЙ СТЯГ.*

ТОЛПА

*Голая ведьма над храмом летала.
Толпа хохотала.*

*Старуху от голода ветром шатало,
Толпа хохотала.*

*На виселице человека мотало.
Толпа хохотала.*

*Пришла самоходная куча металла,
Толпу расстреляла и в землю втоптала.
Тихо стало.*

*В тиши отдыхают колеса и дула.
Знай свой конец, многоротая дура.*

СВЯТАЯ РУСЬ

*Кто не ослеп под властью Сатаны,
Тот видит все как есть на белом свете.
Нет той страны, в которой рождены
Ты сам, твои родители и дети.*

*А есть какой-то голый стыд и срам,
Многоканальная теледубина.
Базарный хам заполнил Божий храм,
А Родину заполнила чужбина.*

*И крик, что я в груди своей держал,
Наружу рвется, сердце обнажая:
Я из родной страны не уезжал,
Так почему вокруг страна чужая?!*

*Лишь в сердце для чужбины места нет.
В сердцах людей живет-горит, не тая,
Один на всех неистребимый свет.
Он — Родина моя, он — Русь Святая.*

79

САД НА АСФАЛЬТЕ

*Поглядишь вниз — заасфальтированная
земля — мрак!*

*Поглядишь вверх — заасфальтированное
небо — мрак!*

*Поглядишь вперед — заасфальтированные
лица горожан — мрак!*

Закроешь глаза — поглядишь в себя — СВЕТ!

*Так и ходишь с закрытыми глазами,
Своим ярким светом любишься,
Никого к этому свету не подпускаешь:
Не дай Бог, натопчут
В безграничном и стерильно чистом
Пространстве и Времени Любви
К самому себе!*

*А приглядишься к себе внимательнее
И делаешь поразительное открытие:
А-а-а! — вот он где спрятан*

Асфальтовый завод.

Как же он туда попал? Догадайся сам!
Тебя еще не было на белом свете,
А вокруг того места, где ты родился,
Уже стояли и вовсю дымили
Черные асфальтовые заводы.

И теперь ты ничего не знаешь
О естественной почве,
На которой растут
Живые цветы,

И упорно выращиваешь
Сад на асфальте.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЕ

Двадцатый век. Семидесятый год.
В дыму – индустриальный небосвод.
И ночью не видать небесных тел.
А на земле тебя я разглядел.

Вокруг тебя сверкает каждый атом!
В девятом классе ты, а я в десятом.
Мы на пороге жизни, как на старте,
Стоим, стоим... Не объявляют старт!..
И позабыли мы портфели в парте,
И прогуляли вместе целый март!

Я на год старше! Полон оптимизма!
Мне нравятся старания твои!

Ты мне читаешь свод соцреализма!
А я тебе читаю А. Виньи!

И если «женщина всегда ребенок»,
Как молвил упомянутый француз,
То юбка на девчонке – вид пеленок,
И нет тебе, ребенок, равных Муз!

...Гляди! Идут прекрасные созданья
Ветхозаветного воспоминанья,
Вдруг разглядев во тьме ученья тело,
Решительно, хотя и неумело,
Природы юной выполнив задание
И сокрушив до самого предела
Библейскую основу мирозданья,
После уроков – прямо в зданье школы!..

Застигнутым на месте преступления,
На самой высшей точке ослепленья,
Теперь нам долго не спрягать глаголы!..

Теперь идем – и всюду тает снег!
А подо льдом кипит волна, играя!
Нигде не предусмотрен наш ночлег:
Нас только утром выгнали из рая!..
И по указу грозного райкома –
Из школы! А родители – из дома!

А нам плевать, хоть школа вся – сгори!
Вот так и заявляем добрым людям:
Мы мокрые от влаги изнутри,
Но эту школу мы тушить не будем.

80

Сергей ЯКОВЛЕВ

Что-то задумали дали

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННИЕ АНАПЕСТЫ»

Это осень, подкравишись, надышала на стёкла.

Резок в холоде утра укроп.

Стойко зябнет на грядках марганцовая свёкла.

В небо – тысячи тающих троп.

Там к тревоге отлёта примешалась другая:

Суждено ли вернуться сюда?

Только солнце пылает, никого не пугая,

И молчат на приколе суда.

Сколько ей красоваться, златолиственной роце?

Скоро ночь – а кузнечик звенит.

Вновь рубеж подступает. Не выдумать проце.

Но какую он тайной казнит?

Побеждающий сумрак ничего не ответит,

Лишь безмолвно принудит: молчи!..

Народившийся месяц ничего не осветит,

Лишь себя обозначит в ночи...

* * *

К сентябрю высыхают поленья.

Дух вина вечерами и тленья.

Проглянувшая в тучах луна

Холодней колуна.

Тинный прудик смиренно ослеп.

Тёмный погреб – как маленький склеп.

Буду в доме жилое беречь,

Хоть и старая печь.

Упокой разливается вольно,

Только сердце ещё колокольню.

Всё ж и этот расплещется дар

За ударом удар...

* * *

Вечерний бас. Вечерний звон.

И холод бронзовый заката.

Певец глубокий – это он

Печаль наводит на собрата.

Блаженство лет в краю родном,

Как дальний берег в сизом дыме;

Скользнули в омут с тинным дном

ЯКОВЛЕВ Сергей Константинович родился в 1950 году на Томской земле в семье сельских учителей. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. В Союзе писателей России с 1991 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публиковался в литературных журналах и альманахах Сибири, Урала и Москвы.

Живёт в Томске.

И стали прошлыми, былыми...

*Как этот голос вековой,
Как бой под пенье колокольный,
Плывёт над плёсом, над травой
Гуденье памяти укорной.*

*Какой такой соблазн манил
Вперёд, вперёд – к пьянящей цели?
Моря потрачены чернил.
Леса страниц, отшелестели.*

*А оказалось, что вослед,
Увы, развеселиться нечем,
И трезвый холод поздних лет
Закатным звоном грустно лечим.*

*И ничего-то нет хмельней,
Доверчивей и полновесней
Малопонятных юных дней,
Воссозданных вечерней песней...*

КАПЛЕТ С КРЫШИ...

*Калет с крыши, снег – насквозь.
Муська окотилась.
Солнце выше поднялось,
Дальше покатилося.
Не пришиблена тоской
Вечерком беседа.
Из больницы городской
Привезли соседа.*

*Под февральский вьюжный вой
Таял понемногу...
Вот и дома. И живой.
Но отняли ногу.*

*Год, как бабка померла,
А ему – поблажка.
Неважнецкие дела,
Одному-то тяжко.*

*Сам храбрится: ерунда!
Что, мол, рассыпаться?
Скоро полая вода,
Пчёлкам просыпаться.*

*Мол, весна не на авось,
Гибель зря крутилась...
Вон как солнце поднялось,
Дальше покатилося.*

* * *

*С летом таким не ужиться,
И от него – не сбежать...
Принялись беды кружиться,
Вольным огнём угрожать.*

*Горько мы все надышались
Дымом горящей тайги,
Каплей дождя утешались, –
Господи, нам помоги!*

82

*Видно, не зря нагадали
Этому Свету каюк.
Что-то задумали дали.
Птицы забыли про юг.
Вызрело к осени тихой
Много недобрых примет.
Печку топлю облепихой.
Высохла. Ягоды нет.*

ВРЕМЯ

*Был голос: разжимай
Тревог своих угрюмость, –
Черёмуховый май
Зовёт вернуться в юность!*

*И мыслил я в ответ:
Оно б не повредило, –
На кой мне столько лет?
Найду обратный след,
Где старость не бродила...*

И только я подумал –
Уже цветёт ранет,
И жаркий ветер дунул,
И мая – нет как нет.

ХИМИЯ И ФИЗИКА

Учёный сводник спирта и воды,
Он даровал нам водку – Менделеев.
Похоже, он и сам свои труды
Благословлял не с помощью елеев.

Родная и проклятая она.
Недаром жить нам в трезвости внушают.
Но коль душа безвыходно больна,
Грам двести ей отнюдь не помешают.

И вот уже, росисто заблестав,
Глаза цветут смелей чертополоха!
Меняйте свой химический состав,
Когда с тончайшей физикой всё плохо...

ЖДИ ОТВЕТА...

Он один-единственный на всех,
Он всегда еси на небесех,
Где-то там, где мысли наши мчатся.
Мы к Нему с молитвенной тоской,
Но, из пыли выпрыгнув мирской,
До Него не просто достучаться.

Дел Ему и так невпоровот:
Наказать зарвавшийся народ,
А другой – помиловать дарами...
В суете сует молчи о Нём
И, горя молитвенным огнём,
Жди ответа в келье, а не в храме.

* * *

Малютку пугает гроза
И громом, и всхлипом берёзки;

И раньше, чем дождь проливной,
Они – боязливые слёзки.

На небе темней и темней,
А молнии ярче и жгуче,
Сейчас наползут на окно
И в комнату ввалятся тучи!

Сердечко сорвётся, как крик,
Смешается с теменью зыбкой, –
Куда убежишь от грозы?..
Но мама спасает улыбкой.

* * *

Вот сижу я в избе-развалюхе
За своим стихотворным столом...
Надо мной барражируют мухи,
Наслаждаясь домашним теплом.
На земле уже снег. И прекрасно,
У меня – две поленицы дров.
И надеюсь, что я не напрасно
Оживил этот старенький кров.
Что ж, деньга не даётся большая,
В этом смысле я грустный бедняк,
Не построить мне, планы свершая,
Даже средней руки особняк.
Но со мной здесь бессмертные тени
И, поближе к печи, образа...
Подложу... На сосновом полене
Смоляная застыла слеза.
За ночь вьюга, привычная слуху,
Повторит все напевы огня...
И любить мне мою развалюху
До последнего нашего дня.

* * *

То сиренью, то бензином
Вдоль по улице пахнёт...
Город. Рынки. Магазинам
Потеряешь точный счёт.
Но на кой он мне, однако?
Я – считаю облака;
Хоть в России, хоть в Монако

Тяга к небу велика...
Да в мечтательном тумане
Всё же вдруг придёт на ум,
Что грозит жизнь без мани
Истощением сил и дум.
Жизнь похожа на купюру:
Есть на десять, есть на сто.
Денег надо и каюру,
И пиратам, и Кусто.
Город правит. К магазинам
Все пути-дороги гнёт...
То сиренью, то бензином
Вдоль по улице пахнёт...

* * *

Да, играют Свиридова... Чудо.
Этим чудом пылает мой дух.
Всё у гения взято – о т т у д а ;
И подобных не может быть двух.

Никакого на сердце нажима,
Лишь метельная сила крыла.
Воля вольная вдруг достижима,
Словно жизнь в небеса забрела.

Но земное земным остаётся,
Только что-то меняется в нём:
Это хаос на время сдаётся,
Опалённый всевышним огнём.

Агата Рыжова

Полюби меня, человечество, и согрей

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

*Полюби меня, человечество, просто так.
Не за третий размер мозгов и стихи.
Я с тобой от упрямства дышу не в такт.
В мегаполисе песни мои тихи.*

*Против смысла в колодец плюю – не на-
пьюсь.
Левым маршем на ощупь живу – мимо всех.
Через край одиночества я прольюсь,
Расплеку среди бетонов свой вызов-смех.*

*Как больного ребенка, меня укачай
На горячих руках у твоих сыновей.
В мегаполисе ночь наступает – встречай!
Полюби меня, человечество, и согрей.*

В ЖИЗНЬ

*Задницей шлёпнулся в жизнь, чтобы в ней
тонуть.
Вот океан веселья – давай, плыви.
Или карабкайся в гору – короче, будь.
В хижине мамы Тома сто лет живи.*

*Можешь уйти в леса или в Париж махнуть,
Чтобы все звали белым платочком вслед,
Влагу соленых дней с долгих ресниц смах-
нуть,*

Бабочкой водной снова грести на свет.

*Если глаза выедает слепая мгла,
Свет истончится, как шерстяной носок.
Ляг на пустой живот, чтобы вода смогла
Крепче стянуть на шее свое лассо.*

*Вот марианская галька людского дна,
Где не услышишь даже мирской приборой.
Сквозь океанскую толщу душа видна,
85 Кем бы ты ни проснулся – и Бог с тобой.*

* * *

*Из белокрылой радуги
На миллион человек
Падает-падает-падает
Богом подаренный снег.*

*Чтоб застелить всем набело
Свежего дня постель,
Боженька дует на ангела
И сотворяет метель.*

*Райским пером запорошены,
Но, не умея летать,
Крадучись ходят прохожие –
Первый снежок не топтать.*

* * *

Любовь не проходит – скорее планета пройдет

Болезненным чьим-то сном и томительно мимо.

Вот ядерный гриб на ладони бетонной растёт,

Витринами брызжет сердечная Хиросима.

Двуглавый младенец рождается, как призрачный герб –

Топтать одинокий простор безголового царства.

Судьба в одночасье заносит свой ядерный серп,

Чтоб людям в обнимку с вещами родными остаться.

Асфальт подо мной полыхает и плавится снег –

Падёж поголовья людского в бетонной природе.

Томительным сном вновь проходит любой человек.

Любовь к человеку, как небо – вовек не проходит.

АПРЕЛЬСКОЕ

У меня затекает лицо в рукав, если тронуть лицо рукой.

Остается густой кисель головы и по шее течет рекой.

Золотится фантомная боль в виске, выгибая меня дугой.

Не случается путного с головой – акварельный апрель такой.

Обмакнулись деревья в капельный звон, по карнизам расплылся лед.

Как размазанных по небу тусклых птиц, человека к теплу влечет.

Разопрели снега, чтоб бежать водой, для меня настает черед:

Чтобы в теплое море скорей попасть – голова между пальцев течет.

Голос

Кто же мне дал эти ребра, в которых я прячу вой?

Мир собирал для тебя и в живое вдохнул огонь.

Вот тебе клетка надежды, живи в ней и будь со мной.

Я твой взыскательный преданный бог – и меня не тронь.

Где тебе, жено, понять? – Сиротски томится ребро,

Чувствуя в области сердца потерю стрелы-ребра.

Женичину я воплотил и учил отличать добро.

Ребра сложились так, что создание это – раба.

Сладостью вечной потери язык безутешно горчит.

Нет, не тяни ко мне жаждущих рук – руки не подам.

Криком вспори материк – но правду свою промолчи!

Чей это голос тоскует во мне – я узнаю сам...

* * *

Всё, что есть человечье, слабого, мягкого, малого

И земные дела, что до боли в затылке вещественны –

Словно шубу с плеча, отдаю, чтоб прожить тебя заново.

Всё, что кроме любви, для бессмертной души не существенно.

Облетели слова прошлогоднею лиственной сыростью.

ПОЛЮБИ МЕНЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, И СОГРЕЙ

Мы сменили лицо, будто платье в казенной
примерочной,
Опасаясь из прежнего рта всеми чувствами
вырасти
И в кармане бряцая сомненьем – затертою
мелочью.

Всё, что кроме любви, отцветет по весне и
осыплется.

Жизнь на полном ходу расплеснется маши-
ною гоночной.

Человечьи мечты на прощанье туманами
зыблются.

Над унылой землей вместо сердца несущий
мячик солнечный...

* * *

Нечего помнить и незачем жить – я живу,
Плача некстати и пряча глаза от прохо-
жих.

Что мне поможет, когда ничего не помо-
жет?

Голуби с просьбами к Богу по небу плывут.

Выдалось лето, каким не пугают во сне:
Улицы мертвых надежд опухают от влаги.
Буква кровавым побегом растет на бумаге,
Чтоб хиросимно и ярко цвести по весне.

Всем уходящим – счастливо к забвенью
доплыть.

Каждый свою обретет драгоценную Мекку.
Как написать о небесной любви к человеку?
Всякая буква увянет, и незачем жить.

Таяна Тудегешева

Корнями Сибири произрастать

СИБИРЯКИ

*У России судьба, что Небо высокое,
А глаза, словно воды в тиши – глубокие.
Все равнины, леса в долгих думах – тихие,
Испокон в ней народы живут – многоликие.*

*Но, когда на страну напали невзгоды,
Будто лес грозный – в бурю, вставали наро-
ды.*

*Шли в атаки, как льдины весной в полово-
дье,
Или дикие кони, срывая поводья.*

*Мы скуластые, пусть мы с глазами узкими,
Но, в боях–всех–враги называли ”русскими”.
И не слыхивали нацисты фашистские,
Что из сплава народов–люди сибирские.*

*Как тайга вековая стойко–сплочённые,
От земли духом крепкие, закалённые.
Кружат вороны, но сражённые воины
Проросли в землю, корнями, непокорные.*

*До сих пор Ветер прошлого – души студит,
О Сибирской дивизии жизнь не забудет.
Хоть Россия вовеки нетленной пребудет,
Но, корнями Сибири, произрастать будет.*

5.10.2012г.

СТАРУШКА МАТЬ ОЛЕНЭ

*В юрте, скособоченной к земле навеки,
Пляшет зарожденный предками огонь.
В ней старушка Оленэ смежила веки,
Вспоминая жизнь свою, как долгий сон.*

*Трубку курит, строя думы по порядку,
Но сбивая мысли, ветер кровлю рвет...
Уж Храбро пал ее сынок с медведем в схватке,
И, став соколом, он улетел в полет.*

*Что-то Шимельдеи – злобные метели
Рыщут возле старой юрты с давних пор.
Был бы сын – батыр, они б и выть не смели
В родовой тайге священных отчих гор.*

*По соседству с дедом Коспекчы – шаманом,
С детства Оленэ росла, текли года.
Срок пришел, его призвало Небо навсегда,
Уж очаг пустой захвачен малтырганом*.*

*Трубку вновь набив душистою махоркой,
Выдыхает думы–грусть она с дымком,
В дымоход небесный вглядываясь зорко,
Возращенья сына ждет всю жизнь молчком.*

Весь свой век старушка свято верит в чудо:

Тудегешева Таяна(Татьяна) Васильевна родилась в Горной Шории, в аймаке Усть-Анзасс, Таштагольского р-на. Окончила Московский Литературный институт им.Горького, В.Л.К. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Наши современники», «Литературный Кузбасс», «Кузнецкая крепость». В антологиях «Поэзия народов России» 2008г., «Русская сибирская поэзия XX век» 2008г. Автор поэтических сборников «Поющие стрелы», «Шория моя», «Поющие стрелы времён», «Небесный полёт девятиглазых стрел». Готовит к изданию новый сборник стихов. Член Союза писателей России с 1999г. Живет в г. Новокузнецке.

В то, что сокол-сын к ней с Неба прилетит.

Коспекчы ж, звездой став, может быть «оттуда»

Сыну путь-дорогу к юрте озарит.

Одряхла мать, покрылась юрта мхами,
Малтырган крадется ближе с каждым днем,
Но, горит – горит очаг под небесами
Негасимой веры родовым огнем.

Прим.: Малтырган* – дикое растение борщевик.

ПО ТУ СТОРОНУ ШОРСКИХ ГОР

На поднебесных остроглавых вершинах,
По ту сторону шорских гор,
Меж каменных глыб, где даже ветер стынет,
На гольцах фиалки растут.

Они неприметны, скромны и невзрачны,
С незапамятных пор цветут,
Где воздух резкий, как лезвие бритвы,
Облака кромсает вокруг.

Ничто не возрастает, где скалы, курумник,
Неприступная глухомань!
Лишь фиалки, скупившись в россыпях дивно
Извлекают жизнь из глубин.

Их удел: только камни да дикий ветер...
Устоять, выживать, молчать,
Жить по-братски, стойко на свете,
Дом незапертый сторожить.

Зачем им сказки - про анютины глазки,
Над обрывом грозных вершин!
Фиалки живут по таёжным законам,
В неподкупной аскезе гор.

09.09.2012 г.

НЕМАЯ ВСТРЕЧА

В краю седой тайги,
в пучине вечных синих
гор,
Где властно, мгла седых теней,
суровый круг замкнула.
Из-за куста,
вонзая взгляд в межлиственный
зазор,
Два дерзких глаза – дула,
угрюмо целились в
упор,
В меня... И вздрогнув мыслью,
я в глубь дебрей отступила.

Застыло время, хрупким льдом,
в холодной
тишине,
Глаза – в глаза, что два ножа,
скрестили миг
упруго.

Я – человек, он – волк,
и смертный холод по
спине...
Что думал «серый» враг,
лютую молча,
обо мне,
Когда тяжелым взглядом
кромсали мы друг
друга.

Прервал бескровный бой
нещадных глаз - щенячий звук,
Гляжу: в тени кустов
комочек жалкий
шевелится...
И расступилась тишина,
растаял мрачный
круг.
И солнце расплылось,

обняв лучами мир
вокруг,
Не враг таился предо мной – усталая волчи-
ца.

Опять глаза – в глаза,
скрестили взгляды вновь – в
упор,
Пронзенные одной глухой
языческой Пра-
тайной.
Мелькнул в зрачках её
лик древней матери
печальной.
Молниеносно отразился он – в моём зеркаль-
но...
Мы молча разошлись
в пучине вечных
синих гор.

УХОДИМ

Мы достигли незримых пределов.
Позади нас мгла - тысячелетий.
Мы уходим туда, где спит солнце,
На закат направляемся молча.

Пробиваясь сквозь время, редели,
Крепко сбитые, духом, тумены*,
Отражая атаки в столетьях,
В день грядущий дойти не сумели.

Жить в просторах тайги стало тесно,
И в степи – Ветр бескрылый жив только,
Оттого вторим ветру в тон – песни,
И пьем «горькую», что в душах горько.

Пусть увидеть нам вряд ли придется
Свет, что землю расцветит – с Вселенной,
Но народ с гулким именем - шорцы,
Жить продолжит в сказаниях древних.

И когда смолкнет ветер бескрылый,
Тишина воцарится глухая...

Русский мальчик исполнит сказ дивно,
Вам на шорском шооре** сыграет.

02.07.2012 г.

Прим.: Тумены* - отряды численностью 10
тыс.

Шоор** - шорский музыкальный ин-
струмент, в древности вырезался из ство-
ла борщевика.

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ОБИТЕЛЬ

Есть на свете обитель, приют – это роди-
на,
Там сбегают ручьи с гор седых в синий лес.
Мы спешим к ней, тропа моя тоже проложе-
на,
В мир покоя, в край радужно-чистых небес.

90 Сколько раз на бегу я в судьбе скользкой
падала,
Вслед катился восторженный крик воронья.
Пусть с израненным сердцем, но злобы не
ведала,
Исцелялась журчаньем родного ручья.

Там таинственны дали, могуче молчание
Непокорных вершин под охраной хребтов.
Кров завещанный, Шория, предков старани-
ем,
Колыбель материнская, память отцов.

Мой последний приют, моя чистая родина,
Непорочная тихость и свежесть лесов.
По тропе той, что мною от века исхожена,
Сыновей, верю, примешь под мудрый покров.

СТРЕЛЫ ПРОШЛОГО

Чьи тайны храня, так земля одичала?
Чьи звезды погасли на долгом пути?
Где горы и степи без края-начала,
Где небо - тайга и следов не найти.

Откройте нам тайны, курганы Алтая,
Хранящие зорко историй страницы,
Чье солнце затмила стрела роковая?
Кому салютуют посмертно зарницы?

Хакасии степи! О прошлом скажите,
Вы смотрите в небо - менгиров глазами.
О братьях-алыпах* быть может, скорбите?
И вечную память храните веками.

Чей глаз донесли нам священные руны?
О чем бубны Шории строго молчат?..
Курганы Абы** спят, их сны непробудны,
Лишь струи Томи о былом говорят.

Седая земля, без конца и без края,
Чьи кони устали от панцирей-лат?
Мы, гуннов ли эхо, чье счастье – устало,
Иль тюркского Эля*** печальный закат?

Года отшумели, струной отзвенели,
Под бубны шаманов и свисты клинков,
Под топот коней и поющие стрелы...
Умчались, исчезли в пучине веков.

Столетия скрылись в той бездне туманов,
Спит мудрое Небо – свидетель тех лет!
Проснется оно, когда из-за курганов
Польётся с Востока сияющий свет.

Прим.: Алыпы* – богатыри.
Аба** - один из многочисленных шорских родов, основатель древнего городища Аба-Тура, позже переименован в г. Кузнецк.
Тюркский Эль*** - древнетюркский каганат, существовавший с VI – VIII вв.

Виктор КИСЕЛЁВ

МУЖИКОВ ПРИВЕЗЛИ!

***

К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА В.О.В.

Рассветный луч едва проник в квартире.
Пусть я сегодня выходной,
Я третий день встаю в четыре –
И тишина в квартирном мире,
Но я разбужен тишиной
Всё с той войны, где победили
Мы, кровью заплатив большой...
Я третий день встаю в четыре,
Лежит под Ельней дед в могиле,
Войною сломлен батя мой.
И я – запаса рядовой –
Я третий день встаю в четыре –
Но пусть не дремлет часовой!
Чтобы за Бугом спозаранку,
Под предраассветной тишиной,
Моторы не прогрели танки,
И не убили нас с тобой.
...Я третий день встаю в четыре,
Наверно возраст мой такой...
Курю я в лоджии родной.
Пусть спят спокойно молодые –
Я подежурю над страной.
...Сегодня Триполи бомбили,
У дочки - в школе выпускной.
...Я третий день встаю в четыре.

МУЖИКОВ ПРИВЕЗЛИ!

(Конец 70-х)

Леспромхозовский день на закат наклонял-
ся,
И коровы брели по дорожной пыли...
Только вдруг гул мотора за лесом раздался:
«Мужиков привезли! Мужиков привезли!»

92

Это женская очередь заговорила,
Шевельнулась. И ну продавцов торопить!
С огородов хозяйки на кухни спешили:
Кто-то ж должен кормильца борцом накормить.

ЗИЛ трёхосный к конторе подъехал вразвалку,
В пыль под крепкие шутки сошли сапоги:
Мужики привезли терпкий запах солярки,
И какой-то особенный запах тайги.

И пошли по домам – пусть пока небогатым
-
Со скамеек старухи глазами вели,
Помня, как увезли в 41-м, проклятом
Мужиков. И немногих назад привезли...

«Мужиков привезли!» - это возглас всех

женщин:

Курских, волжских, сибирских, рязанских,
смоленских

Городских, деревенских...

– Голос Русской земли!

Голос вдов онемевших, матерей поседевших:

«Мужиков привезли! Мужиков привезли!»

...Заходило светило привычно на запад,
И смотрела девчонка из под тонкой руки:
Братья шли и отцы. Тяжело, как солдаты.
И уже женихи предафганские шли...
Мужиков привезли... Мужиков привезли.

* * *

За заводскою проходной,
Где нравы грубы,
Где небо с точностью мужской
Пронзают трубы,
На эстакаде заливной
Я задыхаюсь,
Не берегу я край родной,
И не пытаюсь.
Здесь я плюю на красоту,
Гублю природу –
Я аппаратчик. Кислоту
Даю народу.
Рубли? Какие здесь рубли...
Расчёт известен:
Кого отпели, отнесли,
Кого – без песен.
Я кашель утоплю в вине,
Заем таблеткой:
– Дай, доктор, доработать мне
По первой сетке!

***

Скажи, скажи, зачем мой стих
Любовь прошедшую лелеет?
Мы не пройдемся по аллее,
Ты не прочтёшь стихов моих.

Мы рук касаемся других...
А раньше – было ли милее?

Как жаль, что став чуть-чуть мудрее,
Я не увижу глаз твоих.

И ты стареешь не со мной...
Седым я для тебя не буду:
Другой хранит тебя как чудо,
Другая - стала мне судьбой .

И мы - по разным городам,
И незнакомы наши дети...
Но чудо, что случилось нам
Жить всё же на одной планете!

И Солнца свет для нас един,
И освящает нас с тобою:
Тебя, идущую с другим,
Меня, идущего с другою.

***

Поэт имеет право на свободу
Летать меж звёзд,

когда Земля мала.

93 Имеет право воспевать природу
И петь любовь, когда она пришла.
Поэт имеет право пить не воду,
Коль ноша этой жизни тяжела.

Но не имеет права делать зла,
И тёмные обделывать дела,
Указывать неверную дорогу.
Поэт не должен сеять безнадёгу,
Вытаптывать ромашки на полях
И наживаться на людских грехах,
На акциях, доносах, дураках...
Не называть ни места, ни числа
Прихода сатаны, явления Бога.

Поэт обязан душу знать народа.
Свои беречь – чужих святынь не трогать,
И чашу жизни выпивать до дна,
Нальют туда цикуты иль вина,
И любоваться тем же небосводом
Родной земли, что предками дана.

*Поэт обязан побеждать свой страх.
И человечье не терять в стихах...
Порви струну, когда соврёт струна!
Коль ты Поэт – ты Небом удостоен:
И честь хранить в любые времена,
И бить в набат, когда горит страна,
И просто защищать её, как воин!*

ВЛАДИМИР И ОЛЬГА СУХАЦКИЕ

ЧТО ИМЕЛИ, ТО И ЕЛИ

ЧЕМ БОГАТЫ, ТЕМ И РАДЫ «ПИТАНИЕ КЕМЕРОВЧАН В XX ВЕКЕ»¹ ЧТО ИМЕЛИ, ТО И ЕЛИ

Клумбы под картошку

Принято считать, что в годы войны труженики тыла голодали, поскольку основные продовольственные ресурсы направлялись в Красную Армию. В мемуарах кемеровчан, которые пережили военное лихолетье, можно часто встретить строки о том, как рабочие падали в обморок от недоедания, как луголодные шахтеры рубили уголь.

Нисколько не сомневаясь в правдивости слов ветеранов, мы все-таки хотели бы рассказать о продовольственном рационе горожан в годы Великой Отечественной войны.

Сразу заметим, что он был скудным, но вовсе не таким как в начале 30-х годов, когда в стране свирепствовал голод.

К началу войны Кемерово уже был крупным индустриальным центром. Практически все главные предприятия города – шахты, комбинаты, заводы входили в различные наркоматы тяжелой промышленности, которые в свою очередь были тесно связаны с оборонной. Работая на оборонку, кемеровчане имели различные привилегии, в том числе и по части продовольствия.

Из чего же состоял продуктовый набор кемеровчан в военные годы?

Прежде всего, из тех продуктов, которые выдавались по карточкам: хлеб, мясо, жиры,

рыба, крупы, сахар, макаронные изделия.

Кроме карточного набора, многие рабочие и служащие получали дополнительные продовольственные пайки, которые состояли из мясных и молочных продуктов, а также круп, которые производились на подсобных хозяйствах кемеровских заводов и шахт.

И, наконец, настоящим кормильцем в годы войны был огород! Домашнее подворье спасло кемеровских полурабочих-полукрестьян от голода.

Карточная система распределения продуктов была введена в Кемерове осенью 1941 года. Нормы постоянно менялись. Например, в 1944 году в Кемерове ежедневная норма хлеба работающего человека составляла 500 гр., иждивенца – 300. На месяц выдавали 600 гр. крупы, 200 гр. сахара, столько же жира, 500 гр. мяса. Часто случалось, что вместо мяса выдавали субпродукты, вместо крупы – макароны. И только хлеб замене не подлежал.

Хлебные карточки выдавались горожанам ежемесячно. Можно было купить хлеб на один день вперед, но по просроченному талону хлеб не отпускался. Так как многие рабочие обедали в столовых, продуктовые карточки на хлеб, мясо, рыбу, жиры и крупы состояли из дробных талонов. Например, при норме отпуска 600 гр. хлеба имелось три талона: на 300, 200 и 100 гр. Человек сам мог выбрать необходимое количество хлеба. За талоны на крупу в столовых давали суп или кашу.

Существовали различные виды карточек. У шахтеров и рабочих оборонных предприятий, а также у партийных функционеров и сотрудников НКВД – одни карточки. У работников иных отраслей – другие. Кроме того существовали еще так называемые рейсовые карточки. Их выдавали тем, кто отправлялся в командировку. Свои про-

¹ главы из книги

дуктовые карточки имелись и у работников железнодорожного транспорта. По ним на любой крупной станции можно было приобрести хлеб, сахар и даже колбасу.

Особые льготы существовали для директоров заводов, партийных и советских работников, которые кроме карточек, имели еще и лимитную книжку. Ее обладатели могли приобрести в спецмагазине практически любые продукты сверх установленной нормы.

Карточная система была настолько сложной, что в ней плохо разбирались даже сотрудники Наркомторга, - министерства, которое ведало распределением продовольствия. Не будем разбираться в этой запутанной системе и мы, поскольку нас, прежде всего, интересует один простой вопрос: как питались кемеровчане в годы войны?

Например, - шахтеры.

В течение всей войны они снабжались продуктами по карточкам первой категории. Для тех, кто работал под землей, были установлены довольно высокие месячные нормы отпуска продовольствия. Каждый шахтер получал ежемесячно:

- 30 кг. хлеба;
- 3,2 кг. мяса;
- 0,9 кг. жиров;
- 2 кг. крупы;
- 0,5 кг. сахара;
- 8 кг. картофеля.

У шахтеров-забойщиков нормы были еще выше:

- 4,5 кг. мяса;
- 1 кг. жиров;
- 3 кг. крупы;
- 12 кг. картофеля.

Давайте представим, что вы – шахтер-забойщик. Каждый день у вас на столе имеются:

- 2 булки хлеба (прежде булка весила 1 кг., сегодня – 500 гр.);
- 150 гр. мяса или колбасы;

- 2-3 отварные картофелины;
- тарелка с кашей (гречневой, овсяной, перловой, в которую добавлена ложка подсолнечного масла);
- чай и 3-4 кусочка сахара.

Теперь у вас есть полное представление о том, что и в каком количестве ели кемеровские шахтеры в годы войны.

Кроме этого шахтер, выполняющий норму добычи угля хотя бы на 80%, получал так называемый «холодный завтрак»: 100 гр. хлеба, ломтик соленого сала (30 гр.) и 1 кусочек сахара. После смены он ел в шахтерской столовой горячий суп, который готовился из расчета 60 гр. мяса, 10 гр. жиров и 10 гр. крупы на одну порцию. Не густо, но тоже – еда.

Совершенно очевидно, что на питании шахтеров власть не сэкономила. Но тут возникает вопрос: а что ели их семьи?

Допустим, в семье был только один кормилец – отец. Мать – домохозяйка, трое ребятшек. Согласитесь, 1 кг. хлеба и 150 гр. мяса – это не так уж и много для семьи из 5 человек.

С 1 июля 1943 года советское правительство предоставило особый статус членам семей горняков. Они стали получать продовольственные карточки, по которым раз в месяц каждый иждивенец мог приобрести 500 гр. мяса или рыбы, 200 гр. жиров, 600 гр. крупы и 200 гр. сахара.

Вроде и немного. Но сложите все в одну корзину, добавьте картошку и овощи с собственного огорода, молоко от любимой буренушки, яйца, - прокормиться можно.

Итак, кемеровские шахтеры, рабочие коксохимического, азотнотукового, военных заводов на правом берегу, а также вся партийно-хозяйственная номенклатура и милиционеры имели карточки первой категории. А это довольно значительная часть населения города.

В 1942 году на всех предприятиях Ке-

мерова была введена система поощрения за ударный труд. Передовики производства получали сверх нормы картофель, капусту, лук, свеклу, редьку. Работники вредных и горячих цехов - молоко. В основном, эти продукты производились на подсобных хозяйствах предприятий. Коксохимический завод, например, выращивал картошку на 155 гектарах, зерновые – на 600, а также имел свыше 1000 голов крупного рогатого скота (любопытная деталь: самой желанной премией за перевыполнение плана коксохимики считали творог).

В годы войны в системе общественного питания Кемерово насчитывалось около 250 городских и рабочих столовых. Если в 1940 году в этой сфере обслуживания был дефицит кадров, то с началом войны от желающих кашеварить не было отбоя. Профессия повара сразу стала востребованной и даже престижной. Всякому было понятно, что на кухне в голодные обмороки не падают. Однако попасть на «хлебное место» мог далеко не каждый.

Поваром мог стать только тот, кто имел профессиональную подготовку. Так как лучшие кемеровские повара ушли на фронт, требовалось обучить новые кадры.

В 1943 году при ОРСе треста «Кемеровоуголь» были открыты 4-х месячные курсы поваров, на которые принимали женщин с образованием не ниже 5 классов. Но это было не единственное требование к поступающим. Брали на курсы только членов семей фронтовиков. Работа в столовой рассматривалась как льгота.

Сегодня трудно восстановить полный список блюд, которые подавали в рабочих и городских столовых. Однако о некоторых кушаньях и их качестве можно узнать, ознакомившись с жалобами рабочих.

«У нас на шахте «Северная» есть столовая №3. Творящимся здесь безобразиям нет границ. Качество приготавливаемой пищи

чрезвычайно плохое. На завтрак, обед и ужин всегда подают одни и те же неотъемлемые щи, в которых кроме капусты и воды, никогда ничего не бывает.

Столовая имеет достаточное количество всех необходимых продуктов, тем не менее, хороших обедов она не приготавливает. Странно то, что, как правило, с 12-15 числа столовая совершенно не имеет жиров. Неизвестно также, куда девается во второй половине месяца необходимая норма мяса и крупы.

Не лучше и в зале столовой №2, для ИТР. Очень часто бывает так, что в меню значится и суп, и котлеты, и колбаса, а подают все те же щи и оладьи, приготовленные из недоброкачественной муки».

Подпись: рабочие В. Козунов, А. Юрьева.

В другой жалобе рассказывается «о безобразиях, творящихся в столовой №10 при автобазе Правобережного комбината».

«В столовой наблюдается обмеривание и обвешивание рабочих. Весы в хлебозерке неточные, жиров в обедах не чувствуется, а за последнее время за капусту вдруг стали брать крупяные талоны».

Некий кемеровчанин П.Чернышев требует навести порядок в одной из городских столовых.

«В кемеровской столовой №13, где заведующая Живаго, систематически обвешивают и обсчитывают рабочих. Вместо 700 грамм хлеба, здесь выдают 650, получая за них по 1 рублю. Если обед стоит 2 р.30 к., то рабочий вынужден за него платить за него 3 рубля. «Сдачи нет», – заявляют работники столовой. Однажды член комиссии рабочего контроля тов. Остапчиков обнаружил 3 кг. сливочного масла, оставшегося от обеда. Составили акт, тов. Остапчиков передал его председателю строительного комитета тов. Леонтьеву, но последний положил акт под сукно».

Нетрудно заметить, кемеровчане обра-

щались с жалобами в вышестоящие инстанции, не только потому, что в столовых вдруг резко ухудшилось качество приготовления блюд, а некоторые кушанья вообще исчезли. Они требовали навести порядок, потому что прежде эти учреждения общепита соблюдали стандарты, а теперь - нет.

Из этого можно сделать вывод, что в меню кемеровских столовых имелись не только мясоовощные и крупяные супы, но и котлеты (!), которые всегда ели с гарниром, (отварная картошка, тушеная капуста или каша), колбаса (!), оладьи, а также сливочное масло.

С апреля по июнь, городские столовые регулярно получали свежие огурцы, зеленый лук, редиску, петрушку и укроп, которые выращивали в кемеровском теплично-парниковом совхозе. В это трудно поверить, но именно так оно и было. Во время войны совхоз имел 3 теплицы и производил каждую весну 6 тонн ранних овощей. Безусловно, мало для города с населением 150 тысяч человек. Но на 2-3 дольки огурца к гарниру мог рассчитывать каждый горожанин.

Читатель спросит: ну а как питались кемеровчане, которые не имели карточек первой категории, не пользовались услугами заводских столовых? Например, служащие, учащиеся ремесленных училищ, студенты?

Вот заметка, опубликованная в газете «Кузбасс» 10 февраля 1943 года.

«Столовая Кемторга № 19 похожа на многие столовые города: помещение ее не больше, чем у других, такой же штат работников, получает такие же продукты питания, как и другие столовые. Но все же работа этой столовой отличается от других.

Столовая имеет большой контингент столоующихся: здесь получают трехразовое питание учащиеся двух ремесленных училищ, сюда же прикреплены студенты химико-технологического института, ученики пе-

дагогического училища и работники целого ряда других учреждений...

Из той же капусты, картофеля и других продуктов, что отпускаются в равной степени другим столовым, здесь готовят вкусный питательный обед...

Однако и эта столовая имеет еще целый ряд вполне устранимых недостатков. Так, первое блюдо могло быть лучшим, если бы в нем содержались лук, морковь или томат – продукты, которыми снабжать столовую Кемторг почему-то не находит нужным».

Обычные щи из свежей или квашеной капусты являлись главным горячим блюдом в столовском меню. Как видно из статьи - зачастую их готовили без лука, моркови и томата (от себя заметим, что в настоящие русские щи ни картофель, ни морковь, ни тем более томаты не кладут).

Щи преобладали в меню кемеровских столовых в течение всей войны, поскольку сырья для его приготовления было предостаточно. К тому же этот традиционный русский суп был прост в готовке и не приедался. «Родной отец надоест, а щи - никогда!» - гласит пословица. Если отсутствовало мясо, в это блюдо добавляли говяжий, свиной жир, маргарин, маргогуселин или растительное масло.

Труднее всего в годы войны приходилось детям.

До ноября 1943 года дети до 15-летнего возраста получали 400 гр. хлеба в день. Потом норму урезали до 300 гр. Правда, в школах ежедневно, включая праздники и каникулы, ученики получали (без зачета по карточкам) завтрак: стакан чая, 10 гр. сахара, 50 гр. хлеба. Но что значит столь скудный завтрак для растущего организма?

Власти как могли, старались помочь ребятишкам. На так называемые «детские карточки» можно было приобрести селедку, конфеты, сливочное масло. Однако выдавались они не всегда. Случалось и так, что эти

98

продукты в город своевременно не завозились.

Любимым лакомством кемеровской детворы был жмых. На левом берегу располагался небольшой заводик артели «Пищепром», который вырабатывал растительное масло из льна, конопли и подсолнуха. Самым вкусным был жмых подсолнечника, по сути – халва, только несладкая. По свидетельству известного кузбасского поэта и публициста Геннадия Юрова: «Эта «военная халва» была необычайно вкусна, лучше нынешней».

Как вспоминают старожилы, которые во время войны были школьниками, «кушать хотелось всегда, не могли уснуть, потому что хотели есть, продуктов по карточкам не хватало».

В первые месяцы войны кемеровчане питались относительно нормально. Летом 1941 года многие продукты еще можно было купить в магазине. Селяне по воскресеньям привозили сельхозпродукцию на рынок. Осенью горожане собрали хороший урожай картошки и овощей.

Имелись у кемеровчан и некоторые запасы. Отдельные предусмотрительные горожане незадолго до войны стали заготавливать сухари, сахар, соль, спички, мыло. Об этом говорит тот факт, что в 1940 году кемеровская милиция провела компанию, направленную на выявление лиц, скупающих в большом количестве хлеб. Прокуратура возбудила сразу несколько уголовных дел против несознательных граждан. У одной из жительниц города милиция обнаружила 3 пуда сухарей. На суде эта женщина сказала, что сухари сушила на случай войны. Гражданке Петровой присудили 5 лет лагерей за скупку хлеба и паникерство.

Посадив два десятка человек в тюрьму, милиция успокоилась, полагая, что горожане извлекли из этого урок. Но люди стали просто осторожнее и продолжали прятать

мешочки с мукой, крупами, сахаром, солью, бутылки с растительным маслом в укромных местах. Многие кемеровчане имели небольшой «НЗ», который пригодился им в 1941 году.

Одним словом, первый год войны кемеровчане более или менее пережили.

Проблемы с питанием начались в 1942 году, когда в стране началась тотальная мобилизация продовольственных ресурсов. Продуктов стало не хватать.

Понимая, что карточки, пусть даже первой категории не смогут обеспечить людей едой в достаточном количестве, весной 1942 года местные власти обратились с призывом - «Каждый горожанин должен выращивать картошку!»

Людям стали раздавать землю. Например, родители вышеупомянутого Геннадия Юрова получили 5 соток на лужайке у Сонового Бора, там, где сейчас находится ДК Шахтеров. По словам писателя, только благодаря картошке, которую выращивали на этой делянке, семья из 4 человек и выжила.

О том, что обычная картошка имеет военно-стратегическое значение, поняли и в Кремле. Именно в 1942 году всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин обратился к советскому народу со словами: «Если хочешь участвовать в победе над немецко-фашистскими захватчиками, то должен как можно больше посадить картофеля!».

Весной 1942 года на всех крупных предприятиях города образованы «Отделы рабочего снабжения» (ОРС). Им вменялось в обязанность создать овощеводческие подсобные хозяйства. Однако далеко не все это сделали. Некоторые не успели распахать поля под посевы, другие не смогли достать семена, третьи – просто понадеялись на авось.

Кемерово спасли от голода индивидуальные огороды. В 1942 году 55 тысяч рабочих и служащих засеяли картошкой 4 тысячи га.

Осенью они собрали урожай примерно 20 тысяч тонн.

Таким образом, каждый горожанин, включая детей и стариков, имел в своем распоряжении примерно 140 кг. картофеля. Вроде бы – достаточно. Но поскольку других продуктов в рационе было мало, то картошку ели и на завтрак, и на обед, и на ужин. Кроме того, она шла на откорм свиней. А еще нужно было отдать часть урожая в фонд Красной Армии, в фонд помощи семьям военнослужащих. Ну и, разумеется, требовалось что-то оставить на семена.

Некоторые горожане, съев за зиму все запасы картофеля, шли на поля искать оставшиеся с осени клубни. «Весной, - вспоминал кемеровчанин Георгий Головацкий, - мы собирали на полях мерзлую картошку, пекли из нее «тошнотики», ели разные травы – лебеду, крапиву, пучки, колбу, пестики, петушки, саранки».

В 1943 году город подготовился к весенней посевной кампании гораздо лучше. В горисполком поступили 80 тысяч заявок от кемеровчан, которые пожелали выращивать картофель и овощи. 18 апреля в газете «Кузбасс» была опубликована статья «Каждый свободной клочок земли – под огороды». В ней говорилось: «Секретарь горкома партии тов. Сифуров поставил задачу, чтобы в Кемерово в этом году не было ни одного рабочего и служащего без огорода. Для увеличения огородной площади можно оттеснить зерновые посевы за пределы города».

Горсовет разрешил кемеровчанам сажать картошку в скверах, на обочинах дорог и даже цветочных клумбах (забегая вперед, скажем, что только в 1945 году незадолго до окончания войны, местные власти потребовали от граждан прекратить выращивать картофель в центре города).

Теперь картофелеводством и овощеводством занимались буквально все. Весной 1943 года кемеровские учителя обратились

с призывом:

«К учителям и руководителям школ Кемеровской области.

Мы, учителя и руководители школ гор. Кемерово, берем на себя и призываем всех учителей нашей области взять следующие обязательства в предмайском социалистическом соревновании:

Обеспечить все школы участками под огороды. Тщательно подготовиться к весеннему севу на пришкольных участках, максимально расширить их площадь, изыскать семена силами широкой общественности, родителей и учеников».

Но одного энтузиазма было недостаточно. Требовались семена. Особенно в них нуждались подсобные хозяйства заводов и шахт. Делиться семенной картошкой с государством кемеровчане не хотели, самим не хватало. Тогда у руководителей торговли возникла идея обмена картофельных ростков на продукты питания.

«Облторготдел доводит до сведения населения, что местными торгами и райпотребсоюзами производится с 10 апреля по 5 мая с.г. приемка от населения срезок верхушек клубней картофеля. За каждый принимаемый килограмм срезок картофеля, сдатчикам взамен отпускается килограмм продовольственного картофеля или 800 грамм квашеной капусты или 500 грамм соленых огурцов».

Принятые меры дали результат. В 1944 году подсобные хозяйства перестали использовать срезки. А еще через год торговые учреждения города уже продавали излишки семенного картофеля всем желающим.

Какие же еще продукты имели жители города кроме тех, что получали по карточкам?

Вот что о военных годах написала в своих мемуарах кемеровчанка Елена Хохлова.

«...иногда сеяли просо и гречку. На левом берегу Томи, сразу около воды, была

мельница, где можно было превратить зерно в крупу. У некоторых жителей Красной Горки были коровы, ведь молока в продаже не было вообще. У нас тоже была корова... Молока у нас в доме было достаточно, но творога и сметаны не было. Во-первых, потому, что нас в доме было шестеро, во-вторых, в молоке нуждались наши соседи, в третьих, на коров был огромный налог, как в денежном, так и в натуральном выражении».

Известно, что в 1940 году в личном пользовании кемеровчан было свыше 5 тысяч коров. При горисполкоме даже создали Управление Индивидуального Животноводства, которое занималось организацией городских пастбищ, выращиванием молодняка, государственной регистрацией скота.

Предполагаем, что примерно такое же количество коров оставалось у жителей города и во время войны. Было бы глупо в тяжелую годину пустить своих кормилиц под нож и остаться без такого питательного и полезного продукта как молоко.

По воспоминаниям другой жительницы Кемерова Инны Маметьевой: «Коров тогда держали многие. И в войну, и после войны распространенными преступлениями были кражи домашнего скота. Коров воровали ночью, вскрывали стойки, зимой укладывали на длинные сани и увозили. Утром в пострадавших семьях плакали как по покойнику, проклинали грабителей».

Держали кемеровчане и свиней. Сало являлось очень ценным продуктом! Совсем маленький кусочек этого продукта давал человеку много калорий. Кроме того шпик можно было долго хранить. Дети любили кушать его не меньше, чем конфеты и сосали сало, как леденец.

Кормить свинью было делом нетрудным, если имелась картошка. Однако, как и в случае с коровами, содержание свиней в личном хозяйстве облагалось большим налогом. Поэтому некоторые люди прятали

чушек в погреба. Боялись и милиции, и завистливых соседей, которые могли «настучать» куда следует. По словам директора музея «Красная Горка» Натальи Шелеповой, ее бабушка в годы войны держала свиней в подполье (погреб под домом). Мясо и сало «подпольных» кабанчиков ели сами, делились с родственниками, но не выносили на базар. За торговлю нелегально произведенными продуктами грозила уголовная ответственность.

В очень трудном положении оказались семьи фронтовиков. Лишившись кормильца, многие женщины пошли работать на шахты и заводы.

В 1943 году на шахтах Кемеровского рудника работали 1314 женщин, из них 321 - в забоях. Половину рабочих коксохимзавода составляли женщины.

«В годы отечественной войны, - писала газета «Кузбасс», - женский труд на заводе завоевал прочное место... До войны в некоторых цехах завода работали только мужчины. Проводив мужей на фронт, их жены-патриотки пришли на завод, стали машинистами коксовыталькователя, дверэксактора, загрузочных вагонов».

Мы не склонны думать, что «жены-патриотки» стали горняками или коксохимиками только из-за желания встать на трудовую вахту вместо ушедших на фронт мужей. Скорее всего - другое. Чтобы прокормить себя и ребятишек, надо было иметь продуктовую карточку первой категории.

«Что делать, когда муж воюет, а у тебя на руках четверо детей мал мала меньше?» - вспоминала кемеровчанка, ветеран труда Н. Серова.

«Хлеб, вернее, рабочая карточка, были главным стимулом, побуждавшим школьников оставлять свои парты, а женщин своих малолетних детей», - вторит ей известный кемеровский режиссер Ф. Ягунов.

Для того чтобы помочь семьям фронто-

101

виков, вдовам, инвалидам городские власти совместно с военкоматом создали специальной фонд. Люди добровольно сдавали: хлеб, мясо, сливочное масло, просо, мед, картофель, овощи, сено, а также обувь и одежду, которые затем передавались в семьи красноармейцев. Участвовали в пополнении фонда и промышленные предприятия города.

Начальник политотдела Кемеровского облвоенкомата майор Лопушной писал:

«Дирекция и парторганизация Кемеровского ордена Ленина коксохимического завода в 1944 году выдали семьям фронтовиков и инвалидам отечественной войны 495 пар кожаной и валяной обуви и отремонтировали 730 пар. Кроме того, специально детям выдано 970 пар обуви, 2575 предметов одежды. Отремонтировано больше сотни квартир, выдано единовременных пособий в сумме 108 тысяч рублей. В 1944 году вспахана большая часть земли под индивидуальные огороды семей фронтовиков, выдано 40 тонн картофеля и других семян».

По свидетельствам старожил, многие семьи фронтовиков сводили концы с концами только благодаря помощи фонда.

Другой возможностью для кемеровчан получить продукты сверх нормы стала сдача донорской крови. В ней очень нуждалась армия.

В Кемерове сбором крови занималась санбаклаборатория, которая располагалась на улице Н. Островского, 38. Доноры снабжались сухим пайком, хлебной карточкой первой категории на один день (то есть 1 кг. хлеба) и обедом. За 100 куб. см. крови платили 50 рублей.

Обычно люди сдавали по 400-450 куб. см. крови 2-3 раза в год. Некоторые - чаще. Некая кемеровчанка Ирина Алексеевна Голдырева посещала станцию переливания крови каждые 2 месяца.

«Я даю регулярно по 400-500 граммов крови... В дни, когда даю кровь, чувствую

какой-то особый подъем. Конечно, тут и сознание выполненного долга перед родиной, сознание того, что отдаешь все, что можешь, на разгром врага. Но и физически я чувствую какую-то необходимость дать кровь и успокаиваюсь, только вернувшись с донорского пункта. На службе я никогда не устаю».

Существовали и другие способы пополнения продовольственного рациона. Например - обмен. На кемеровском конном базаре всегда можно было поменять мыло на мясо, яйца, масло. Мыло в годы войны являлось самой «твердой» и распространенной валютой. Шахтеры, которые получали его бесплатно, отрезали от каждого куса небольшую часть и несли домой. За 300-400 гр. мыла в деревне можно было получить шматок сала.

Как известно, во все времена, при какой бы то ни было общественной формации, кулинария разделяется на кухню простолюдинов и кухню господствующих классов. Советское общество - не исключение. Власть имущих всегда заботилась о себе. Мы уже говорили о том, что партийные и советские чиновники в годы войны имели карточки первой категории и получали продовольствие в том же объеме, что и шахтеры. К тому же у высокопоставленных чиновников были на руках лимитные книжки, по которым можно было приобрести дефицитные товары в спецмагазинах. А еще существовали специальные сверхнормативные обеды, так называемые «литерные», которые делились на 3 категории: литер «А», «Б» и «В».

Поначалу кемеровская бюрократия имела доступ к обедам только категории «В». Но с середины войны в соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 216-75 и приказом Наркомторга СССР № 119 от 16 марта 1943 г. для руководящих работников крупных промышленных предприятий (директоров и их заместителей, главных инженеров, начальников производств и партпор-

ганизаторов ЦК ВКП(б)) был введен отпуск обедов литер “Б”, который включал 200 гр. хлеба, суп, второе мясное или рыбное блюдо, чай, компот или кисель.

После образования в январе 1943 года Кемеровской области высшие должностные лица (секретари обкома партии, председатель облисполкома и его заместители) стали получать обеды категории «А».

Что это такое? Точного ответа у нас нет, но, безусловно, что обеды литер «А» были более разнообразными, вкусными, изысканными, чем обеды категории «Б» и тем более «В».

Любопытная деталь. В мемуарах простых кемеровчан, которые пережили войну, непременно есть строки о том, как они питались в суровые годы. Люди пишут о «тошнотиках», о солидоле, который использовали при выпечке хлеба вместо масла, о саранках, о подпольных кабанчиках, о подсолнечном жмыхе. Люди делятся своим личным опытом, рассказывают, как им удалось выжить в тяжелейшее время. Другое дело - «литературное наследие» местной номенклатуры. Мы не нашли ни одного упоминания, о том как жила эта категория граждан во время войны. Если почитать статьи и доклады чиновников, опубликованные в газетах в тот период, можно многое узнать о бедственном существовании рядовых тружеников тыла, но ни слова о своем собственном материальном положении.

Для нас было настоящим откровением, когда в мемуарах уже упомянутого Федора Ягунова мы прочитали: «... я по наивности полагал, что все молодые люди моего возраста либо воюют, либо работают на военных заводах. А как же иначе? «Весь советский народ, – как один человек...» Мое мышление не могло вырваться из пределов государственной пропаганды. Оказалось, все не совсем так. В нашем городе в переломном для войны, но и труднейшем 1943 году было

немало праздной молодежи. Существовали вполне благополучные семьи, их не затронула война. Они не голодали. Молодых людей призывного возраста, принадлежащих к таким семьям, не беспокоили военкоматы, девицы вполне спокойно обходились иждивенческими хлебными карточками, для них приобретались где-то дорогие наряды, украшения. Им хотелось красоваться, блистать, покорять... »

Комментарии – излишни. «Кому – война, а кому - мать родная». Одни ели «тошнотики», а другие антрекоты, копченую кету и американский шоколад.

Рассказывая о питании кемеровчан в военные годы, мы не можем обойти еще одну важную тему. Дефицит продуктов способствовал широкому распространению краж и махинаций.

Самым простым способом было обвешивание. Хлеб в магазинах и столовых отпускался на вес. Чтобы обмануть покупателя использовались фальшивые гири, которые весили меньше номинала. Кто заметит, что такая гирька на миллиметр тоньше стандартной? А благодаря такой уловке продавец воровал 2-3 килограмма хлеба ежедневно.

Еще один способ воровства – приписки. Составлялся акт о том, что лучшим работникам производства выдали премию - продуктовые наборы. В список награжденных вносились имена не только ударников, но и других людей. На крупном предприятии проверить: кто получил премию, а кто нет – совсем не просто.

Громкую огласку в 1943 году получило дело о хищении продуктов в ОРСе завода «Пластмасс» («Карболит»). Начальник отдела некий Межберг украл 148 кг. кондитерских изделий. Следствие установило, что на протяжении нескольких месяцев он занимался спекуляцией продуктов питания.

Вместе с Межбергом на скамью подсудимых села и буфетчица столовой №2 шахты

«Центральная» гражданка Калабина, которая украла 352 кг. хлеба. Наказание – 5 лет тюрьмы.

Однако самые крупные махинации творились не в магазинах и ОРСах, а в карточных бюро. Работники карточных бюро и домоуправлений присваивали карточки людей, уезжающих из города, выписывали продуктовые талоны на вымышленных лиц или на несуществующих иждивенцев.

Кладовщик-кассир областного картбюро Кемеровской области Науменко похитила талоны на 1800 кг. хлеба, а также 44 тысячи рублей. (Заметим, что самый лучший токарь КЭМЗа в то время имел зарплату в размере 1900 рублей). Правда и наказание было весьма суровым - 25 лет тюремного заключения с конфискацией имущества.

Еще более масштабны махинации с рейсовыми продуктовыми карточками. Кемеровчане содрогнулись, когда в феврале 1945 года прочитали в газете «Кузбасс» сообщение.

«В областном суде.

Органами милиции была разоблачена группа лиц, работавших в карточном бюро Центрального района г. Кемерово, занимавшаяся хищением рейсовых карточек на хлеб и продукты.

Следствием было установлено, что бывшие работники карточного бюро Центрального района г. Кемерово Болдычева, Макаева, Кичигин и другие причинили своими преступными действиями ущерб государству на сумму 1 500 000 рублей.

Кемеровский областной суд в судебных заседаниях 14-19 февраля с.г. под председательством т. Луганской разобрал дело и осудил главных виновников расхищения рейсовых карточек по закону от 7 августа 1932 года к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им имущества».

Мы привели этот факт не для того, что-

бы заклеить имена воров, а для того, чтобы показать масштабы черного рынка. Барышники и воры, спекулянты и казнокрады в какой-то мере тоже восполняли дефицит продовольствия в городе. По словам Федора Ягунова: «Барахолка на базарной площади особенно оживилась в войну, когда государственная торговля оскудела, перешла в закрытые, по талонам, распределители».

Мы прекрасно понимаем, что кто-либо из кемеровских старожилов, прочитав эту главу, скажет: «Вранье! Все было по-другому!» На наш взгляд, – по-всякому. Жизнь и тогда, и сегодня - пестрая. И в наше время есть люди, которые кушают селедку только по праздникам, а другие считают ее плебейской едой.

Многие наши знакомые, которые, как и мы родились после войны, убеждены, что полуголодные «кемеровские труженики тыла сутками стояли у станков, работали без выходных по 16-18 часов в день и спали прямо в цехах».

Если это так, то тогда кто же ходил на танцы, концерты, в кино?

Каждую неделю в Кемерово приезжали самые лучшие советские театральные артисты, музыканты, циркачи.

Летом 1943 года, когда исход войны определялся на Курской дуге, в городе прошли концерты Леонида Утесова, Эдди Рознера, Юзефа Скоморовского, Клавдии Шульженко и Владимира Коралли.

Очень часто в кинотеатре «Москва» концерты артистов проходили не только вечером, но и после 12 часов ночи, чтобы люди, работающие в вечернюю смену, могли побывать на представлении. А если не было концертов, то после полуночи в кинотеатре устраивались танцы.

Любимое место отдыха – горсад. Вот объявление, которое летом 1943 года не сходило со страниц газеты «Кузбасс»:

«Горсад. Ежедневно большое гуляние.

Играет духовой оркестр. Начало гуляний с 7 до 12 ночи».

За 4 года войны экономический потенциал Кузбасса вырос в 2 раза! Согласитесь, что полуголодные, обессиленные труженики тыла никогда не смогли бы достигнуть такого высокого результата.

Власти это очень хорошо понимали и делали все, что было в их силах.

А закончить эту главу мы хотели бы объявлением в газете «Кузбасс» 24 апреля 1945 года, за две недели до конца войны:

«Требуются:

Кемеровскому молкомбинату: продавцы мороженого. Обращаться: г. Кемерово, Советская ул. 13 тел. 5-65».

«РОГ ИЗОБИЛИЯ» И БЕСПЛАТНЫЙ ХЛЕБ

Совершенно иная картина предстает перед нами в 50-е годы. Удивительно, но потребовалось всего 5-6 лет, чтобы не только ¹⁰⁵восстановить довоенный уровень снабжения продуктами, но и превзойти его. Наступили годы продовольственного изобилия.

Вот рекламное объявление, опубликованное в газете «Кузбасс» 27 апреля 1952 года.

«Вниманию покупателей!

Все магазины Кемеровского гастронома имеют в большом выборе:

свинокопчености, семгу, сельди;

шампанское, коньяки, ликеры, настойки, наливки;

шпроты, икру черную и красную;

разнообразный набор консервов, сыра;

варенье, компоты, джемы, повидло;

желе фруктовое, желе молочное, изюм;

финики, грецкие орехи, миндаль очищенный;

чернослив, апельсины, лимоны.

Принимаются заказы на праздничные подарки и наборы.

Магазины работают ежедневно с 9 до 24 часов».

Любопытно, что почти все продовольственные товары были отечественного производства.

Сначала цены на продукты были достаточно высокими, но ежегодно, начиная с 1948 года, когда в СССР отменили продовольственные карточки, советское правительство проводило политику снижения государственных розничных цен на продовольствие. Цены снижались на все основные продукты питания и довольно существенно.

1 апреля 1953 г. произошло очередное снижение розничных цен на продовольственные и промышленные товары. Хлеб, мука, макаронны, крупы, масло животное и растительное подешевели на 10%. Мясо, рыба, мясорастительные и салобобовые консервы, сухие кисели, ликеры, коньяки, пиво - на 15%. Водка - на 11%. Самое радикальное снижение коснулось картофеля, овощей и свежих фруктов. Цены на них понизились на 50%!

Газета «Кузбасс» писала: «Вместе с рассветом первого апрельского утра в каждую советскую семью пришла большая, радостная весть - радио передало постановление Совета Министров Союза ССР и ЦК КПСС о новом, шестом по счету снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары...

Дежурный хлебный магазин на улице Весенней, который открывается в городе раньше других, заполнили первые покупатели. У касс, у прилавков, у выходов из магазина завязываются оживленные разговоры. Мать пятерых детей, жена рабочего одного из кемеровских заводов, спешит поделиться со своей знакомой, что принесет семье новое снижение цен. Только на разницу цен на хлеб она сможет купить дополнительно почти 4 килограмма сахара в месяц».

Заметим, что после 1956 года продукты стали постепенно дорожать, сократился их ассортимент. Но в целом, продовольствия было достаточно.

В феврале 1953 года в Кемерове на углу улиц Советской и Кирова открылся один из крупнейших в Сибири магазин «Гастроном». Оборудованный по последнему слову техники и культуры советской торговли, украшенный барельефами и хрустальными вазами он поражал воображение кемеровчан. Они ходили в гастроном не только за продуктами, но и просто, чтобы полюбоваться красотой интерьера. В окнах и отделах магазина – неоновые вывески. В залах - рекламные инсталляции, - беспрерывно льется шампанское из бутылки, а на подиуме крутятся скульптурки медвежат с мороженым.

В кондитерском отделе продавались изделия более 200 наименований: печенье, мармелад, зефир, шоколад, конфеты лучших кондитерских фабрик страны: «Красный Октябрь», «Рот-фронт», имени Бабаева, «Ударница», «Жовтень».

В колбасном отделе продавались высококачественные изделия 40 видов. В рыбном – более 20, в том числе: копченая севрюга, осетрина, кета, знаменитая жупановская сельдь (очень жирная сельдь, которую добывали в Охотском море), черная и красная икра. Маленькая стеклянная баночка черной икры стоила 19 рублей 80 копеек.

Однако самым большим спросом у кемеровчан пользовались не конфеты, не мясные или рыбные деликатесы, а цитрусовые: апельсины, мандарины, лимоны.

Лимонов в 1953 году завезли в Кемерово непомерно много. Для их реализации была проведена широкая рекламная кампания. «Покупайте лимоны! Этот фрукт обладает уникальными лечебными свойствами и полезен для здоровья. Чай с лимоном прекрасно утоляет жажду».

Аналогичная ситуация сложилась в 1954

году и с арбузами. В газетах стали печатать рецепты засолки арбузов в бочках. Арбузы продавались по 40 копеек за килограмм.

В 1955 году на прилавках гастрономов города впервые появились бананы. Горожане покупали эти тропические плоды неохотно. Бананы были незрелыми, твердыми, несладкими и по вкусу напоминали мыло. Большая часть партии сгнила. В последующие годы бананы в Кемерово завозили редко.

Тогда же, в 50-е годы, кемеровчане впервые увидели на прилавках магазинов морскую мороженую рыбу и морепродукты: камбалу, навагу, треску, рыбу-саблю, солнечника, крабов. Попробовали – не понравилось.

Произошло это потому, что с морской рыбой поступали также как и с речной – счищали чешую и убрали внутренности. То, что плавники нужно срезать, а кожу у морской рыбы надо обязательно снимать – никто не знал. Такому кулинарному невежеству способствовала и реклама, напечатанная в местных газетах: «по питательности и вкусовым качествам камбала не уступает сазану и лещу». То есть, реклама наводила человека на мысль, что камбалу нужно готовить также как сазана и леща. Неудивительно, что морскую мороженую рыбу покупали неохотно.

То же самое случилось и с консервированными камчатскими крабами «Chatca». В магазинах чуть ли не каждый день устраивались дегустации, покупателям раздавались рекламные листовки с рецептами блюд из крабов. Популярный плакат тех лет призывал: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы!» Однако кемеровским шахтерам и химикам мясо ракообразных десятиногих животных не понравилось.

Кроме нового гастронома, который называли «рогом изобилия», в это время в Кемерове стали открываться специализированные магазины. На Советской улице

появился табачный магазин и продуктовый магазин горкоопторга, в котором на комиссионных началах продавали: мясо, дичь, молоко, жиры, крупы, мед.

Первый магазин самообслуживания открылся в Кемерове 16 декабря 1955 года. Он назывался «бакалейно-гастрономический магазин без помощи продавца» и располагался на улице Коммунистическая, 82. Однако эта новая форма торговли в городе не прижилась. Покупатели просто разворачивали магазин, запихивая в рукава - колбасу, а за пазуху - пачки печенья. Довольно скоро магазину пришлось вернуться к традиционной советской системе обслуживания покупателей.

В 1954 году на улице Кирова напротив универмага открылся большой хлебобулочный магазин. Кроме хлебного, хлебобулочного и кондитерского отделов в магазине появился кафетерий. Это было нечто новое в системе общественного питания Кемерова. Теперь в магазине люди могли не только купить продукты, но и перекусить. В меню - самые простые, но вкусные блюда: сосиски с зеленым горошком, вареное яйцо с кабачковой икрой, кофе с молоком, кисель, компот, чай, булочки, кексы, пирожные. Особенно любили посещать кафетерий школьники и студенты.

Регулярное снижение цен на продукты питания и их изобилие привело к тому, что кемеровчане стали тратить меньше времени на приготовление блюд дома. В самом деле, вместо того чтобы на завтрак варить кашу - можно пожарить яичницу с колбасой. На ужин - сварить рожки и подать их с разогретой тушенкой.

Когда цены на провизию в магазинах перестали кусаться, снизились цены и в общепите.

Прежде всего, дешевле стало питание в рабочих столовых. Так, например, в ежедневном меню столовой Кемеровского под-

ковного завода (впоследствии - АО «Зета») имелось 25-30 блюд. Обед из 3 блюд (щи со сметаной, печеночный паштет, блинчики, компот из сухофруктов, хлеб) стоил 3 рубля 36 копеек. Другой вариант (суп с вермишелью, вареная колбаса с картофельным пюре, кисель, хлеб) стоил всего 2 рубля 47 копеек. И это при том, что средняя заработная плата у рядового кемеровского рабочего или служащего составляла 800 рублей.

Питание в заводских столовых было очень дешевым и достаточно вкусным. Уже никто не брал с собой на работу бутерброды, поскольку полноценную еду предоставляли столовые, как заводские, так и городские.

В конце 40-х начале 50-х годов началось бурное строительство жилых домов в центре города. Первые этажи обычно отдавали под магазины и предприятия общепита. Например, по улице Весенней открылась столовая №13, получившая название «Кафе-автомат». Опустив в машину монету, надо было нажать кнопку, допустим, «котлета». Створка раздаточного окошка открывалась, посетитель клал продукт на тарелку и садился за стол. Довольно скоро автоматы убрали, так как они часто ломались.

В 1959 году «Кафе-автомат» переделали в семейную столовую. Она предназначалась для питания родителей с детьми. В меню насчитывалось около 70 блюд. Кормили здесь вкусно и недорого. Обед из 6 блюд стоил 8 рублей и был доступен даже студентам. (Стипендия студента Горного института равнялась 375 рублям). Надо отметить, что во всех городских и даже в заводских столовых посетителей обслуживали официанты.

Именно в эти годы у горожан появилась традиция – обедать всей семьей в столовой, где пища было ничуть не хуже, а порой даже лучше домашней. Позже в 60-е годы семейные обеды стали устраивать и в ресторанах. Посещать эти заведения с детьми можно было только в воскресенье с 11 до 15 часов.

Таким способом родители учили детей хорошим манерам, правилам поведения в общественном месте.

Заметим, что в 50-е годы кемеровские рестораны старались не уступать столичным, и потому пользовались большой популярностью у горожан и прежде всего у интеллигенции. Даже в маленьком деревянном ресторане «Лето», расположенном в Сосновом бору, столы были накрыты белоснежными скатертями, стояли вазы с цветами, шампанское подавали на льду.

Разумеется, далеко не каждое предприятие кемеровского общепита предлагало вкусную еду и хорошее обслуживание. Столовые, расположенные в центре города соблюдали высокие стандарты, но на рабочих окраинах существовали иные порядки.

Вот что по этому поводу писала газета «Кузбасс» в 1959 году.

«Редкий день в столовой № 19, что находится в Кировском районе, можно покушать спокойно. Сюда привыкли заходить в пальто и шапках, в обеденном зале много курят, пьют вино и водку. Чего только не слышат здесь женщины и дети, которые вынуждены пользоваться этой столовой!

А что бывает, когда привозят пиво! Победать или поужинать тогда просто невозможно: все места заняты любителями жигулевского. Табачный дым столбом. Громкая ругань, пьяные споры... Спрашивается: столовая это или «забегаловка»?»

Следует обратить внимание на слова «вынуждены питаться в этой столовой» и «пообедать и поужинать». Это значит, что многие кемеровчане перестали готовить еду дома и перешли на столовскую пищу. Общепит победил домашнюю кухню.

Любопытная деталь – хлеб в столовых в те годы был бесплатным. Он лежал на тарелках, рядом с солью, перцем и горчицей. Хлеб, самый ценный и важный продукт традиционного русского стола, теперь ничего не сто-

ил. Такого в истории питания русского народа прежде не случалось. Некоторые люди вытирали губы ломтями хлеба, используя его, как салфетку. Школьники на переменах кидались мякишами. Когда хлеб стал бесплатным, люди поверили, что к 1980 году они и в самом деле построят коммунизм, где не только хлеб, но и все будет бесплатным.

ГОРОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Летом 1963 года кемеровчане вновь столкнулись с дефицитом продовольствия. У хлебных магазинов появились длинные очереди. Занимали очередь ночью. Записав на запястье порядковый номер, люди возвращались домой досыпать, чтобы к 7 часам утра стоять у булочной.

Купить хлеб не всегда удавалось, так как уже через 40 минут его разбирали. Власти ввели ограничение – булка хлеба в одни руки. Тогда в очередь за хлебом становилась вся семья.

Перебои с продажей хлеба, не только в Кемерове, но и по всей стране длились почти год. Ситуация нормализовалась, когда СССР стал покупать зерно за границей, тратя на это более 400 тонн золота ежегодно (за 25 кг пшеницы отдавали 1 грамм золота). На прилавках магазинов вновь появился вкусный русский хлеб, изготовленный из американской, канадской, австралийской пшеницы.

Кемеровский хлебокомбинат в те годы поддерживал очень высокие стандарты качества. Хлеб был пышный, хорошо пропеченный, ноздреватый. Если его сжать, а потом отпустить, он тут же приобретал прежнюю форму. Как и прежде заводы выпекали: белый хлеб, «серый», батоны, калачи, рожки с маком, сайки, халы, бублики.

Примерно в середине 60-х годов булочные перешли на самообслуживание. Покупатель шел вдоль прилавка, на котором под

108

наклоном располагались поддоны с хлебом и длинной вилкой проверял степень мягкости. Положив булку в авоську, направлялся к кассе. В каждом магазине висели плакаты с изображением румяной колхозницы с поднятым вверх указательным пальцем:

«Хлеб — не только дар природы.

Хлеб — наш труд, не забывай.

Береги же наш народный,

Драгоценный каравай».

Или - «Уважаемые товарищи! Соблюдайте санитарные правила! Хлеб берите вилкой!»

В столовых в это время появился другой плакат: «Хлеба к обеду в меру бери! Хлеб — драгоценность! Его береги!».

Если ситуация с хлебом в 1964 году нормализовалась, то с мясом было иначе. С каждым годом мясопродуктов становилось все меньше и меньше. Например, в 1960 году кемеровская торговля могла предложить покупателям только 13 видов колбасных изделий. В то время как в начале 50-х на прилавках магазинов лежали колбасы 40 видов.

Еще в 1959 году советское правительство запретило жителям городов и рабочих поселков держать домашний скот. Для кемеровчан это была настоящая трагедия. Тысячи горожан со слезами на глазах сдавали своих буренок и кабанчиков на мясокомбинат. Людям сказали, что отныне у них нет нужды выращивать скотину, так как мясо и молоко можно будет купить в магазинах. Однако этих продуктов по-прежнему не хватало, и в 1962 году правительство объявило о повышении цен. Мясо подорожало на 30%, масло - на 25%.

В 1964 году Кемеровский горисполком занялся созданием так называемых «фабрик мяса». Смысл этой инициативы заключался в том, что все предприятия общественного питания города должны сдавать пищевые отходы на откорм свиней. Полученное мясо будет поставляться в столовые, которые

станут продавать обеды по сниженным ценам. Председатель исполкома Кемеровского городского Совета П.М. Белоус заявил, что «эти мероприятия позволят резко увеличить откорм свиней». Однако широкого распространения эта инициатива не получила. Производство мяса в области ежегодно падало. Только в первом полугодии 1969 года оно сократилось почти на 20%. «Фабрики мяса» приказали долго жить.

Мясо в кемеровских магазинах присутствовало примерно до начала 70-х годов. Потом оно стало появляться все реже и реже, как правило, в виде супового набора. В лучшем случае - свиной гуляш. Всегда в продаже имелось только «мясо четвертого сорта», - крупные говяжьи кости с обрезью.

Чтобы купить вырезку, нужно было рано утром идти на рынок. К 10 часам утра мяса на рынке уже не купишь. Поскольку правительство определило, что 1 кг мяса должен стоить не дороже 5 рублей, и его было мало, мясо быстро раскупали. Существовал, правда, другой вариант – пойти в кооперативные магазины. Один из них «Профессорский» располагался на ул. Весенняя, 26. Другой - «Кедр» на проспекте Ленина, 75. Мясо там не отличалось хорошим качеством. Как правило, – старая говядина и свинина, причем с таким толстым слоем сала, что из нее мало что приготовишь. Зато здесь часто была в продаже дичь: лосятина, медвежатина, зайчатина, нутрия, а также тетерева, куропатки, дикие утки.

В середине 60-х кемеровские магазины еще продавали такие колбасы как: «докторская», «телячья», «таллиннская», «краковская», «ветчина», а также сосиски и сардельки. Перед праздниками появлялись в продаже и твердокопченые колбасы: «московская», «невская», «сервелат» по цене от 4 рублей 20 копеек до 4-80.

В 1969 году Кемеровский мясокомбинат выпускал 12,5 тонн колбасных изделий в

смену. Для города с населением в 410 тысяч человек - вполне достаточно. Однако год от года ассортимент колбасных изделий уменьшался, ухудшалось и качество. И к началу 80-х годов на прилавках гастрономов лежала только ветчина, по цене 3 рубля 70 копеек, - достаточно дорогая для многих кемеровчан.

В связи с тем, что продовольствия стало не хватать, Институт питания Академии медицинских наук СССР разработал новые нормы потребления продуктов. 11 июля 1967 года газета «Кузбасс» опубликовала статью «Дешево, полезно, вкусно», в которой приводился список продуктов, необходимых для рабочих, занятых ненпряженным физическим трудом.

Ежедневно рабочий должен употреблять: «200 граммов мяса или 300 граммов рыбы, пол-литра молока или молочных напитков, 400-500 граммов хлеба и хлебных изделий, 50-100 граммов сахара, около 300 граммов картофеля, прочих овощей - 400 граммов, круп - 40 граммов, растительного масла - 20-30 граммов, сливочного масла или маргарина - 10-15 граммов, а на 2 дня одно яйцо. Стоит этот набор 67-91 копейку - вполне доступно!»

Урбанизация, массовый снос частных домов с огородами, привели, в конечном счете, и к дефициту овощей.

Крестьяне не могли самостоятельно справиться с заготовками, чтобы обеспечить горожан овощами, и прежде всего картофелем, капустой, свеклой и морковью. Сначала на сельхозработы выезжали только трудящиеся кемеровских предприятий, но с середины 60-х годов в битве за урожай стали принимать участие студенты и школьники (с 5-го по 10-й классы).

«Хорошая традиция сложилась у трудящихся коксохимзавода, - писала газета «Кузбасс» в 1969 году, - помогать подшефному совхозу в заготовке кормов, уборке зерновых, овощей и картофеля.

Не изменили своей традиции коксохимики и в этом году. С первых дней борьбы за урожай представители завода трудились на сельских полях.

А в эти дни, когда в селе началась уборка картофеля и овощей, более тысячи коксохимиков выехали в поле. Перед ними стоит ответственная задача - убрать более 100 гектаров картофеля».

Понятно, что не от хорошей жизни власти гнали людей на поля. Если завод не выполнит месячный план по производству кокса - ничего страшного, перевыполнит в следующем. А вот если город останется без картофеля - это уже настоящее бедствие со всеми вытекающими последствиями.

Кроме отправки трудового десанта в деревни, власти попытались убедить крестьян в необходимости делиться продуктами с горожанами. Вот объявление, опубликованное в газете «Кузбасс» в 1964 году.

«Колхозы, колхозники, труженики села! Вывозите продукты сельского хозяйства и животноводства на колхозные рынки для продажи трудящимся городов и рабочих поселков... Приезжающие на рынки обеспечиваются ночлегом в гостиницах, складскими помещениями для хранения продуктов и стоянкой автогужтранспорта. Товарищи труженики села! Больше вывозите на колхозные рынки продуктов животноводства и сельского хозяйства для продажи городскому населению».

Однако крестьяне, несмотря на призывы и посулы, не торопились делиться продуктами с горожанами.

Тогда в 1969 году отдел по использованию трудовых ресурсов облисполкома решил попробовать другой способ решения продовольственной проблемы. Горожанам стали предлагать переселяться в деревни Ленинск-Кузнецкого, Юргинского и Промышленновского районов. Желаящим заняться сельским хозяйством выделяли кредиты в

размере 3500 рублей на постройку дома, 400 рублей на приобретение коровы.

Однако покидать столицу Кузбасса захотели лишь единицы. Вместо этого кемеровчане ринулись создавать садово-огородные товарищества. Именно на 60-70 –е годы приходится бум мичуринского движения в Кемерове.

Чтобы не покупать в овощных магазинах гнилую картошку, дряблую свеклу с белым налетом плесени, морковку с комьями грязи, прокисшие огурцы и помидоры, люди стали выращивать овощи на своих 6 сотках. Те же, у кого не было мичуринских садов, тоже могли обеспечить себя корнеплодами. На всех предприятиях стали выделять трудящимся участки земли под посадку картофеля за весьма небольшие деньги. При желании на этих участках можно было сделать пару грядочек под свеклу, редьку, морковь. Городские власти разрешили копать погреба возле жилых многоквартирных домов, и таким образом, у людей появилось место для хранения овощей, солений и варений.

Вот так кемеровчане вернулись к матушке-земле. Они вновь стали городскими крестьянами и продолжают оставаться ими и по сей день. Даже в 1996 году, когда с дефицитом продуктов было покончено, 65% семей в городе Кемерово питались картошкой из личного подсобного хозяйства или выделенного на предприятии участка, 54 % - выращивали овощи в мичуринских садах и огородах. Во всяком случае, так утверждает английский ученый Саймон Кларк в своем докладе «The Russian dacha and the myth of the urban peasant» («Русская дача и миф о городском крестьянстве»).

МЫ ПРОКОРМИМ СЕБЯ САМИ

В самый разгар мичуринского бума, вдруг обнаружилось, что кемеровчане перестали покупать овощные консервы. При-

лавки магазинов были заставлены банками с кабачковой и баклажанной икрой, зеленым горошком, маринованными помидорами, огурцами, патиссонами, но их мало покупали. Тогда кемеровская контора Росбакалеи попыталась привлечь внимание покупателей к этим консервам с помощью рекламы.

«Выставка- продажа.

В магазине №16 «Гастроном», Советский проспект, проводится выставка-продажа плодоовощных консервов с дегустацией. Товарищи покупатели, посетите нашу выставку!»

Однако проку от таких мероприятий было мало, поскольку люди перешли на потребление домашних заготовок. Об этом говорит тот факт, что в конце 60-х годов из оборота исчезла стеклянная банка. Люди использовали банки для солений и варений, компотов, соков, домашнего вина. Некая кемеровчанка Е.Г. Миронова «заготовила на зиму только одного варенья ни много ни мало 8 пудов» (128 кг.). Нетрудно представить, сколько банок ей потребовалось для фасовки.

В те годы, если хозяйка дома проявляла щедрость и дарила кому-либо из гостей трехлитровую банку огурцов, то обязательно напоминала: «Только баночку верните».

В городе открывались десятки пунктов по приему стеклотары, но кемеровчанки не спешили расставаться со своими банками и баночками. Сдавали только бутылки. В 1964 году кемеровская контора Росбакалеи объявила, что будет принимать бутылки даже из-под импортного алкоголя, например, «из-под вина типа «Рейнское», «Бордосское».

Вот типичное объявление о приеме стеклотары, которое не сходило со страниц местных газет почти 25 лет.

«Вниманию покупателей!

Все продовольственные магазины области, торгующие плодоовощными консервами, и пункты по сбору стеклопосуды

принимают в неограниченном количестве стеклобанки из-под отечественных и импортных консервов. В случае отказа в приеме посуды обращайтесь в горторготделы, к руководителям торговых организаций и баз «Росбакалея».

Использование стеклянной банки в домашних заготовках привело к изменению рецептуры некоторых традиционных русских солений. Прежде всего - капусты, которую раньше квасили в бочках и которая после брожения имела непревзойденный острый кисло-соленый вкус. Теперь же все чаще стали просто заливать шинкованную капусту соленым раствором с добавлением уксуса. Понятно, что настоящих русских щей из такой маринованной капусты не приготовить.

Нечто подобное произошло и с огурцами. Присутствие уксуса исключало возможность приготовления из них настоящего рассольника или солянки.

Зато произошел прорыв в приготовлении варенья. Правда, назвать его вареньем нельзя. Его не варили, а просто прокручивали ягоды на мясорубке и добавляли сахар. Весьма вкусное и полезное лакомство.

Примерно в начале 70-х годов кемеровчане увлеклись приготовлением хреновины. Прежде эту приправу готовили лишь из тертого хрена, уксуса, соли и сахара. Некоторые добавляли еще и чеснок, что придавало соусу чалдонский колорит. Теперь же вместо уксуса домохозяйки стали использовать пюре из свежих помидоров. Раньше помидоры в Кемерове были в основном привозные из Средней Азии. После «мичуринизации» населения томаты стали таким же распространенным овощем, как и огурцы.

Новая приправа идеально гармонировала с котлетами, антрекотами, холодцом, пельменями, (правда их в домашнем меню с каждым годом становилось все меньше и меньше). Очень вкусна хреновина и с жарен-

ной картошкой.

Чтобы обогатить вкус супов стали заготавливать на зиму пряную заправку. Это был либо зеленый укроп, либо смесь укропа с петрушкой, которые мелко резали и смешивали с солью. Баночки с заправкой хранили в холодильнике.

Еще одно кулинарное открытие тех лет - изготовление копченой рыбы и шпика в самодельных коптильнях, которые кемеровчане устанавливали на своих мичуринских участках. Обычно, для этой цели использовали большую железную бочку, в которую помещали тот или иной продукт, главным образом морскую рыбу. Ее было много, и стоила она настолько дешево, что мороженой мойвой, к примеру, кормили свиней, отчего соленое сало имело привкус рыбы. Коптили нототению, скумбрию, ставриду, протистому. Но особенно хорош был палтус. Пользовались также и «магазинными» коптильнями, в которые насыпали черемуховые или яблоневые опилки для получения благородного, ароматного дыма. В магазине «Буревестник» такая коптильня стоила 11 рублей 50 копеек.

Приготовление домашних заготовок не было хобби для кемеровчан. Люди просто пришли к выводу: «если государство не может нас прокормить, мы прокормим себя сами».

ПОЛНЫЙ УПАДОК

Возвращению кемеровчан в лоно домашней кухни способствовали и нарастающий дефицит основных продуктов питания, и резкое ухудшение качества пищи в столовых. Особенно – в рабочих. Прошли те времена, когда люди могли сытно, вкусно и недорого пообедать в столовой. Вот как описывал обед рабочих завода «Карболит» корреспондент газеты «Кузбасс» А Миронов в 1964 году.

«Обеденный перерыв. Но прессовщицы

завода «Карболит» не спешат в столовую: многие предпочитают перекусить тут же, у прессов, всухомятку.

Почему?

Этот вопрос привел нас в столовую №12 орса Ново-Кемеровского химкомбината, которая находится на заводской территории. Пришли мы как раз в часы «пик» - в разгар обеда.

Вот встают из-за столика две женщины.

- Неважно поела, - говорит работница первого цеха З.И. Грибанова. - Гарнир опять холодный, невкусно...

Соседка по столику, А.Я. Горнева, соглашается с ней. А работница цеха №3-4 А.Я. Степаненко добавляет:

- Хлеб всегда черствый. Выпечка бывает редко и тоже почему-то черствая. Если же во вторую смену работаем - вообще нечего поесть. Ни молока, ни молочных продуктов.

- В меню иной раз изобилие блюд, а фактически их нет, - рассказывают другие рабочие».

Несмотря на резкое ухудшение качества питания в столовых городское руководство по-прежнему старалось «всемерно и настойчиво внедрять общепит в массы». Только в 1964 году в городе появились: 7 новых столовых, 2 домовые кухни, 1 кафе.

Понатывая по всему городу столовых и кафе, власти столкнулись с тем, что в них некому работать. Понадобились квалифицированные повара. Решением этой проблемы занялись два кемеровских ПТУ. К сожалению, уровень образования у поступающих в эти училища был невысоким - 8 классов. В основном туда шли учиться 15-летние девушки, которые не имели никакого призвания к поварскому делу. У многих отсутствовал кулинарный вкус, что равнозначно отсутствию слуха у музыканта. Они получали специальность повара, но владели лишь элементарными навыками в приготовлении нескольких простейших блюд.

Безусловно, приход малоквалифицированных поваров на предприятия общепита отразился на качестве питания.

Вот что писал вышеупомянутый корреспондент газеты «Кузбасс» А. Миронов о городских столовых образца 1969 года.

«Недавно я пережил минуты очарования в тринадцатой столовой. Меню звучало как музыка, обещало порадовать богатством летней кухни - огурчики, окрошка, холодное молоко и т.д и т.п. Ободренный посулами, предвкушая утоление разыгравшегося аппетита, спешу к раздаче. Очарование тут же меркнет - того нет, другого нет, на две трети меню заполнено наименованиями блюд ради пушей важности. На гарнир - только рис, суп-лапша - пересоленный, на второе - ничего, кроме шницеля, камбала, упомянутая в меню, как таковая отсутствовала...

Утро - начало раскочки, подумал я. - Хочешь вкусно поесть и почувствовать высокий уровень культуры обслуживания - посещай предприятия общественного питания вечером. И вот часа за два до закрытия я в четырнадцатой столовой, где директором тов. Терехова. Меню здесь не менее блестящее, чем в тринадцатой, и тоже составлено по принципу: не верь своим глазам. Мало того, что в этот вечер (7 июля) я не застал ни одного овощного блюда, пришлось пить горячий и абсолютно несладкий компот, очень похожий на чай без сахара».

Главными атрибутами столовых в те годы были алюминиевые ложки и вилки с налетом жира, мутные граненые стаканы, грязные подносы. Люди стали называть заведения общественного питания «тошнеловками» и посещали их по мере необходимости.

26 октября 1976 года вышло постановление ЦК КПСС о введении рыбного дня на предприятиях общественного питания. Отныне каждый четверг кемеровские столовые устраивали для посетителей разгрузочный

день. (В некоторых заведениях кроме четверга рыбным днем был еще и вторник).

В эти дни в меню значились блюда, приготовленные только из рыбы. Например, на первое - уха из хека, борщ с навагой. На второе - жареная камбала с картофельным пюре, котлеты рыбные с лапшой, минтай тушеный с овощами. Разумеется, подобная кухня не устраивала кемеровчан. Они считали, что «лучший вид рыбы – это колбаса». Но колбасы не было, вместо нее людям предлагали кушать кильку.

«Кильки!

150 вкусных и дешевых блюд можно приготовить из мелкой рыбы. Только с соленой килькой можно подать к столу:

- бутерброд из кильки с маслом;
- винегрет с кильками;
- килька с луком и маслом;
- рубленая килька;
- килька с маринованной капустой.

Соленая килька на вашем столе – это нежное мясо, богатое фосфором, йодом и другими ценными веществами. Это острая закуска и аппетитный обед. Это разнообразие в рационе вашего питания. Кемеровская контора Росмясорыбторг».

В 1976 году на прилавках магазинов появилась знаменитая паста «Океан», которую изготавливали из маленьких рачков – антарктического криля. Реклама утверждала, что эта розовая замороженная масса – деликатес с лечебными свойствами.

Но рабочий класс требовал мяса. Чтобы люди не роптали, была развернута широкая разъяснительная работа. В газетах появились статьи врачей-диетологов, которые утверждали, что ежедневное потребление мяса приводит к тяжелым заболеваниям, что традиционная русская кухня – это, прежде всего, рыбные блюда. Понятно, что делалось это не для того, чтобы научить людей правильно питаться, а для того, чтобы хоть как-то завуалировать нехватку мяса.

В эти годы кемеровский общепит стал активно предлагать горожанам блюда из курицы. Местные птицефабрики наладили выпуск бройлерных цыплят в огромных количествах. Синюшные, худенькие тушки пернатых стоили всего 1 рубль 60 копеек за килограмм и по своим вкусовым качествам очень отличались от дородных домашних куриц.

Популярный анекдот тех лет.

«Идут два пьяных петуха по улице. Один говорит:

- Давай заглянем в гастроном.
- Зачем? - интересуется другой.
- На голых курочек посмотрим!».

В меню столовых появились недорогие кушанья из курицы. Однако из всего репертуара блюд из птицы повара выбрали только три - «курица отварная», «курица тушеная с овощами» и изредка – «цыпленок-табака». Из-за однообразия и неумелого приготовления, люди не любили эти блюда, считая их невкусными и заурядными. В какой-то мере общепит закормил кемеровчан куриным мясом, и они стали его ненавидеть. Не следует также забывать, что в домашней кухне единственным видом мяса тоже была курица. Между тем давно известно, что курица обладает одним нехорошим свойством – она быстро приедается.

Любопытно, что именно в эти годы возникли два весьма оригинальных кулинарных рецепта – «курица в стеклянной банке» и «курица на бутылке». В первом случае птицу рубили, солили, перчили, клали зубчики чеснока. Затем мясо клали в 2-х или 3-х литровую банку и ставили в духовку. Воду не добавляли. Получалось очень нежное жаркое. Правда готовить его было опасно, так как иногда банка из-за высокой температуры и пара лопалась. (До сих пор непонятно: почему для приготовления этого блюда не использовались обычные глиняные горшочки?)

В другом случае тушку, посолив и поперчив, натягивали на молочную бутылку с водой и ставили в духовку. Сверху мясо запекалась, а внутри прогревалось паром. Этот метод был еще более опасным, так как в случае взрыва осколки стекла пробивали курицу как шрапнель.

В начале 60-х годов в Кемерове начинает формироваться студенческий общепит. В 1964 г. в городе было 3 вуза: политехнический, педагогический, медицинский институты. В 1969 г. открылся институт культуры, в 1972 – институт пищевой промышленности, в 1974 г. – на базе педагогического института создан университет. Более 10% населения города составляли студенты вузов и техникумов.

По свидетельствам людей, которые в те годы учились в кемеровских вузах и пользовались услугами студенческих столовых, качество питания было очень плохим, а меню – скудным. Порой блюда состояли из мало совместимых продуктов. Например, тушеная капуста с отварным рыхлым хеком, суп куриный со свежей капустой. Самым распространенным блюдом была баланда под названием «борщ б/м», то есть - без мяса. Единственное, что устраивало студентов в институтских столовых – дешевизна пищи.

Впрочем, имелась одна столовая, в которой любили обедать студенты университета. Она располагалась в Доме политического просвещения. Несмотря на то, что эта столовая предназначалась для партийных пропагандистов и агитаторов, туда почему-то пускали бедных студентов. В 70-е годы в ней можно было взять обед из 4 блюд - «салат из свежих овощей, суп с грибами, котлета с гречкой, компот из сухофруктов, свежеспеченная булочка» - за 1 рубль. Однако для студентов получающих стипендию в 40 рублей это было дорого.

Поэтому студенты старались готовить пищу в общежитии. На каждом этаже рас-

полагались коммунальные кухни с электроплитами. Те, кто имели портативные электроплитки, занимались готовкой у себя в комнатах. Варили супы из пакетиков, борщи из банок, уху из консервов, но чаще всего жарили картошку, которую ели с мамиными заготовками - капустой, огурцами, помидорами, соленым салом. Картошку, привезенную из дома, хранили в мешке под кроватью.

Именно в эти годы на праздничном новогоднем столе кемеровских студентов, которые тоже хотели отмечать торжество «как люди», появился новый вид шоколадного торта. Назывался он - «еврейская колбаса». (В то время многие вкусности, приготовленные из недорогих продуктов именовались «еврейскими»). Торт готовили из разломанного на мелкие кусочки магазинного печенья, сливочного масла, стуженного молока, грецких орехов и порошка какао. Вся готовка заключалась лишь в смешивании ингредиентов и заморозке. «Еврейская колбаса» была очень питательным и вкусным десертом.

Альтернативой «столовым-тошнилочкам» стали домашние кухни, которые появились в Кемерове в 1964 году. Они пользовались широкой популярностью у горожан, поскольку продавали готовые блюда и полуфабрикаты по ценам на 25% ниже, чем в столовых.

Это была очень удобная форма, сочетающая в себе элементы домашней и ресторанной кухни. Вы покупали полуфабрикат, допустим - голубцы, и готовили их дома так, как привыкли, например: в сметанном соусе, в томатно-сметанном или просто жарили. И ресторан и домашняя кухня использовали один и тот же полуфабрикат, но вы могли внести в блюдо свои собственные вкусовые акценты.

Обычно в домашних кухнях можно было купить мясные и овощные шницели, котлеты, тефтели, рулеты, салаты, пирожки, бу-

лочки, печенье.

В центре города располагались 4 домовые кухни: на улице Весенней (от столовой №13), на улице Красноармейской, на улице Дарвина (от кафе «Улыбка») и на улице Томской (от ресторана «Волна»).

В домашней кухне от ресторана «Волна» пекли потрясающую сдобу, которую покупатели обычно съедали тут же, «не отходя от кассы», настолько вкусная она была. Чтобы отведать горячую булочку, ну или пирожок с «повидлой», выпить стакан какао, в эту домашнюю кухню стекались школьники из всех близлежащих школ.

Кроме полуфабрикатов кемеровчанки могли приобрести в домашних кухнях готовые обеды, которые нужно было только разогреть. Суп, картофельное пюре, гуляш, котлеты продавцы накладывали в принесенные покупателями кастрюльки.

Вот что рассказала на страницах газеты «Кузбасс» кемеровчанка А.П. Белова: «У меня трое ребят-школьников, сама работаю на заводе. Бывало, измучаешься пока сходишь за продуктами, приготовишь обед или ужин. Все свободное время на это уходило. Теперь выручает наша «кормилица» - домашняя кухня от тринадцатой столовой. Тут и первое, и второе, и третье, и полуфабрикаты. Готовят вкусно. Потратишь минут десять-пятнадцать – и семья сыта, и у самой руки развязаны».

До поры до времени домашние кухни вполне справлялись с поставленной перед ними задачей – вкусно кормить кемеровчан. К сожалению, в 80-е годы из-за отсутствия пищевого сырья, домашние кухни утратили былое значение. Они стали изготавливать скучные вегетарианские котлетки из свеклы и моркови, картофеля и капусты. Ну, а если случалось изготавливать мясные, их делали с таким количеством сахарной панировки, что вкус основного продукта терялся. В конце концов, в 80-е годы городские домашние

кухни деградировали и перестали существовать.

Самыми стойкими в условиях тотального продуктового дефицита оказались кемеровские рестораны. Даже в годы развитого социализма в них можно было вкусно поесть.

Одно время славились своей кухней рестораны «Томь» и «Кузбасс». В этих заведениях в 1979 году бифштекс с луком стоил 1 рубль 29 копеек, лангет с гарниром – 1 рубль 7 копеек, яичница натуральная 38 копеек, зеленый горошек с маслом – 33. Был короткий период, когда очень мягкие и сочные антрекоты подавали в ресторане на железнодорожном вокзале. Неплохой ресторан имелся в аэропорту. Многие кемеровчане специально ездили туда, чтобы отведать уху из осетровой головизны.

В середине 70-х годов в городе открылся огромный, размером с кинотеатр, двухэтажный ресторан «Солнечный». Построив такую громадину, власти, вероятно, надеялись, что скоро наступят другие времена, и люди будут ходить в ресторан не по торжественному случаю, а просто – пообедать или поужинать. Но этого не случилось. С каждым годом качество блюд становилось все хуже и хуже, а посетителей – все меньше и меньше. В конце концов, огромный ресторан превратился в торговый центр по продаже одежды и обуви.

Ресторанная кухня слишком зависела от количества и качества продуктов. В условиях дефицита продовольствия ресторанное меню стало уместаться на одной страничке. Люди практически перестали посещать рестораны. Есть там было нечего. Повара-профессионалы увольнялись. Городская система общественного питания в годы перестройки пришла в полный упадок.

«НЕСЧАСТНЫЕ РУССКИЕ»

Еще в конце 80-х годов в Кемерове, как и по всей стране, были введены талоны на основные продукты питания: муку, жиры, сахар, чай и т.д. Власти надеялись, что таким образом удастся обеспечить людей набором необходимых продуктов. Однако этого не случилось. Очень часто у торговли просто не было тех товаров, которые продавались по талонам. В свободной продаже имелись только: хлеб, второсортные серые макароны (не всегда), некоторые виды круп, томатная паста, минтай, уксус, соль, спички и... американские сигареты.

Особенно сложная ситуация возникла в 1991 году с сахаром. На торговых складах города не было ни одного килограмма сахара! Такого не случалось даже в годы войны.

Назревал «сахарный» бунт. Летом кемеровчане собрали богатый урожай ягод, но из-за отсутствия сахара у них не было возможности приготовить варенье, компоты. Да что там домашние заготовки! Приходилось даже чай пить без сахара.

В сентябре в город наконец-то поступил китайский сахар. Производственное объединение «Азот» продало за рубеж большую партию карбамида и на вырученные инвалютные рубли приобрело у Харбинской внешнеторговой компании 5,5 тысяч тонн сахара. Однако этого количества хватило лишь на два месяца. В ноябре сахар по талонам уже не продавали.

Так случилось, что один из авторов этого очерка был в это время в командировке в ФРГ. Позвонив домой, он узнал, что в Кемерове сахарные талоны временно не отовариваются. Пришлось идти в супермаркет и купить 2 больших пакета с 4 килограммами сахара. На границе немецкий таможенник попросил показать содержимое сумки. Увидев пакеты с надписью «Zucker», он сочувственно покачал головой и произнес: «Не-

счастливые русские».

Странное дело, но кемеровчане себя «несчастливыми русскими» не считали. Да, многих продуктов питания не было, но время от времени что-то на прилавках магазинов и на рынках появлялось. Например, осенью часто продавали живую рыбу: карасей и карпов, выращенных в местных водоемах. Стоила эта рыба недорого, поэтому ее охотно брали, что позволяло людям восполнять дефицит белка. В овощных магазинах всегда имелись в продаже: картофель, капуста, морковь, свекла, редька. А, как известно, с картошкой и капустой русскому человеку никакой голод не страшен.

Город заготовил на зиму 20860 тонн картофеля и 9000 тонн свежей капусты. Это значит, что осенью 1991 года на каждого кемеровчанина, включая младенцев и стариков, приходилось по 40 килограммов картофеля и по 18 свежей капусты. Не так уж и много. Но если учесть, что около 60-70% кемеровских семей в «магазинных» овощах не нуждались, (они выращивали их на своих «фазендах»), то получалось что на всякого «безземельного» горожанина приходилось по центнеру картошки и около 40 килограмм свежей капусты. Также в значительных объемах была заготовлена и квашеная капуста.

26 сентября 1991 году Кемеровский горисполком решил ввести в городе семейные продуктовые карточки. Председатель горисполкома В. Михайлов объяснил нововведение следующим образом: «Талонная система зашла в тупик. Мы не смогли ее закрывать теми ресурсами, которые были, потому что количество талонов резко превышает число жителей. Появились поддельные талоны».

В конце декабря 1991 года начались перебои с хлебом. Его раскупали в считанные минуты. Многие кемеровчане, и авторы этого очерка в том числе, приходили в магазины в 3-4 часа утра и покупали хлеб у грузчиков. Брали сразу по 5-6 булок, которые замора-

живали на балконах, а по мере необходимости разогревали в кастрюле над паром. Этот хлеб был не хуже свежесдобитого, но есть его нужно было сразу, пока он горячий. Остыв, он тут же превращался в сухарь.

В 1992 году кемеровские власти определили круг лиц, которые имели право на льготное обслуживание продовольствием. Это были ветераны войны, инвалиды, многодетные матери и их дети, блокадники, а также долгожители, чей возраст превышал 90 лет. Вот месячная норма продуктов для этой категории граждан:

- 1 килограмм мяса;
- 0,5 килограмма сливочного масла;
- 0,5 килограмма растительного масла;
- 1 килограмм муки или крупы;
- 1 килограмм гречневой крупы (но только для диабетиков).

Некоторые кемеровчане стали готовить из одного и того же куска мяса сразу два блюда. Например, варили бульон, затем отварное мясо прокручивали через мясорубку, добавляли лук, большое количество хлеба и жарили котлеты. Очень часто фарш из отварного мяса употребляли для приготовления пельменей. Надо ли говорить, что блюда из вываренного мяса, были безвкусны и даже неприятны.

До поры до времени хлеб стоил дешево. Но с 1 сентября 1992 года он резко подорожал. Хлеб «Особый» стоил 17 рублей, «Дарницкий» - 14, «Подольский» - 19. Зарплата у библиотекаря в это время равнялась 350 рублей. Нетрудно подсчитать, что на эти деньги можно было купить только 20 булок хлеба. Высокие цены на хлеб и низкая заработная плата развеяли у людей веру в демократию. С тех пор некоторые некультурные граждане стали называть ее «дерьмократией».

В 1992 году, несмотря на колоссальные усилия городских властей по нормализации продовольственного рынка самым дефицитным товаром в Кемерове оставался сахар.

Дело дошло до того, что администрация города была вынуждена специально выделить 3, 5 миллиона рублей, чтобы обеспечить сахаром хотя бы кемеровских учителей.

Острая нехватка этого продукта привела к тому, что кемеровчанки стали готовить сладкие, вкусные, праздничные блюда без сахара! Разумеется, эти яства делали не каждый день, и не каждую неделю, но 2-3 раза в год – непременно. Ведь семейные торжества, дни рождения, юбилеи никто не отменял. А какой же праздничный стол без сладкого?!

Именно в это время домохозяйки вспомнили о замечательном татарском кондитерском изделии – чак-чак. Для другого подобного национального блюда «хвороста» требовался сахарный песок, а еще лучше – сахарная пудра. А вот для чак-чака нужно было только немного меда. Он свободно продавался на рынке, и заметим, что в то время он имел высочайшее качество, так как пасечники не подкармливали пчел сахаром, а торговые работники не разбавляли природный продукт сахарным сиропом. (Мало кто знает, что в 60-е годы прошлого века кузбасский мед был широко известен за границей).

Чак-чак весьма простое сладкое блюдо. Делалось пресное тесто, которое мелко резалось или прокручивалось на мясорубке. Затем полученную лапшу жарили в растительном масле и смешивали с горячим медом. Горка чак-чака на тарелке получила русское название - торт «Муравейник». Это популярное лакомство начала 90-х годов и по сей день производят местные пищевики. Сегодня «Муравейник» продается во всех супермаркетах города.

Наряду с картошкой в рационе кемеровчан в те годы были каши. Худо-бедно, но различные крупы имелись в свободной продаже. Часто – с мусором, грязью, шелухой, но все-таки были. И люди вновь стали есть каши. Многие горожане отвыкли употре-

блять эти блюда, а некоторые испытывали к ним неприязнь, и даже отвращение. Теперь же они вынуждены были вновь вспомнить бабушкины рецепты приготовления этих чрезвычайно сытных и полезных блюд.

Любопытно, что в эти годы выдающийся историк кулинарии Вильям Похлебкин изобрел несколько видов каш и крупяных супов, которые он настоятельно рекомендовал готовить россиянам в условиях продовольственного кризиса.

Вот блюда, которые он придумал в начале 90-х годов:

- «Канун развала» (каша из овсянки, обрезков мяса, чечевицы, лука, болгарского перца, картошки, кефира и пряностей);

- «Начало эры капитализма» (каша из перловки, картошки, морковки, лука и маленького кусочка копченой грудинки);

- «Привет из феодализма» (каша из недоспелой ржи);

- «Суп бедного бедняка» (суп из квашеной капусты, овсяной крупы, лука и яйца);

- «Изысканная бедность» (суп из фасоли, лука, риса, помидоров, соленых огурцов и кусочка колбасы или корейки).

Нечто подобное в то время готовили и кемеровчанки, которые ничего не слышали о кулинарных изобретениях Похлебкина, но которые имели тот же ассортимент простых продуктов. Они смело смешивали картофельное пюре с гороховым, толкли картошку с салом, варили борщи с минтаем, а в отварную фасоль добавляли манку и жареный лук. Интересно, что после регулярного употребления всевозможных каш и горячих супов у людей стали нормально работать желудок и кишечник и их здоровье улучшилось.

Единственно доступным и самым дешевым видом мяса в 1993-1994 годах стала курица. Вернее – только окорочка. Их импортировали из США. А поскольку президентом в этой стране в то время был Джордж

Буш-старший, народ прозвал их «ножками Буша». Но это уже другая история...

НОВЫЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В 60-80 годы в магазинах начали появляться малоизвестные продукты. В 1969 году в Кемерово привезли настоящие греческие маслины. Их продавали на вес. Несмотря на отменные вкусовые качества и дешевизну продукта люди не хотели его приобретать. Ишановская база Росбакалеи пыталась объяснить кемеровчанам, что в маслинах много масла, что они очень полезны, способствуют желчеотделению и что без них немислимы такие блюда, как солянка, борщ, блюда из макарон. Однако «соленые сливы» горожанам не понравились.

Следует отметить, что именно на рубеже 60-70-х годов в продаже впервые появились продукты импортного производства, главным образом из стран народной демократии: Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии. В основном – консервы, вина, замороженные полуфабрикаты. Например, болгарский гювеч. Поскольку рецепта приготовления этого вкуснейшего балканского блюда никто не знал, домохозяйки использовали его в качестве овощной добавки к борщам и супам. Популярностью пользовались венгерские консервы: зеленый горошек «Globus», ассорти из огурчиков и томатов, лечо, помидоры в собственном соку, чехословацкие шпикачки с квашеной капустой, польские мороженые ягоды и фрукты «Hortex», болгарские конфитюры «Булгарплод».

Капиталистический запад на кемеровских прилавках представляли: марокканские цитрусовые, алжирские вина и джемы, тунисские сардины в масле, португальские портвейны, финские ликеры.

Из продуктов местного производства новшеством стал майонез, появившийся в

магазинах в середине 70-х годов в огромных количествах. Хотя он и в прежние годы изредка продавался, но большой популярностью не имел, поскольку люди предпочитали заправлять салаты сметаной. Когда же ее стало трудно купить, домохозяйки обратили внимание на майонез. Он изготавливался в Юрге и продавался в стеклянных банках по 250 и 500 грамм. Иногда майонез разливали как сметану в тару покупателя. Именно тогда среди кемеровчан начали распространяться рецепты закусок еврейской кухни: сыр с чесноком, морковь с чесноком. При приготовлении селедки «под шубой», «Оливье» тоже употребляли майонез. Некоторые кулинарные радикалы клали этот соус даже в окрошку.

Сметану же стали использовать не для заправки салатов и супов, тушения мяса, рыбы, овощей, а в качестве самостоятельного блюда. «Стакан сметаны» - банальная строка в меню заводских и городских столовых.

Иногда на прилавках магазинов появлялись весьма странные консервированные продукты, разработанные специалистами советского пищевого прома. Так, например, в 1969 году местная торговля настойчиво предлагала горожанам покупать «яблочно-шоколадную пасту», которая изготавливалась из свежего яблочного пюре и какао и предназначалась в качестве начинки для пирогов. Еще одним «шедевром» пищевиков был «напиток яблочный с вином», который представлял собой «оригинальный букет из натурального яблочного сока, сухого виноградного вина, сахарного сиропа и лимонной кислоты».

Еще в 60-е годы началось медленное проникновение кофе в рацион кемеровчан. Магазины были завалены пачками молотого кофе, но люди покупали его неохотно. Тогда кемеровская контора Росбакалеи развернула в газетах рекламную кампанию.

«Любите ли вы кофе?»

Кофе – десерт и отличный тонизирующий напиток.

А как его приготовить, чтобы он был особенно вкусным и ароматным?

Ответ на этот вопрос вы можете получить, если зайдете в магазин №58 «Заря» 15-16 октября. Здесь в эти дни контора Росбакалеи и первый горпищеторг организуют дегустацию кофе натурального».

Однако ни дегустации, ни мастер-классы по приготовлению кофе не принесли желаемого эффекта. Популярностью пользовались лишь кофейные кубики-брикеты. Это был полуфабрикат, состоящий из молотых зерен кофе, сахара и сухого молока, который нужно было разводить в кипятке. Но кемеровская детвора грызла кубики как конфеты. Такой же полуфабрикат из какао заменял детям шоколад.

120 Все изменилось, когда появился быстрорастворимый кофе российского, бразильского и индийского производства. Он тут же стал одним из самых востребованных товаров. Существовало стойкое убеждение, что такой кофе гораздо вкуснее молотого. Люди начали придумывать новые рецепты приготовления быстрорастворимого кофе. Например, одно время среди молодежи был популярен так называемый «кофе по-варшавски». 2-3 ложечки быстрорастворимого кофе и столько же сахара растирались в чашке, затем наливали чуть-чуть воды. Получалась светлая кашица. После добавления кипятка, в чашке образовывалась густая белая пена, как у капучино. Понятно, что ничего общего с настоящим итальянским капучино такой кофе не имел, и являлся заурядной имитацией.

Кемеровчане в течение длительного времени практически не употребляли: кальмары, «салат сахалинский» из морской капусты, кубинские грейпфруты (слишком горькие!), афганские маринованные олив-

ки, сыр рокфор (вонючий!), а также многие виды морских рыб. Поначалу невзлюбили даже сельдь иваси, (слишком мелкая!), но потом привыкли и даже стали скучать по ее нежному вкусу, когда в конце 80-х годов эта рыба вдруг исчезла с прилавков.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АЛКОГОЛЬНЫХ И БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКАХ

Разумеется, самыми популярными напитками у мужчин-кемеровчан в годы развитого социализма были водка и пиво. Те, у кого не хватало денег на водку, пили дешевые плодово-ягодные вина, «портвейны» типа «Агдам», «777», «Солнцедар». Обычно эти вина разливали в бутылки емкостью 0,8 литра, так называемые «огнетушители» или «фаустпатроны». Женщины предпочитали виноградные вина и ликеры.

Многие кемеровчане варили самогон. Для его изготовления использовали: карто-¹²⁷фель, варенье, томатную пасту, карамель с начинкой, халву, сухофрукты. Чтобы облагородить напиток, добавляли быстрорастворимый кофе или кедровые орехи, чтобы по вкусу и цвету он напоминал коньяк. Иногда такую самогонку подавали на стол даже в интеллигентных семьях.

В конце 70-х годов кемеровские овощные магазины стали продавать на разлив дешевые плодово-ягодные вина. В большие стеклянные конусы, предназначенные для сока, наливали бормотуху. Эта жидкость представляла собой смесь спирта, воды, сахара, красителей и некачественного сока. Люди быстро дали этим напиткам собственные определения: «чернила», «клопомор», «краска для заборов» и даже придумали стишки: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром отцы травились «Солнцедаром». Или – «Не теряйте время даром! Похмеляйтесь «Солнцедаром!».

Прежде завсегдатаями отделов «Соки-воды» были исключительно дети, теперь

– пьяницы. В магазине «Золотая осень» по улице 50-лет Октября стакан «Солнцедара» крепостью в 18 градусов стоил всего 40 копеек. Стакан натурального яблочного сока – 12 копеек, томатного – 10.

Продажа бормотухи приносила учреждению торговли хорошие доходы, значительно большие, чем сок. Неслучайно плодово-ягодные вина в народе называли «плодово-выгодными».

Трудно сказать, кому пришла в голову идея – продавать дешевую бурду на разлив. Но совершенно очевидно, что сие нововведение не способствовало оздоровлению людей, а вело к их спаиванию. Возможно, таким способом власти пытались скрыть от населения надвигающийся на страну продовольственный коллапс, дефицит мяса, масла, молока. Ведь хорошо известно, что алкоголики могут обходиться и без мяса.

В конце 60-х годов кемеровская детвора открыла для себя новое иностранное слово – «коктейль». Неожиданно во многих магазинах города в отделах «Соки-воды» появились стационарные электрические миксеры с большими алюминиевыми стаканами, в которых готовили коктейли из молока, мороженого и фруктового сиропа. Молочные коктейли сразу обрели колоссальную популярность не только среди детей, но и взрослых. Эти напитки имели мягкий сливочный вкус, были в меру сладкими, обладали легким фруктово-ягодным оттенком. После взбивания смесь имела необычайно легкую, воздушную шапку из пены. Довольно долгое время у кемеровчан слово «коктейль» было синонимом «молочный».

Этот приятный и полезный напиток просуществовал до начала 80-х годов, пока молоко не превратилось в малодоступный продукт.

В конце 60-х годов кемеровская молодежь увлеклась алкогольными коктейлями. Отчасти этому способствовало появление

в продаже фруктовых соков с добавлением сухого виноградного вина. Они продавались во всех магазинах города, в трехлитровых банках и стоили чуть-чуть дороже обычного сока.

Другим фактором приобщения молодых кемеровчан к коктейльной культуре стало открытие трехэтажного кафе «Льдинка» на Советском проспекте. Имея 2 рубля в кармане, здесь можно было выпить коктейль, например, «Царская водка (смесь мариинской водки, азербайджанского коньяка, ленинградского ликера «Шартрез» и лимонада), кофе-гляссе, съесть порцию мороженого.

Никакие правила и рецептура при приготовлении коктейлей не соблюдались. Все зависело от того, какие напитки имелись под рукой. Нет ликера - наливали настойку, нет коньяка - добавляли «Старку». Неудивительно, что после двух-трех бокалов таких коктейлей человек быстро пьянел.

«Льдинка» пользовалась огромной популярностью у молодежи не только потому, что здесь можно было хорошо выпить и послушать «Битлз», но и потому, что употребление коктейля в баре ассоциировалось у молодых людей с западным образом жизни.

Несколько позже, в 1982 году, в подвале дома №9 по улице Ноградской открылся еще один бар - «Грот», Для молодых людей он стал своего рода «клубом одиноких сердец». Здесь всегда можно было встретить юных барышень, готовых провести с вами вечер.

Впечатлял интерьер заведения. Отделка из натурального камня, низкие сводчатые потолки, кабинки похожие на пещеры - все это придавало бару «прибалтийский» вид. Ассортимент коктейлей - такой же, как и в «Льдинке», но здесь готовили наивкуснейший кофе. Рассказывают, что бармен был тонким ценителем этого напитка.

В 60-80 годы кемеровские девушки предпочитали пить болгарские, венгерские, румынские белые полусладкие виноградные

вина, в особенности - «токайское» и «котнари». Пиво почти не употребляли, считая его неблагородным напитком.

Зато очень уважали пиво кемеровские мужчины. Был период, когда пиво продавалось повсеместно и в магазинах, и в обычных городских столовых. Но в конце 70-х - только на розлив в «пивных точках» - маленьких ларьках, стоящих на отшибе. Люди выстраивались в длиннющие очереди. Брали много - по 10, 15, 20 литров, потому что завтра пиво могли и не завезти. Для тары использовались 3-х литровые банки, молочные бидоны, канистры и даже огромные полиэтиленовые мешки для капролактама. Пластиковых бутылок в то время не было.

В 60-е годы в Кемерове появился винзавод, который разливал низкопробные крепленые вина и коньяк «Азербайджанский» - весьма скверного качества, не шедший ни в какое сравнение с болгарской «Плиской» и югославским «Рубином», которые стоили даже дешевле кемеровского коньяка.

Из элитных заграничных напитков в 70-80-е годы в кемеровских магазинах в свободной продаже были настоящие португальские портвейны и прекрасный кубинский ром «Navana Club». Стоили они дешево, от 6 до 10 рублей. В винном магазинчике напротив «Универмага» иногда появлялись шотландское виски, французский коньяк, но стоили они 25-40 рублей.

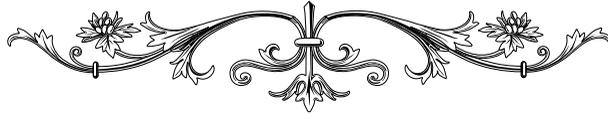
Когда в 80-е годы в Новосибирске открылся завод по изготовлению «Пепси - Колы», кемеровчане впервые попробовали вкус этого «буржуазного» напитка. Он им понравился. По сравнению с газировкой местного разлива «мандарин», в которой плавали белые хлопья, «пепси» казался напитком богов. Некоторые непатриотичные граждане специально перед Новым годом ездили в Новосибирск, чтобы привезти домой 2-3 ящика «Пепси - Колы». Направляясь в гости к друзьям, они брали пару бутылочек

американской газировки в качестве подарка.

С началом антиалкогольной компании в 1985 году спиртное стали продавать по талонам. Возник черный рынок. Занимались спекуляцией в основном таксисты. Они продавали водку в 2,5 раза дороже, чем в магазине.

Одновременно с прилавков исчез и чай. Понимая, что это может привести к социальной напряженности, правительство стало закупать чай за границей. Сначала в Кеме-

рово завезли второсортный турецкий чай. Затем по талонам начали продавать индийский и цейлонский чай высокого качества. Но было поздно. Люди уже поняли, что ни советская торговля, ни советский общепит, ни сама Советская власть неспособны обеспечить народ продуктами питания. Именно поэтому в июле 1989 года кемеровские шахтеры вышли на площадь Советов и сказали такой власти – «Нет!».

РАИСА КУЛЯБИНА

НЕ ЗАБЫТЬ ДО КОНЦА ЖИЗНИ

ПЫТАЛСЯ СОГРЕТЬ ЕГО ЗАКОЧЕНЕВШИЕ НОГИ.

В 1941 году Володе исполнилось только 3 года. Что-то о том страшном времени, несмотря на свое малолетство, он помнил, что узнал из рассказов мамы, когда подрос.

Семья жила до войны в Ленинграде. Папа Иоаким Яковлевич трудился на Кировском заводе, мама Татьяна Федоровна - на обувной фабрике. В июне 1941 года отдохали в деревне у бабушки в Смоленской области. Отец не поехал: не позволила работа. Когда 22 июня по радио объявили о начале войны, мама быстро собрала детей: надо было возвращаться назад, домой. Добирались долго, больше месяца, ехали на попутных машинах и поездах, несколько раз попадали под бомбежки немецких самолетов. Чуть не погибли.

Всю дорогу мама беспокоилась об отце, не было никаких известий о нем. где папа? Что с ним? Дома или его призвали на фронт? Когда приехали в Ленинград и разыскали отца живым и здоровым, радости не было предела. Отец рассказал, что его в армию не взяли, а оставили работать на Кировском заводе на казарменном положении. Он трудился мастером в кузнечном цеху, который круглосуточно выпускал танки для фронта. Фактически отец постоянно находился на заводе, дома не бывал, но само ощущение, что где-то рядом находится родной близкий

человек, давало чувство защищенности и какую-то хрупкую уверенность в завтрашнем дне. К концу 1941 года кольцо немецкой блокады вокруг Ленинграда сжалось и в город на Неве пришли сильный мороз и голод. В январе 1942 года от полного истощения и тяжелой работы, без выходных дней, тяжело заболел отец. У него была третья стадия дистрофии, от которой он скончался.

Смерть папы помнит смутно. Мама рассказывала, что труп отца почти месяц лежал в холодной квартире. У голодной и обессиленной матери было сил вынести труп даже на улицу. Володя подходил к отцу и своими детскими ручками пытался согреть его закочневшие ноги. Эту ужасную картину, наверное, будет помнить до конца своей жизни. Не приведи, Господи, никому пережить подобное испытание.

В то ужасное время весь Ленинград был усыпан трупами не погребенных людей. Мертвецы лежали не только в квартирах, но и на лестничных клетках, на улицах, около колонок с водой. От голода и холода в людях, как будто, замерли все человеческие чувства. На покойников никто не обращал внимания. Смерть стала привычным и обыденным делом. В это тяжелое для семьи время, мать трудилась техничкой в типографии. Ей был положен паек: 250 граммов хлеба в сутки и 125 граммов хлеба на детей-иждивенцев. Но этого не хватало чтобы выжить, и она стала менять более или менее ценные вещи, которые были, на хлеб. Какое-то время сумели продержаться. Но, в конце концов, дожили до того, что ничего продать или поменять на хлеб, не осталось. Ложились спать голодными, просыпались голодными. В голове навязчиво крутилась одна мысль: «Хочу есть». Уже не было сил спускаться в

бомбоубежище, когда звучал сигнал воздушной тревоги. Ели все подряд. Все, что

ползало и бегало: насекомых, крыс, мышей, кошек, собак.

Когда Володе исполнилось 5 лет, наступило самое тяжелое время. От крайнего истощения скончалась младшая сестренка. Мальчик тяжело заболел. От голода отнялись ноги. Однажды мама отправилась получать по карточкам пайку хлеба. Тогда за хлебом стояли длинные очереди чуть живых людей, и маме приходилось проводить в них несколько часов. На этот раз её не было весь световой день. Володя очень боялся потерять мамочку. Всегда волновался за нее, когда она уходила из дому. Она была его единственной защитой. Ребенок начал горько плакать, представляя, что она уже умерла. Тут неожиданно для него в квартиру вошел здоровый мужчина - военный, который нес на руках маменьку. Он бережно положил ее на кровать. Маленькому ребенку он представился добрым великаном-спасителем.

С женщиной в очереди случился голодный обморок. На счастье рядом оказался этот человек. Он фактически спас мать от смерти. Ведь если бы он не пришел ей на помощь, она бы могла остаться лежать на улице и замерзнуть.

Этого солдата звали Михаил Сергеевич Можаяев. Он был родом из Алтайского края. Служил в Ленинграде, охранял мосты от налетов вражеской авиации. Этот человек стал для Володи вторым родным отцом. Он спас его и мать от голодной смерти. Часто стал приходить в гости и всегда приносил что-нибудь поесть. Питаясь этими продуктами, они и выжили. То мерзлую картошку где-то раздобудит, то кошку. «Если мне сейчас кто-нибудь сварит кошку, я кошачье мясо узнаю по одному запаху. Однажды отчим принес откуда-то кошку, начал точить нож, чтобы ее зарезать и сварить суп. А кошка, как будто, почувствовала свою гибель, начала метаться по квартире и жалобно мяукать. Я тогда очень болел, был слабенький и ус-

нул. Как отчим убивал кошку и разделявал ее, я не видел, был в забытьи. Помню только, как меня разбудили и сонного кормили этим сваренным мясом. Вот особенный вкус и запах этого мяса я отчетливо помню до сих пор», - вспоминает Владимир Иоахимович.

В конце 1944 года отчим и мать поженились. После снятия блокады он остался жить с ними в Ленинграде. Работал надзирателем в питерской тюрьме «Кресты».

«ПРОДОЛЖАЛИ ЖИТЬ ВПРОГОЛОДЬ»

Послевоенная жизнь в Ленинграде тоже была очень трудной. Жили впроголодь. Отчим предложил матери переехать в Алтайский край на свою родину. У его родителей в деревне был небольшой дом с огородиком и домашней живностью, и ему казалось, что там будет легче выжить и прокормиться. В 1947 году, когда Володя окончил второй класс, сдали свою ленинградскую квартиру и уехали на постоянное место жительства в Алтайский край. Поехали с надеждой, что на Алтае их ждет сытная сельская жизнь и свежий деревенский воздух.

Но надежды не оправдались. Мама и отчим пошли работать в колхоз. Мама - в поле, отчим - на конюшню. С 1947 по 1950 год на Алтае свирепствовали засуха и неурожай. Колхозники были нищими людьми. На трудодень крестьянин зарабатывал 300 граммов зерна в день, а проедал килограммовую булку хлеба. У родителей не было папспорта. Уйти из колхоза жить и работать в город, было нельзя. Сельские жители по сути, стали крепостными колхозов и не распоряжались своей жизнью. Сам Владимир Иоахимович начал трудиться в колхозе с 12 лет. Сначала на сенокосе, а потом на полевых работах. Вступил в комсомол и в начале 50-х годов принимал активное участие в освоении Алтайских целинных и залежных земель. Его даже за ударную работу награди-

ли медалью.

Он был молод и силен и его как магнитом тянуло в город. В деревне не было ни электричества, ни радио. Вечерами жили при керосиновой лампе. А в городе, было не только электричество, но работали и кино-театры, Дворцы культуры и эта жизнь притягивала. Было только два «законных» способа вырваться из колхоза и уехать жить в город. Первый - начать дома гнать самогон, «попасться» участковому и «загнать» в тюрьму на два года. После выхода из тюрьмы, отбывшему наказание давали справку об освобождении. И уже по этому документу можно было получить долгожданный паспорт и уехать жить, куда хочешь. Все нынешнее население Абагура Лесного в Новокузнецке - переселенцы с Алтайского края, «бывшие самогонщики».

Или просто пойти служить в армию. С 1957 по 1960 год проходил службу в танковых войсках в ГДР. Демобилизовался. Приехал в деревню, получил паспорт. Председатель колхоза предлагал остаться в деревне участковым. Долго уговаривал, но он уже твердо решил уехать в город.

Приехал жить и работать в Прокопьевск. Привлекала работа и заработная плата шахтера. Это уже были живые деньги, а не «палочки-трудодни». У отчима в Прокопьевске жил родной брат, у него и остановился. Пришел устраиваться на работу в отдел кадров шахты «Коксовая». Подал военный билет и паспорт. И только тут выяснилось, что, уехав из деревни, он не выписался по месту жительства и поэтому принять на работу не могут. Настолько был «отсталым» сельским жителем, что не знал общеизвестных вещей, что, уезжая, надо выписываться, а приезжая, прописываться. Ему же казалось: если у человека есть паспорт он – «птица свободная». Теперь вы можете наглядно, представить, насколько резко различался жизненный кругозор сельских и городских жителей.

1960 года Владимир Иоакимович живет в Прокопьевске. Общий трудовой стаж 40 лет. Из них 22 года трудился на угольных предприятиях горнорабочим и проходчиком. Женат, у него двое детей: сын и дочь.

ОБ ЭТОМ ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ.

«Удостоверение блокадника» получил очень поздно, только в 2000 году. До этого несколько раз делал запросы в соответствующие органы, но оттуда приходили дежурные отписки: мол, документы, подтверждающие проживание в блокадном Ленинграде, не сохранились. Уже не веря в успех своей затеи, написал в Министерство обороны. Наверное, ему попался очень добросовестный чиновник, который поднял нужные документы и нашел всю информацию о нем и родителях и выслал необходимые справки. Бывший мэр Ленинграда Владимир Анатольевич Яковлев прислал значок и удостоверение жителя блокадного Ленинграда. С этими документами пришел Владимир Иоакимович в городской отдел социальной защиты населения и ему присвоили все полагающиеся по закону льготы. Сразу же вступил в городское общество жителей блокадного Ленинграда, которое долгое время возглавляла очень добрый и отзывчивый человек - Майя Александровна Ванюпша. Когда она сложила свои полномочия, в связи с тяжелой болезнью, Владимира Иоакимовича Власова избрали председателем.

Не все знают, что в Прокопьевске в годы войны действовал детский дом, в которой прожили эвакуированные дети-сироты из блокадного Ленинграда. Некоторые из тех воспитанников до сих пор проживают в Прокопьевске. Недавно общество «Жители блокадного Ленинграда» организовало встречу бывших детдомовцев с Мысякиной Людмилой Станиславовной и Сычевой Людмилой Фектистовной.

НЕ ЗАБЫТЬ ДО КОНЦА ЖИЗНИ

Большую помощь обществу оказывает губернатор области Аман Гумирович Тулеев и глава города Валерий Анатольевич Гаранин. Когда В.И. Власова избрали председателем общества, Аман Гумирович подарил ему сотовый телефон, а Валерий Анатольевич выделил 10 тысяч рублей на телефонные переговоры по нуждам нашего общества. Ветеранам уже по 70-80 лет. И прожить без помощи со стороны очень трудно. Члены общества часто посещают школы и другие

учебные заведения города. Рассказывают молодежи о прошлом нашей Родины, о тех нелегких испытаниях, которые легли на плечи старшего поколения. Об ужасах, которые пережили жители блокадного Ленинграда, никогда нельзя забывать.

Р.И.Кулябина,
председатель
Прокопьевского городского Совета
ветеранов войны и труда

АЛЕКСАНДР КОЛТУН

ГДЕ ТЫ, ГЕНА?

Шёл 1949 год. Я служил на эсминце «Властный». Это был третий год моей службы. На флоте то-гда служили пять лет. В одно из увольнений на берег, в колодце теплотрассы (был холодный осенний день) обнаружили 12-летнего мальчишку. Он был грязный, полураздетый и дрожал от холода. В то послевоенное время беспризорных детей было очень много. Мы привели его на корабль. Накормили, отмыли, одели. На общем собрании экипажа его зачислили юнгой, а меня избрали воспитателем и учителем. Гена был смышленным, исполнительным, он очень быстро ус-воил азы морской службы. Инструкции, а их было много, знал назубок. Накупили учебники за 5-6 клас-сы. Учился он удивительно легко. Гену я любил и очень к нему привязался. Он отвечал взаимностью. Кстати, его любила вся коман-да. Наш матросский рундук был всегда полон сладостей.

В те годы флот СССР выходил на океанские просторы и активно пополнялся новыми кораблями. На новые корабли, ещё строящиеся, направляли ста-рослужащих. Меня командировали в Ленинград, но писарь мою фамилию вписал в Комсомольск-на-Амуре вместо своего товарища, и я поехал в Комсо-мольск. Прощание с Геной было тягост-

ным. Он пла-кал и просил взять с собой, прослезился и я. Но служба есть служба. Уже в Комсомольске я узнал, что Гена сбежал с корабля, оставив записку. «Поехал в Ленинград, искать старшину»: В Ленинграде его не оказалось. Его искали комендатура, контр-разведка, милиция, но он как в воду канул, то есть исчез бесследно.

Прошло много лет, мне уже сейчас 80. Я помню до сих пор этого смышлёного мальчишку - юнгу. Так и хочется крикнуть: «Где ты, Гена? Отзовись!»

9-С МАЯ 1945 ГОДА

С восьми работа, как обычно.

Кругляк катали. Горячо!

«На митинг!» - крикнул мастер зычно,

И необычно ткнул в плечо.

За проходную и на площадь!

Как есть в спецовке, весь в поту.

А там плакат ветер полощет,

Вдруг стало солоно во рту.

128 Парторг завода объявляет:

(С трибуны, сбитою на раз) -

«Победа!» - Эхо повторяет.

И слезы хлынули из глаз.

«Победа!» - в воздухе несётся.

Победный митинг у ворот.

Толпа и плачет и смеётся,

Кто-то «Ура!» взახлеб орет.

В цех возвращаюсь. Стан грохочет.

А из груди восторгом прет...

Стан и рыдает и хохочет.

«Победа! Победа! Победа!» - ревёт.

апрель 2010г.

Колтун Александр Харитонович родился 11 октября 1928 года в селе Тальменка Яшкинского района Кемеровской области.

До войны закончил 6 классов. Трудиться начал, ещё учась в школе, работал на колхозных полях и в г. Салаире пас коров.

1942-1947гг. работал в прокатном цехе Гурьевского металлургического завода. 1947-1952гг.. служил на кораблях Тихоокеанского военно-морского флота. 1953-1955гг. работал и учился в школе рабочей молодежи. Получил аттестат зрелости. 1955-1959гг. служил в погранвойсках офицером. 1960-2004гг. жил, учился и работал в Москве. Получил высшее образование. Прошел путь от рабочего до главного специалиста Главка Министерства.

В 2004 году ушел на заслуженный отдых, вернулся в Сибирь: вначале на Алтай, затем в Кемеровскую область. Начал писать. Печатался в различных газетах Алтайского края. Издал 2 сборника стихов и рассказов. Живет в селе Талая Юргинского района в доме-интернате.

ДЕТСТВО ВОЕННОЕ

Всю ночь, блуждая по цехам завода,
Голодный, я столовую искал...
Давно мне снятся сны такого рода,
Детей войны режим тот не ласкал.
Сыт иль голодный - стан и знать не хочет,
И гонит он пылающий металл.
Гремит, ревет, ругается, грохочет,
Я ж чуть живой — до чёртиков устал.
А пот струится по спине и с носа,
Всем телом к вентилятору прильнуть
Так хочется. Но фронт металла просит,
И как с пути военного свернуть?!
И зубы сжав, и утираясь робой,
И поборов усталость, маяту,
И там за проходной оставив робость,

И с ней недоедай ъя, тошноту.
С проклятым фрицем бой уж под Смолен-
ском,
Враг ломит силой русские полки.
Где-то отец воруго бьёт под Энском.
Сводки с войны тревожны и горьки.
И утром изменялась карта фронта,
(Что всю войну висела на стене).
Металл давали мы на гибель монстра,
Весь пыл души - священной той войне.
И так трудилось детство до Победы...
Мы ж как на фронте встретили её...
До сей поры сороковые годы
Сопровождают наше бытиё.

д. Талая
апрель 2011г.

НЕЛЛИ СОКОЛОВА

ЧЕМУ СЛУЖИЛА И СЛУЖУ

*Неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года –
От жизни тех солдат, что в битвах
пали,
На свете не останется следа?*

Тревожила память поэта-солдата, кузбассовца Михаила Небогатова. Да разве его одного? Разве не о том же часто думали и думают те, кто уцелел в сражениях Великой Отечественной? Или те, что были в военные годы детьми, а на фронте бились с фашистами отец, старший брат? А никогда не оправившиеся от горя матери и так и не ставшие жёнами невесты? Из крупиц индивидуальной памяти людей, их печали, страданий, надежд и радостей слагается память народная, а она бессмертна. Есть у этой памяти свои стражи, свои хранители.

– Полагаю, далеко не всегда я делала правильный выбор, правильные шаги. Но всегда знала, куда нужно было идти: налево, направо, прямо – чтобы принести людям большую пользу. Знаю одно – не сбивалась с главной, столбовой магистрали... Я всю жизнь занималась наукой (не кабинетной). Много, очень много работала в архивах страны над документами Великой Отечественной войны по Кузбассу и Сибири, проводила многочисленные встречи молодежи с ветеранами разных фронтов, с родными и близкими погибших, записывала, обрабатывала, публиковала их воспоминания, увековечила десятки тысяч имен живых и павших в боях за Родину кузбассовцев.

Так рассказывает о том, что вело её по жизни, руководило всей творческой и общественной деятельностью Зинаида Прокофьевна Верховцева, ученый, педагог, известный не только в Кузбассе человек. Рассказывает в только что вышедшей в свет своей книге «Дело всей жизни» (Кузбассуиздат, 2013, 152 с.), подводит итоги: чему служила, что смогла сделать.

Обожгло душу горем людским, страхом смерти да и самой смертью, что была совсем рядом, ещё в детстве, в сорок первом, на прифронтовой станции Кочетовка, обожгло, да так и не отпустило. Дочь фронтовика, позднее жена фронтовика, спустя десятилетия пошла она по бывшим фронтовым дорогам с поисковыми научными экспедициями. Тогда ещё находили непохороненных солдат, их медальоны, устраивали братские могилы, ставили памятники и обелиски, вели скорбный счет погибшим.

Во многих сражениях отличились сибиряки, в том числе и кузбассовцы. Но долгие года почти не было публикаций об их вкладе в Победу. Придя после окончания Кемеровского педагогического института в отдел истории Краеведческого музея, а затем уже и на преподавательской работе в вузах, З. Верховцева исследовала эту тему, встречалась с ветеранами войны, читала их воспоминания, книги, участвовала в работе научных конференций, изучая тысячи документов в архивах. В Центральном архиве Министерства обороны в Подольске, куда открыли доступ военным историкам, хрупкая молодая женщина была непривычной фигурой, там прозвали её « школьницей.» А она сидела за столом с утра до позднего вечера, пока не истекал срок очередной командировки. Возвращалась в Кемерово с добытыми ею материалами, и в результате в музее открывались новые экспозиции, в газетах и научных журналах появлялись статьи, а потом стали выходить книги.

«Рубежи бессмертия (Кузбассовцы в боях за Родину. 1941-1945 г.г.),», «Солдаты Сибири. 1941-1945г.г., «Стояли насмерть. 1941-1945», «Величие подвига.», «Вместе сражались за Родину.», «Гордость и слава Кузбасса. 1941-1945.» – без этих книг уже невозможно представить историю Отечественной войны. Сибирское отделение Академии наук отметило, что труды З. Верзовцевой отличается фундаментальность, объективность, высокая историческая достоверность. Они прочно вошли в научный оборот, в том числе академических изданий, существенно обогатили отечественную науку, историческую культуру Кузбасса, Сибири, Российской Федерации.

А для Зинаиды Прокофьевны несравненной ни с чем радостью были отзывы самих участников сражений. Полковник в отставке Александр Иванович Горбачев пишет ей из Новосибирска: « Самым ценным в Вашем труде является историческая достоверность. «Рубежи бессмертия» – это не вымысел, а живая суровая правда без всякого преувеличения... Это первая ласточка в Сибири, первая попытка исторического исследования и литературного обобщения героизма не отдельной группы воинов или даже отдельной дивизии, а группы сибирских соединений, действующих в разное время и на разных участках фронта...»

Леонид Николаевич Пономаренко, Герой Советского Союза, писал о книге «Гордость и слава Кузбасса» : «Большого уважения к участникам Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. не встречал ни в одной подобной книге. Это настоящий гимн подвигу, мужеству, это памятник самопожертвованию советских людей, моих земляков... Это настоящий учебник патриотизма для подрастающего поколения...»

Годы идут, изданные (некоторые дважды) десятитысячными тиражами книги эти исчезли с полок магазинов, обветшали в би-

блиотеках. Разве будут они не востребованными в будущем? Не прочитаны теми, кому необходимы как путеводный луч в сегодняшней России?

...Нынешней осенью, в сентябре, Зинаида Прокофьевна Верховцева вместе со своим небольшим коллективом завершила труд, поистине завещанный от Бога – двадцатитомную «Всекузбасскую Книгу Памяти». Увековечены в ней имена более 150 тысяч кузбасских воинов, сгоревших в военных сражениях. Это низкий поклон им от ныне живущих, нетленное зернышко в Память народную.

О том, как создавалась книга, как более двадцати лет назад, в январе 1989 года ЦК КПСС принял решение о создании Всесоюзного печатного памятника погибшим в Великой Отечественной войне защитникам Родины вы прочтете в главе «Из истории создания». Во всех республиках, краях и областях, в том числе и в Кемеровской, началась тогда грандиозная работа по выявлению имен погибших в архивах военных ведомств, соцобеспечения, изучались списки, присланные с мест захоронения, умерших в госпиталях, донесения Центрального бюро по учету боевых потерь, выписки из приказов Главного Управления Кадров Наркомата Обороны СССР, другие документы центральных и местных архивов... В патриотическое это движение-поиск было вовлечено множество людей, в том числе студентов, даже школьников. Руководила им Областная Администрация и вдохновлял, не оставлял своей заботой губернатор Кузбасса А.Г. Тулеев. Все сведения стекались в созданную редколлегию «Всекузбасской книги Памяти». Живо представляю тот момент, когда при выборе редактора-составителя многотомного издания бывший тогда зампредседателя облисполкома Г.В. Корницкий говорит: «Верховцеву. Все равно больше некого.» Вспоминает Зинаида Прокофьевна

Притчу нашего земляка Василия Федорова о Строителе, что взвалил тяжелый камень на плечи поэта и велел его нести на вершину горы: «Там будет храм». Согбенный усталостью, не один раз хотел сбросить поэт этот камень, но всякий раз спрашивал себя: «А кто же понесет его наверх? Когда не я, то кто же?» Верховцева приняла этот камень и несла почти 25 лет.

Для тех, кому не доведется прочитать книгу «Дело всей жизни» (тираж её очень мал), будет непонятно, чем уж так тяжел «Камень», скажу только, что напряженности, ответственности, физической трудности работы даже только над проверкой списков не выдерживали многие сотрудники, приходившие в коллектив. Очень короткое время занималась этим и я – проверяла составленные по начальным буквам фамилий уже публиковавшиеся в газетах и брошюрах списки погибших. И вот читаешь, например: Иван Иванович Меткин. Год и место рождения, когда, где и кем призван в ряды армии, в каких войсках служил, дата гибели, место захоронения. А через несколько строчек фамилия Меркин, и все остальные сведения совпадают, кроме даты или места гибели. И есть ещё Медкин! Кто же это все-таки?...

Первоначальные списки ведь составлялись по малоразборчивым документам, заполнявшимся в полевых условиях, часто под огнем. Не каждая буква в написании понятна. Вот и сверяешь имена и фамилии по другим документам – похоронкам, письмам в солдатских треугольниках, письмам родных, прочитавших уже дорогое имя, опубликованное в газете. Это одна только чисто техническая деталь, один штрих в многотрудном процессе создания печатного памятника. А у научного руководителя, организатора всей работы было их бесчисленное множество. Скорректировали они, подчинили и личную жизнь З. Верховцевой исполнению этого гражданского подвига.

Вышел последний, 20-й том. Наша «Всекузбасская Книга Памяти» признана лучшей среди подобных изданий в стране, награждена многими грамотами, дипломами, медалями российских военных и общественных комитетов. Отличается она не только высокой исторической достоверностью, но и всей своей обращенностью к дню сегодняшнему, сердечностью, теплотой, бесконечным уважением к павшим за Родину. С трепетным бережением собраны и помещены в ней отрывки из писем, у кого-то сохранившиеся маленькие фотографии, воспоминания товарищей, что были рядом в боях. И много прекрасных стихов из сокровищницы советской военной поэзии. То, что порой не сказано в документах, звучит в проникновенных строчках поэтов-фронтовиков. Для родных и близких, детей, внуков и правнуков зачастую только том Книги Памяти, где сказано несколько строк о дорогом человеке, прежде считавшимся «Без вести пропавшим» – единственная весточка о его судьбе. И плачут, бывает, над ней, и ставят на видное место в годовщины Победы.

А Зинаида Прокофьевна Верховцева, редактор-составитель «Всекузбасской Книги Памяти», автор книг о воинах Земли Кузнецкой, педагог, воспитатель молодежи, ведущий сотрудник Кемеровского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук, Почетный гражданин Кемеровской области, и в свои 80 лет идет дальше по выбранной в юности дороге. Книга её «Дело всей жизни» заканчивается главой-планом, что надо сделать в предверии 70-летия Великой Победы. Покой ей и не снится. Имя не каждого погибшего солдата ещё увековечено. Есть и желающие переписать историю, увести молодежь тропой забвения не только дорогих имен доблестных воинов, но и того, за что они сражались насмерть. Так если не мы, то кто же?

СЕРГЕЙ ПОДГОРНОВ

ДОМ

1

Когда я родился, отец и матушка начали строить дом.

А до этого мы жили в старой, приплюснutoй хибаре – окна были у самой земли. Первые проблески сознания связаны как раз со стройкой. Точнее, с тем, что не стало домом – с опилками, щепками и стружками: они годились для любых игр. И вся окрестная ребятня признавала ценность моих обладаний. Еще помню, как один из плотников, дядя Володя, ласково говорил: «Скоро в новом доме, на теплом полу в горшок ссать будешь».

О той жизни, что была у родителей до меня, я узнал позже из рассказов матери. Они с отцом уехали из своих деревень (отец – раньше) и устроились в Асинске. Возможно, где-нибудь в другом месте им пришлось бы легче, но выбор у них был небольшой. Деревни располагались недалеко от Асинска, и часть родни была деревенской, а часть уже перебралась в город.

Встретились они до войны, поженились, а в 42-м отца взяли в армию. К этому времени они уже купили домик на Пожарной улице – маленький, гнилой и холодный. В этом холодном доме первая их дочка, моя сестра, переболела менингитом и осталась инвалидкой. Несколько операций, чтобы хоть зрение вернуть, ни к чему не привели, и новосибирский профессор, сжалившись, сказал: «Не мучайте ее, пусть живет, как есть». Но это было потом. А пока отец отправился воевать, а матушка с больной дочерью и коро-

вой-кормилицей остались на хозяйстве.

Вернулся отец в конце сорок пятого. Жизнь понемногу налаживалась, и в начале пятидесятых они перебрались в другой дом – такую же развалюху, но размером чуть больше. Они много работали, держали корову, поросят. Картошку и овощи выращивали в огороде – матушка была мастерица по части солений и варений. Они долго не решались заводить других детей.

Я оказался вторым и последним ребенком в нашей семье. А поскольку я был поздним, из положенных мне двух дедушек и двух бабушек в живых я застал только бабушку Ефросинью, которая жила в деревне и умерла через три года в возрасте восьмидесяти лет. Я почти не помню ее. Поздний ребенок – это неправильно. Родители должны быть молодыми, чтобы у детей были дедушки и бабушки. У многих моих сверстников – были. А некоторые проживали с ними. Как же я завидовал этим своим друзьям – им больше доставалось внимания и тепла, ведь родители часто заняты.

Но как уж вышло – так и вышло. И я вправе упрекать ни отца, ни мать. На меня, как на опору их в старости и продолжателя рода, возлагались все их надежды.

И тогда они начали строить дом.

2

Я подрастал в те времена, когда деньги имели вес, и за три копейки можно было купить пирожок с ливером, за пять – вареную кедровую шишку, а за копейку – коробок спичек. Городская газета пестрела отчетами о партийных собраниях, с пьедестала вождь выбрасывал ладонь к гастроному, названному в народе Извековским, а горком КПСС являлся местом, откуда раздавались ухажующие и ахающие звуки. 1 мая над городом летал «кукурузник» и сыпал листовки с призывами.

Радиоприемничек – коричневая коро-

бочка на стене – был всегда включен, и день начинался государственным гимном. И, скажу, что это совсем не глупо – знать, что страна на месте, что жизнь в ней идет тем же порядком, что и вчера, позавчера, неделю и месяц назад, и что можно спокойно вставать и заниматься своими делами. Когда на американском западе фермер каждое утро поднимает флаг страны над своим ранчо – чувства у него, я думаю, те же самые.

Хотя улица, на которой мы жили, называлась Болотной, но никаких болот вокруг не было, дом стоял на пригорке, на видном месте, и был подчеркнута красив. Тогда он мне казался невероятно просторным, светлым и даже горделивым. Матушка иногда ворчала: зачем нам в большой комнате четыре окна? Трех хватило бы, а то и двух. Но зато в морозный январский день, когда низко, по краю неба проходило солнце, в комнате было столько света, что, казалось, в окна заглянула весна. Я до сих пор удивляюсь: как, живя очень скудно, отец и мать сумели скопить на дом? Тем более, что прижимистыми они не были, любили погулять и в праздники собирали большие компании родственников и соседей. Их сходки отличались не богатым столом, а раздольным весельем, песнями и частушками, плясками под гармошку. Как я теперь понимаю, те гулянки были отдушинами от повседневных тягот.

Долго еще после вселения в новый дом мы жили стесненно – родители отдавали долги.

С самых первых лет дом был надежной защитой от всего, что несло угрозу. Дождь хлынул – бежишь домой, старшие пацаны обидели – бежишь домой. Не пожаловаться, нет, а потому, что сюда они не доберутся.

Еда у нас была простая, но сытная – борщ, картошка с салом. А зимой мы рассаживались вокруг стола и лепили пельмени. Их на листах выносили на мороз, а затем ссыпали в платяной мешочек. Когда ма-

тушка набирала их в чашку, чтобы сварить, они гремели, как камешки. Такая еда вовсе не казалась однообразной. В моем детстве картошка была удивительно рассыпчатой. У сваренной в кастрюльке отслаивались чешуйки. Не зная сортов, матушка называла ее по цвету кожицы, как армии в гражданскую – белой и красной, но различий по вкусу не было никаких. Картошка была хороша в любом виде – и в жареном, и в толченом, и в мундире. К ней на стол подавалось, что угодно: и капуста с лучком и растительным маслом, и маринованные огурчики, и помидоры. Любой собранный на скорую руку салат годился к картошке.

А еще у дома были свои, только ему присущие запахи. Родные, привычные, милые запахи. Пахли борщ и жареная картошка. Пахло внесенное с мороза выстиранное белье. Еще десяток тонких, едва уловимых запахов. Прибежишь морозным деньком из школы, скинешь пальто и валенки, и душа нежится от охватившего ее уюта.

3

Частью нашего семейства всегда были кот или кошка. Одни жили долго, другие, поймав отравленную мышь или заболев неведомой болезнью, погибали быстро. Кошки заслуживают особого разговора. Дом без кошки теряет часть уюта. Кошка, даже самая шкодливая, всегда настроена дружелюбно. Каждый из нас любит, чтобы его погладили, но только кошки этого не скрывают. Ее благодарное мурлыканье греет душу. Если в доме имеется кошка, вы уже не одиноки, вам всегда есть с кем пообщаться. Когда у вас плохое настроение – достаточно взять на руки кошку, и оно улучшится.

Вот так мы и жили – росли, выросли и старились под одной крышей.

Однажды в крышу ударила молния, отколов от стропила изрядную щепку. Пожара, однако, не случилось. А щепку ту матушка

хранила в комоде: считалось, что такая щепка оберегает от бед. Беды и впрямь долго не посещали наш дом. Разве что состоялся незапланированный переезд. Улица попала под снос, родители разобрали дом и перевезли его. Была возможность получить квартиру в пятиэтажке, но такой вариант даже не рассматривался. Если кто из соседей и заводил разговор, ответ у матушки был один: как же мы без дома? Мы, как черепаха, таскающая на себе панцирь, вместе с домом переехали на новое место. Оно было выбрано в самой гуще близких родственников. По левую руку оказалась матушкина сестра, по правую племянница, напротив – еще одна племянница.

И на новом месте дом выделялся, он был свеж и, хотя стоял не на пригорке, все равно притягивал к себе взгляды.

Родители жили дружно, время летело незаметно, а события повторялись. Картошку высаживали в конце мая, а копали в сентябре, уголь и дрова заготавливали в августе, поросят покупали весной, а кололи на мясо в ноябре. Я же подрастал не быстро, летом дотемна гонял мяч, зимой разрывался между лыжами и хоккеем. В пору созревания много думал о девочках, и было не до уроков. А мать с приближением выпускных экзаменов лелеяла мечту, что поступлю учиться на инженера куда-нибудь поблизости – в Томск или Кемерово. Однако мы с приятелем рванули на Дальний восток.

Этот выбор сведущий Колька объяснил так: в Подмоскovie и Донбассе мы пожил (его отец был горным инженером), – там ничего интересного, Сибирь посмотрели, остается – Владик.

Собственно, во Владивосток ринулся Колька, а меня прихватил за компанию. В большом городе наши пути сразу разошлись, но я и сам начал быстро осваиваться. Университет, дальние практики. Затем – конструкторское бюро, работа в море. В те дни я был легок на подъем. Здраво рас-

суждая, что переночевать везде найдется, а остальное решается само собой, я через пять минут был готов в любую дорогу...

Дальневосточный вояж продлился четырнадцать лет.

4

Я вернулся, потому что по-другому было нельзя. Надо иметь привычку жить в большом городе. Если такая привычка не вырабатывается – все остальное теряет смысл. Мои общежитские комнаты и съемные квартиры редко бывали ниже четвертого-пятого этажа. А это не способствует укоренению. И усиливает одиночество. Одиночество – как палка о двух концах. И благодатное, и тягостное. С годами перевешивает второе. Его или накапливаешь в себе, или порываешь с ним. Я выбрал второе. У меня была жива матушка, и был дом.

Когда поезд мчится вдоль Асинска, из вагонного окна мало что разглядишь. Угольные пласты из под города вычерпаны, пустоты сомкнулись, и Асинск оказался в яме. Не случайно волны времени прокатывались над ним, не задевая.

Дом внешне не изменился. Лишь постарел. К дому, как и к человеку, немощ подкрадывается снизу. У человека слабеют ноги, у дома потрескался фундамент, и нижние два звена сгнили. Я вернулся вовремя: дому требовался ремонт.

Для начала я кликнул родственников, чтоб подсобили. Родственники вежливо отказали, ссылаясь на занятость. Тогда я, не торгуясь, призвал бригаду из трех пенсионеров. Как выяснилось вскоре, с плотницкой работой дело имел только бригадир, да и то отдаленное. Двое других с интересом ходили следом, наблюдая за его манипуляциями. Только тут до меня дошло, что самостоятельность в Асинске не только на сцене... Видя, что я попал впросак, подтянулись и родственники. Они схватили обтесанное за

оградой бревно и потащили к дому. Последним прибежал дядя Витя.

- Не так, не так! – закричал он еще издали.

Родственники бросили бревно.

Подбежав, он первым делом спросил:

- Ну и что вы тут делаете?

Как мы, подводя два новых звена под дом, не развалили его окончательно, я до сих пор объяснить не могу.

5

Когда я вернулся, отца уже несколько лет не было в живых.

Дом и отец – они неразрывны. От его взгляда не ускользала ни одна неполадка. Он иногда говорил матери:

- Люблю я наш дом.

Хотя я чаще вижу во сне мать, но похож на отца. Отец всегда уходил в тень. Если бы в те годы у меня хватало мозгов, я бы больше приглядывался к нему. А что я тогда замечал? Всякую ерунду! Он носил галифе настолько расширенные кверху, что в ветреную погоду скорость его движения существенно возростала. Я подсмеивался над этими штанами, а теперь и сам не гляжу на моду, а ношу то, что нравится. Он не читал газет, однако верил тому, что говорили по радио. Но верил отстраненно: мол, если говорят – так оно и есть. Я не могу представить его выступающим на собрании. Он и в компании, выпив, говорить тушевался. Я никогда не хотел повторить путь отца. Я всегда знал, что буду жить по-другому. Мне его жизнь казалась невыразительной.

Я начал понимать отца, когда его не стало. Начал понимать его потаенную мудрость и рассудительность. Он не мешал тому, что было устроено без него. Умно это было или глупо – его не интересовало. Доживи он до перестройки – вряд ли бы она его взволновала. Политики были для него фигурами абстрактными, не наделяя их индивиду-

альными качествами, он никому никаких предпочтений не выказывал. Важным для него было то, что можно охватить взглядом и пощупать руками. Точно также и с людьми: значение имеют те, кто рядом. С каждым годом он вырастает в моих глазах. На улице Чапаева стоят тополя. Когда-то отец сказал, что еще до войны высаживал их на субботнике. Я почти забыл об этом, а теперь всякий раз вспоминаю, когда прохожу мимо. Я теперь много чего вспоминаю. Например, то, что, будучи красноармейцем, он служил в Монголии, когда на весь Улан-Батор было два двухэтажных кирпичных здания. Есть фотография, где он с другими бойцами роет лопатой котлован. Что потом построили на этом месте – я не знаю. Возможно, это был дом. У него была цепкая память. Он помнил армейских сослуживцев – всех! – не только по фамилиям, но кто, откуда призывался и какие имел отличительные черты. Я же забыл три четверти одноклассников, да и помнить о них не хочу.

Он умирал терпеливо. Болезнь была вроде непогоды, разгулявшейся внутри него – с ней ничего нельзя было поделать, только ждать, когда все закончится. За неделю до ухода попросил отвезти на кладбище и там распорядился, с какой стороны от умершей годом ранее моей больной сестры копать могилу, и куда отбрасывать землю. Он определил это спокойно, по-хозяйски, без какого-либо надрыва.

Сейчас я понимаю, сколь многим в своем характере я обязан ему. Я даже Беккета полюбил прежде всего за облик – он лицом напоминает отца. В остальном ничего общего: никакого Годо отец никогда не ждал.

6

Когда отец умирал, наказывал матушке: не вздумай продавать дом. Она выполнила наказ. Хотя приходилось нелегко: и в доме, и около много работы, особенно с мая по

сентябрь – то посадки, то прополки, то сбор овощей и ягод. Но, странное дело, летом она не болела, ей было некогда. Болячки наваливались на нее зимой. А летом – какие болячки, тут не до них; и ничего они с ней не могли поделать. Земного срока ей было отпущено восемьдесят пять лет. А теперь в доме живу я и моя жена.

Вернувшись с работы, переступишь порог, и сердце екает: борщ сварен! Ни с чем несравнимый аромат разлит по всему дому.

Когда-то я наивно полагал, что самое простое и демократичное кушанье – это щи: мясо, капуста, луковица... Что демократичнее только глазунья. Немного растительного масла, два яйца на сковородку, десять минут ожидания и – готово. Вайль и Генис открыли мне глаза. Оказывается, за простецким именем прячется заносчивый аристократ. Он не приемлет свинину, только – говядину. Для него нужны два-три сухих гриба и крупно нарезанные соленые грибы. А забелка готовится из смеси сметаны со сливками. Рядом с этим дэнди – борщ всего лишь лохматая дворянка. Там всяких овощных кровей намешано. Этакое чучело к столу. Но ведь вкусно, черт побери!

Для того, чтобы приготовить борщ, берем не крупно порубленные свиные или говяжьи косточки. Желательно, чтобы на них было мясо. Варим до готовности, время от времени снимая пену. Через полчаса добавляем капусту. Я люблю квашеную, слегка отжатую – борщ тогда получается с кислинкой. Затем отправляем в кастрюлю картофель и свежие помидоры. После того, как помидоры поварятся, их надо достать, снять шкурку и размять. На терке натираем морковь и свеклу. Щепоть свеклы бросаем в бульон. На сковородке, на сливочном масле пережариваем лук, позже кладем свеклу, морковь, болгарский перчик и размятые помидоры; не повредят и полторы-две ложки томатной пасты. Когда заправка почти готова, влива-

ем в нее поварешку бульона и немного потушим. Все это помещаем в борщ, солим по вкусу, доводим до кипения и томим на медленном огне. В конце последний штрих – укроп, петрушка, лавровый лист. Через три-четыре минуты борщ готов. Разлив по тарелкам, обязательно заправим сметаной или майонезом. Борщ должен быть густым и красным. Если чего-то одного нет – это не борщ.

Настоящий борщ возможен только из овощей со своего огорода. В покупных, выращенных чужими руками, да еще и с добавлением разной химии вкус уже не тот.

7

Солнечным и жарким июльским вечером нет ничего отраднее, чем выбраться в огород. Я копаюсь в огороде и, выражаясь высокопарно, капли моего пота смешались в земле с потом родителей, сделав меня сопричастным семейному труду, который не прерывается много лет.

Без огорода дом не полон. Огород – одновременно и продолжение дома и уже не дом. В огороде – своя овощная цивилизация. Зеленое государство в миниатюре. Есть процветающий центр и слаборазвитые окраины. Их населяют разные народы. Роль финансовых потоков выполняют навоз и перегной. Они достаются огуречному парничку, грядкам и помидорной теплице. Есть приезжие с юга – слива, яблоня и две вишни.

И что бы я ни выдумывал, огород живет по своим законам. Морковка, свекла, репа... Это все шевелится под землей, раздаваясь в объемах. Произрастая каждый на своей грядке, овощи не конфликтуют, не ссорятся из-за территории, и я даже подозреваю, что они в чем-то разумней нас. Но чтобы картина не была абсолютно благостной, сумятицу вносят экстремисты: осот, мокрец и прочая шантрапа. Так что зло неизбежно даже здесь.

Каждое лето я дергаю крапиву, а она кривляется, строит рожи, лезет из-под кустов малины и жимолости, выскакивает вдоль стены крытого двора. Избавиться от нее бесполезно: русский бог на стороне юродивых.

Иногда грядки подвергаются нашествию варваров: слизней, колорадских жуков и гусениц. Тут в битву вступаю я. А еще за огородом приглядывает кошачье семейство – Тимка и Тошка. Тошка время от времени вылавливает самозвано объявившихся здесь полевок, Тимка гоняет всех посторонних – от котов до птиц. Наши с Тимкой пристрастия часто совпадают. Путешествуя вдоль морковной грядки с целью выбора одной нужных размеров, я часто обнаруживаю на другом конце мирно свернувшегося Тимку. Но, в отличие от меня, вершки устраивают его больше.

А в субботу вечером – баня. Какой дом без бани? Баню следует хорошо протопить и, конечно же, березовыми поленьями. Жар должен плотно облепать тело, а чтобы он был не ленивый, работающий – надо усердно похлестать себя веничком. Когда оплываешь на полке, как свеча, и дух заходится от блаженства, вот тогда ты становишься легок и свеж. Не случайно на Руси не столько замаливали грехи, сколько их смывали.

8

Чтобы зимой в доме было тепло, нужен хороший уголь. Привезти хороший уголь – значит, зиму зимовать без осложнений. Если уголь не греет – жизнь превращается в томительное ожидание весны. Хотя и печку топить тоже искусство. Не каждому оно под силу.

У нас в водоканале работал в кочегарке маленький юркий человек по прозвищу Веретешка. Его терпели, даже несмотря на запои. А все потому, что в Веретешкину смену горел не только плохой уголь, но и все, что он швырял лопатой в топку – земля, зола и

даже щебенка. Если б он не застрелился (несчастливая любовь), продолжать бы ему кочегарить по сей день.

Для начала требуется взять справку в ЖЭКе – о том, что у тебя свой дом, и что ты в нем прописан. С этой справкой едешь в гортоп и выписываешь талон на уголь. Тут же тебя обступают водители самосвалов, которые подрабатывают извозом. Они наперебой предлагают свои услуги, однако цена за подвоз у всех одна, и черта с два вам удастся ее срезать. Ты ото всех отбиваешься, потому что уголь тебе привезут, какой попало. Тут даже Шамову, знакомому с Динамитной улицы, доверять нельзя – два раза жульничал. Тут надо обратиться к Юдину, соседу. Он тоже доставкой занимается.

Юдин берет талон, смотрит в него (он вообще – обстоятельный) и говорит:

- Придется подождать. Будет хороший вагон, тогда сделаю.

А тебе куда спешить? Талон действителен сорок пять дней, времени впереди много.

Но проходит месяц – угля нет. Идет второй. Юдин при встрече отрицательно мотает головой. Три, два дня до истечения срока. Ты уже согласен на любой. Остается последний день. Идешь с работы и – о, радость! – возле калитки пятитонная горка угля. И в ней даже просматриваются комочки.

Значит, от морозов как-нибудь отобьемся!

9

Дом – не крепость.

Дом – твоя собственная вселенная. Он, скорее, открыт миру, чем закрыт от него. Но здесь ты все устраиваешь по своему усмотрению. В доме есть все, чего не достает за его пределами. А если все-таки чего-то нет – значит, сам виноват. Какие претензии ты можешь предъявить миру, если не в состоянии обустроить дом? Хотя, было время – предъ-

являли. Все эти засранцы – борцы за счастье народное – прежде всего порывали с домом. Когда ни перед чем нет обязательств, голова полнится идеями. К светлому будущему сподручней маршировать налегке – скарб не мешает. Поэтому всякий налаженный быт объявлялся мешанством.

Минувший век для России оказался веком бездомных. Разбросанные по стране лагеря и ударные стройки требовали наполнения и – наполнялись. Сорванные с насиженных мест лишались корней. Бараки, вагончики, коммуналки – эти суррогатные замены настоящего дома искалечили миллионы душ.

Возрождение начинается с дома. Не с квартиры на третьем или седьмом этаже, а с твоего дома. С установленного в нем по-

рядка. Вспапывай огород, делай грядки. Хороший урожай огурцов важнее конфликта с Грузией. Конечно, и тут можно все бросить и уехать, но оторваться от своего дома, от своей земли не то, чтобы труднее, но – жальче.

Любишь Россию? Тогда выращивай картошку и капусту! Если семья – ячейка общества, то дом, огород – сохранение государства на клеточном уровне.

И не думай, что это мелко. Общественный темперамент – вещь подозрительная. Оставь политику прохиндеям. Чем больше их наверху, тем меньше среди нас. Пусть они живут с печалью и гневом, и, само собой, с комфортом – не завидуй.

Ведь нам надо жить совсем иначе.

2011 г.

ГЕННАДИЙ
КРАСНИКОВ

ОТЕЧЕСТВО ПУШКИНА
В ОПАСНОСТИ!..

/К выходу в свет Антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..»/

*Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попра́нна от скота.*

Михаил Ломоносов

*Я полезу на нож за правду, за отечество, за
русское слово, язык!*

Вл. Даль

*Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*

Ярослав Смеляков

«БЫВАЮТ СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»...

И в самом деле «бывают странные сближения», как сказал гениальный Пушкин. Но они никогда не бывают случайными. Одна беда - у нас утрачен слух к предупреждающим вестникам. Вот и теперь пропустили, не заметили странного в своей закономерности совпадения (сближения!) сразу нескольких знаменательных для отечественной культуры дат в этом (2012-ом!) и примыкающих к ним в следующем году.

Так, ровно 150 лет назад, в 1862 году, появилась удивительная книга Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа», а уже в следующем, 1863 году (ещё один,

грядущий юбилей!), началось издание его же «Толкового словаря живого великорусского языка»!.. Драгоценные книги, по авторскому подвигу и по своему значению сравнимые разве что с «Историей государства Российского» Карамзина, воссоздающие во всей глубине, простоте и красоте историю русской души и русского духа.

А ровно 130 лет назад, в 1882 году, Иван Сергеевич Тургенев написал своё великое стихотворение в прозе «Русский язык», с его бессмертными, в каждом русском сердце запечатлёнными словами: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! - Не будь тебя - как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? - Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!».

В 1942 году, 70 лет назад, в дни Великой Отечественной войны, Анна Ахматова пишет эпическое стихотворение «Мужество», слова которого прозвучали как общая клятва, как соборная молитва, как строгий завет на все времена:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, -
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!*

Но есть ещё одна, более ранняя дата. В следующем, 2013 году, исполняется 230 лет со дня создания по воле императрицы Екатерины II Российской Академии (1783 г.), директором которой была назначена княгиня

Е. Р. Дашкова. Е. Р. Дашкова вспоминала: «... Однажды мы с императрицей прогуливались в её царскосельском саду, беседуя о красоте и богатстве русского языка. Я выразила её величеству удивление тем, что, будучи сама сочинительницей и толико любя наш язык, она до сих пор не учредила Российской Академии, необходимой нам, поелику у нас тогда ещё не было установленных правил и добротного словаря, кои избавили бы нас от глупого обыкновения употреблять иностранные понятия и слова, и это при том, что мы обладаем собственными и гораздо более выразительными. “Не знаю, как так получилось, - ответила мне императрица, - ибо вот уже несколько лет как я мечтаю об этом и даже отдала на этот счёт некоторые распоряжения”». В том же 1783 году приступили к работе по собиранию материалов для будущего «Словаря Академии Российской», ставшего первым толковым нормативным словарём, положившим начало русской лексикографии. А.С. Пушкин, считавший создание словаря «подвигом», писал: «Полный Словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев».

И думается мне, что хронологическое совпадение упомянутых знаковых дат с выходом антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» - только подчёркивает их промыслительную неслучайность!.. Видимо, вновь (может быть, в последний раз!) решается судьба России, судьба «великого народа», на глазах у которого нагло и бесцеремонно пытаются уничтожить его последнюю «поддержку и опору» - его веру и прекрасный русский язык...

ЯЗЫК ЕСТЬ ИСПОВЕДЬ НАРОДА

Именно язык и вера православная, несмотря на мученический XX-й и наступивший разрушительный XXI-й век, не дали

(не дают!) прерваться многовековой преемственности. Язык наша вторая купель после крещения... Его красоту Ломоносов неспроста называл «небесной» и предупреждал от будущего вражьего нападения:

*Языка нашего небесна красота
не будет никогда попра́нна от скота...*

Без сомнения, что –

*Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!*

(Н. Языков)

- уже сам по себе есть высшая поэзия и мудрость, на нём лежит безусловная печать гения его творца – русского народа. Оттого в художественном и творческом отношении мы по преимуществу являемся нацией Слова, в котором для нас соединились и музыка, и цвет, и пластика, и философия, и история, и психология, и земля, и Небо... П. Вяземский справедливо замечал:

*Язык есть исповедь народа:
В нём слышится его природа,
Его душа и быт родной...*

На основании всеми признанной красоты и богатства нашего языка должны мы признать, что душа русского народа по определению – поэтическая, художественная, творческая, «правдивая и свободная» (а отнюдь не рабская, как любят внушать нам клеветники России!) И несметное богатство это собрано в разнообразных словарях, своего рода скатертях-самобранках. Так, «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) хранит без малого 115 тысяч слов. «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля охватывает более 200 тысяч слов. В «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова — включено почти 90

тысяч слов. Это обилие, эта роскошь словесная – благоприятствовали созданию особого неповторимого литературного языка и уникальной по мировым меркам отечественной литературы.

Современный исследователь В. Журавлёв, ссылаясь на труды русского учёного-языковеда, князя Н. Трубецкого, так объясняет данную особенность: «Сохранение и приумножение традиций церковнославянской книжности, основанной богодухновенным подвигом “ваятелей славянской души” святых Кирилла и Мефодия, создаёт определённые преимущества русского литературного языка... К внутренним преимуществам Трубецкой относит богатство словарного состава, особенно в оттенках значения слов, наличия параллельных пар слов, построенных на противопоставлении бытового, обыденного чему-то возвышенному (палец - перст, глаз - око, рот - уста, голова - глава, город - град и т.п.)».

Сын Льва Толстого, Сергей, вспоминал, как отец,

работая над составлением «Азбуки» и «Книги для чтения», «не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля... Он говорил, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках и т. п., рассеяна по всей России; частицы её можно услышать то от одного русского человека, то от другого; а в целом они, дополняя друг друга, выясняют мировоззрение русского народа». И невозможно не изумиться тому глубокому уважению, которое, в отличие от сегодняшних не помнящих родства «реформаторов» образования, проявлял великий писатель к родному языку. А ведь не от барской блажи «чудил» Толстой, с 1849 года приступив к обучению крестьянских детей и открыв затем несколько начальных школ для крестьян Тульской губернии, - к педагогике он относился не ме-

нее серьёзно чем к литературному труду.

Соглашаясь с глубокой мыслью филолога В. Базылёва о том, что «коренные русские слова помнят всю мировую историю, свидетельствуют об этой истории, раскрывают её загадки...», поневоле задумаешься – а не по этой ли самой причине как раз и гнобят сегодня русский язык, национальное школьное образование, чтобы лишить нас памяти, родства со своей культурой, историей? Но язык – это ещё и духовная, нравственная энергия, передаваемая от поколения к поколению, и утрата такой энергии, через которую эти поколения как бы присутствуют и действуют вместе с нами в делящейся истории, - есть разрыв не только связи с этими поколениями, но и разрыв самой истории, утрата духа истории, исторического пути. Подобную ситуацию можно сравнить разве что с насильственной эвтаназией.

ВРЕМЯ ВАРВАРОВ

Если по Достоевскому сердце человека есть арена борьбы между Богом и Дьяволом («Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»), то можно не сомневаться, что сегодня в войне за Россию поле битвы – русский язык... Недаром Пушкин, вопрошая: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров?», на первое место ставил главное, что сохраняло народ как нацию, поскольку «предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому Богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования».

Профессор Архангельского университета Елена Галимова даёт такую оценку: «Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют “третьей варваризацией” (первая была в Петровскую эпо-

ху, вторая - после революции 1917 года)». Подтверждением тому научная работа В. Живова «Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева», опубликованная в журнале «Отечественные записки». Рассматривая книгу лингвиста А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926», описывающую языковые инновации, связанные с революцией 1917 года (издана в 1928 году), автор приходит к потрясающим по остроте и злободневности открытиям. Во-первых, говорит В. Живов, заимствования того времени «являются коммуникативно избыточными, без них можно было бы спокойно обойтись», и далее, самое важное открытие: «Это означает, что заимствования выполняют не прагматическую, а символическую функцию». То есть, речь идёт о насильственном внедрении заимствований, вносящих сущностное изменение в природу общества через изменение иерархии ценностей человека, а это и есть война на поле битвы языка, война на уничтожение прежнего человека в человеке, ибо принудительная смена символов через изменение, «денационализацию» (И. Ильин) его языка, есть сознательное зомбирование и расчеловечивание его. В. Живов объясняет смысл употребления подобных заимствований тем, что оно «символически осуществляет отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка. Изобилие заимствований в революционном языке оказывается, таким образом, манифестацией антирусской политики большевиков в 1910–1920-е годы».

Ещё одно интересное сравнение: «Стоит обратить внимание на то, что французская революция ни к какому разгулу заимствований не привела и в этом — при всех отмеченных Селищевым сходствах — заметно

отличается от российского катаклизма. Об этом отличии Селищев не говорит и этого феномена не объясняет... Учитывая символическую роль заимствований, его, однако же, нетрудно понять: во французской революции доминировала концепция национального суверенитета, абсолютно чуждая революции российской, носившей интернационально-русифицированный характер и замышлявшейся как часть революции мировой».

Поразительно, как всё повторяется вплоть до пресловутых «новых стандартов», до захвата вместе с вокзалами, банками и телеграфом – процесса «обучения» как «существеннейший механизм власти». Вот откуда упорство наших доморощенных глобализаторов в противостоянии с педагогической, научной, писательской, родительской ответственностью, вставших на защиту русского образования.

Характерно, что в эти времена последней (далее уже только - край, бездна!) «варваризации», «лингвистической революции» – признаком власти стала повальная жаргонизация всех областей жизни и деятельности, когда словарями «новой политической терминологии» становятся издания словарей уголовного мира и мата, словарей, в которых образцом и нормой для русского человека, выросшего на Пушкине, Толстом, Бунине, Есенине, - объявляется язык безграмотных гастарбайтеров. Времена, когда у детей в школе фактически отнимают родную речь, а вместо сокращаемых уроков русского - навязывают язык очередного интернационала, загоняющего Россию в концентрационный «скотный двор» глобализации.

«НО ЕСТЬ И БОЖИЙ СУД, НАПЕРСНИКИ РАЗВРАТА»...

*Нас, что ни ночь, разоряют станции
Всякой пролётной прожорливой птицы.*
(Н. Некрасов).

«Язык революционной эпохи, — пишет В. Живов, — это прежде всего специфический социальный инструмент, входящий в набор орудий культурной революции». Чему подтверждение российское телевидение, которое не только внедряет этот язык через оболванивающие развлекательные передачи, чернушные новости и криминальные сериалы, но прямо год за годом, десять лет без роздыха, выпускает специфическую программу «Культурная революция». Самопровозглашённый интеллеktуал, самоназначенный ведущий этой передачи, некогда министр, а затем экс-министр культуры, бессменный и незаменимый советник по культуре наших президентов, Михаил Ефимович Швыдкой, как все его революционные прародители — от Троцкого, вопившего: «Будь проклят патриотизм!», и Луначарского, предлагавшего отдать Храм Христа Спасителя под танцевальный зал для Айседоры Дункан, до главы Агитпропа ЦК КПСС Александра Яковлева, который в своей статье «Против антиисторизма» заявлял: «И то что его (русского человека) жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно» — также «вполне сознательно» продолжает дело «культурной революции», то есть, ведаёт, что творит, знает, «на что он руку поднимал»!.. (Характерная, кстати сказать, историческая разница в калибре фигур: всеми ругаемая царская власть для бесед и советов выбирала равных по своему статусу Ломоносова, Дашкову, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, а теперь по власт-

ным коридорам шныряют шоумен Швыдкой, Гельман, артисты, спортсмены).

Особый цинизм швыдковщины в том, что свои провокационные передачи по опшлению русской культуры — «Возможен ли русский язык без мата», «Русский фашизм хуже немецкого», «Пушкин устарел?», «Музеи — кладбища культуры» — светоч либеральных знаний осуществляет на государственном (!) канале «Культура» (!) на деньги налогоплательщика (то есть, того самого народа), чьи национальные святыни он попирает.

Александр Солженицын, будучи в изгнании, с горечью писал о зарождавшейся ещё в среде «третьей волны» эмиграции смены национальных символов, культурных знаков: «Эти освобождённые литераторы... — бросились в непристойности, и даже буквально в мат, и обильный мат... (Как сказал эмигрант Авторханов: там это писалось на стенах уборных, а здесь — в книгах.) Уже по этому можно судить об их художественной беспомощности. Другие, ещё обильнее, — в распахнутый секс. Третьи — в самовыражение, модное словечко, высшее оправдание литературной деятельности. Какой ничтожный принцип. “Самовыражение” не предполагает никакого самоограничения ни в обществе, ни перед Богом».

Но непотопляемым телевизионным топтунам и плясунам на русской истории и культуре недостаточно просто смены «символов», «разрыва с национальным прошлым», или как говорит госпожа И. Прохорова, — «демифологизации». По сути, речь идёт об изменении национального и культурного кода русского народа. Идейный патрон и благотворитель Прохоровой Сорос вместе с нашими «демифологизаторами» в один голос поёт: «Русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм». А господин Б. Парамонов на радио «Свобода» без обвиняков заявляет, что нуж-

на «мутация русского духа» от православия к «новому типу морали», нужно выбить русский народ из традиции», впрочем, мало чем отличаясь от здешних Парамоновых...

Однако, странные эти люди, наши непрошенные «просветители» и «цивилизаторы», так напоминающие энтузиастов начала прошлого века, которые то подобно герою Олеси «поют по утрам в клозете» от распирающих их рефлекторно чувств, то, как в повести Платонова, режут колбасу на крышке гроба ещё не застывшего покойника, то с большевистской прямоотой (как в платоновской же «Москве») ищут душу в прямой кишке... Тысячи раз повторив нам заезженную песенку про «патриотизм – последнее прибежище для негодяев», они тем самым по признакам формальной логики открыто объявляют себя «антипатриотами», то есть не любящими Россию. И немудрено, что вся эта антипатриотическая рать с гиканьем и улюлюканьем морально санкционировала омерзительное поругание Храма Христа Спасителя - Храма русской воинской славы зоологическими кошунницами. Какую свободой «самовыражения» не прикрывались бы эти всемирные адвокаты дьявола, но цель их открытой войны железным военным языком выразил Бжезинский: «После устранения коммунизма у нас остался единственный враг – Православие». А по Сэмюэлю Хэнтингтону - «Цивилизация заканчивается там, где начинаются православные храмы», иными словами, цивилизация начинается там, где гадят в храмах, где уничтожают национальные святыни, где, говоря языком «цивилизованного» Ренана (объяснявшего наше несходство), - «смерть француза - факт нравственный, тогда как смерть казака (то есть, - русского. Прим. авт.) факт всего лишь физиологический».

Оставалось только дожидаться уже совсем невообразимого, когда же услышим мы, что и русский язык – это последнее при-

бежище для негодяев и неудачников (или «лузеров», как предпочитают презрительно называть нас на «Эхе Москвы»). С каким воодушевлением на «Эхе» несколько лет назад г. Бунтман обсуждал подстрекательскую антигосударственную идею перевода алфавита на территории России с кириллицы на латиницу.

Правда, оказалось, что ещё в 1772 году в журнале «Живописец» Н. Новиков сообщал о некоем Выдумщике, который предлагал «способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами... Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведётся в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость русского языка». Как говорится, ничто не ново под луной, ни Смердяковы, ни подлость, ни предательство. Но то, что Новиков описывал как анекдот и курьёз, в реальности оказывается хорошо продуманной антигосударственной операцией.

Самый беспрецедентный по своей наглости и безнаказанности факт - это интервью «Независимой газете» (7 августа, 2001 г.) члена-корреспондента РАН Сергея Арутюнова, заявившего: «Идея какой-то особенности России... это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский шрифт... Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном счёте приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдёт и русская письменность».

Ничем новым Арутюнов не удивил: Гитлер ведь тоже хотел нас «интегрировать в Европу», и если бы Россия ценою миллионов

ПО КОМ ЗВОНИТ РЕЛЬСА

жертв не избавила мир от этого «цивилизатора», у нас, на радость Арутюнову, сейчас была бы не просто латиница, а её готический, колючий как ограда концентрационных лагерей, вариант.

Профессор Е.М. Верещагин, вспоминая о последней встрече с лингвистом О. Н. Трубачёвым уже в больнице, рассказывает, что их разговор касался и высказываний Арутюнова. «Сердцем духовной культуры является язык, - говорил Олег Николаевич, - а если язык имеет алфавит тысячелетней традиции, на котором написаны и напечатаны миллионы и миллионы книг, то призыв изменить алфавит на поверку оказывается призывом отказаться от всей предшествующей духовной культуры. Что же до России, то даже если ей грозит опасность якобы оказаться за бортом цивилизации, народ (может быть, в отличие от “прогрессивной интеллигенции”) легко своё культурное достояние... не отдаст».

Но что для них выдающийся русский учёный Трубачёв, которого с его «кириллицей» Арутюнов с Бунтманом могут обвинить в шовинизме и национализме, не понимающим величайших благ глобализации! Выслушаем в таком случае бельгийского учёного Ф. Винке, который, исследуя азбуку церковно-славянского языка, сделал вывод, что в ней «каждая новая буква хранит первичный замысел своего Создателя, содержит глубокий священный смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа».

А Иосиф Бродский, поэтическим чутьём за версту чуя «прорицания» Арутюновых, так отвечает им:

*...кириллица грешным делом,
разбредясь по прописи, вкривь ли,
вкось ли,
знает больше: чем та сивилла...*

В процессе работы над антологией «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» - меня удивило одно неожиданное открытие. В это трудно поверить, но среди всех обеспокоенных состоянием русского языка, самыми спокойными, если не сказать благодушными, - оказались (не все, разумеется!..) лингвисты, филологи, те, кто вроде бы по долгу службы обязаны были первыми бить тревогу. На эмоциональные выступления писателей, учителей, учёных, общественности, возмущённых негативными процессами, связанными с порчей языка, с культурой речи, с оправданием вариантов безграмотного произношения, с попытками навязывания очередной реформы орфографии, от чего предупреждал ещё Пушкин: «Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого», - из стана лингвистической корпорации наиболее мягким можно считать пожелание: «должна быть языковая толерантность», «страсти по этому поводу не нужны», «по поводу интенсификации процесса заимствования: не надо паниковать», «язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного». При этом все, конечно же, говорят, что они против «языковой вседозволенности»...

Иногда учёные мужи не могут скрыть неудовольствия, отбиваясь (от кого?! подумать только!) от жаждущих быть грамотными и научить этой грамоте других: «В особенности учителя (я просто знаю эту среду) требуют, чтобы им предоставили один вариант: “Нет, вы скажите, так или не так, не надо нам вариантов!”. Но это насилие над языком, потому что реально существует и то, и другое» (Л. Крысин).

Вместо того, чтобы сказать спасибо учителям, последним энтузиастам, за то, что они из последних сил пытаются хоть как-то

сохранять на достойной высоте культуру речи, автор как будто бы раздражён их старомодным служением своему великому призванию (с них бы пример брать нашим политикам, министрам, профессорам!..). Учителя хотят учить, они хотят понимать в беспредельном культурном бедламе, в сумятице мнений, во всё разрушающем хаосе иерархии ценностей, - что есть культура, что есть язык литературный и нелитературный!.. Ведь и сам Л. Крысин согласен, что «Норма, в частности, тем и хороша, что она стабильна, консервативна и строга. Это необходимо, чтобы поколения понимали друг друга».

Но если бы только в том была проблема... «Есть какая-то тайная связь между ослабевшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений сигнализируют о некоторой ущербности бытия. За изъянами синтаксиса вдруг обнаруживаются дефекты души», - с горечью констатирует И. Волгин. Когда слышишь от авторитетных специалистов: «Сегодня мы видим, что вариативность в языке стала выше. И, вообще говоря, с ней тоже можно жить» (М. Кронгауз), то смущает, во-первых, некоторое пораженчество перед невежеством, и тем самым как бы некая официальная легализация этого невежества.

Мы, свидетели «третьей варваризации» русского языка, наблюдаем в криминально-кошмарном варианте повторение всё той же картины начала XX века, которую с болью и страстью описал Вяч. Иванов: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом - неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как перекличка сообщников, как разинское “сарынь на кичку”. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить... Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природ-

ную осанку, уродуют поступь!».

В антиутопии Дж. Оруэлла «1984» говорится, что «Цель новояза не только в том, чтобы [говорящие на нём] имели необходимое средство для выражения своих мировоззренческих и духовных пристрастий, но и в том, чтобы сделать невозможным все иные способы мышления».

Вспоминаются «новоязовские» тошнотворные словечки либералов «ровно наоборот», «отнюдь» (звучавшее как «отнять»), «ваучер», «тренд», «нерукопожатный», «заточенный», «лузеры» и проч. – от которых на Россию веяло ядовитым трупным запахом, что позднее символически выразилось (по Фрейдю) в признании г. Чубайса в «почти физической ненависти» к великому русскому писателю Фёдору Достоевскому и желании «разорвать его на куски». С этой «почти физической ненавистью» к русскому языку и литературе, с желанием «разорвать на куски» российское образование - неуёмные клоны чубайсов и гайдаров заполонили Министрство образования, откуда планомерно вершат свои реформы, о которых в пору на площади в рельсу бить: «Отечество Пушкина в опасности!..»

«МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВЕСАХ...»

В начале статьи неслучайно вспоминались символически совпавшие даты, связанные с отношением государства и величайших сынов Отечества к русскому языку. Вспомним также с благодарностью, что имея столь благородный пример в лице своих предшественников, Николай I благословил Александра Шишкова на составление «Корнеслова». На титульном листе первого тома оригинального словаря Шишкова стояли царские слова: «Александр Семёнович! Дозволяю Вам книгу сию посвятить Моему имени, и изъявляя Вам за труды Ваши Мою

признательность, пребываю к Вам всегда благосклонен. Государь Николай I».

Поневоле напрашивается вопрос, а какую же книгу сегодняшняя власть на память благодарным потомкам «дозволяет» посвятить своему имени, уж не утверждённый ли ведомством Фурсенко словарь, в котором узакониваются безобразные неграмотные формы произношения русского языка? Кому «признательна» и кому с таким упорством и упрямством являет она, вопреки протестам профессиональной и культурной общественности, свою «благосклонность» - не тем ли «преобразователям», объявившим открытую войну российскому образованию, которые с остервенением выдирают из школьной программы произведения русской классики и сводят количество жалких учебных часов, отведённых на русский язык и литературу, до уровня обучения колониальных народов?.. Об опасности подобных реформаторов предупреждал ещё академик Л. Щерба: «Как это ни звучит парадоксально, однако нужно сказать, что одной из причин понижения грамотности, одной из серьёзных причин, являются “новые методы”», имея в виду «“усердие не по разуму”, которое проявляют некоторые администраторы. Многие из них решительно помешались на разных новых методах и расценивают школы и отдельных педагогов не по достигаемым ими результатам, а по тому, насколько они применяют новые методы». Л. Щерба с полным основанием заявляет о небезобидности даже по тем суровым временам подобных экспериментов: «Может показаться странным, что после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым».

Всё действительно очень серьёзно. «Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне» в этой войне за русский язык и

русскую культуру. «Письмо русское — одна из прочнейших нитей, связывающих нас со своей страной, со своим народом и его славным достоянием — родным русским языком» - был убеждён прозаик О. Волков. «Для меня русская грамота, как я её узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать её?» - писал К. Бальмонт. Ещё жёстче в оценке О. Мандельштам: «“Онемение” двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории».

Академик А. Панченко справедливо вопрошал: «Может быть, развал государства произошёл и от неправильного словоупотребления. Вспомнить хотя бы горбачёвскую речевую “кашу”... Развал государства начался с “гэканья”... Товарищ Лигачёв, который из Сибири откуда-то, и он тоже “загэкал”. Приспосабливались они. Начальство “гэкает” и они “гэкают”. А Гоголь ведь не “гэкал”».

Писатель Иван Лукаш в зарубежном изгнании верил: «Россия – равновесие мира»: «... без живой России, основы мирового равновесия, без благоденственной и мирной России не будет ни благоденствия, ни мирного жития никому на свете. Потому что без России все равно не найдут никакого выхода, ничего...» Именно с этим и не могут согласиться внешние и внутренние враги России. Прав был первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий, ещё в конце 80-х годов XX века провидевший сегодняшнюю судьбу нашей страны: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера»...

На память невольно приходит аналогия с ситуацией, предшествующей нападению Германии на Советский Союз, когда советскому разведчику Зорге из Токио удалось

раскрыть планы начала агрессии с точностью до указанной им даты, но его донесения в Москве как будто не слышали.

Сегодняшние возмущённые голоса общественности о войне, открыто объявленной русской культуре и русскому образованию, для страдающей глухотой власти может стать такой же трагической ошибкой как игнорирование информации Зорге о нападении Германии на Советский Союз, если это, конечно, ошибка, а не идиотская глупость или, прости Господи, не сознательное участие в преступлении. А «предупреждения» в нынешнюю Ставку идут отчаянные: «Сегодня мы живём в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения... – пишет В.Г. Распутин. - Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Ещё как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и посёлков - всё почти чужое..!».

Когда-то русские писатели В. Распутин, В. Белов, С. Залыгин совместно с группой патриотически настроенных учёных смогли остановить так называемый «поворот северных рек» (речь шла о преступном плане переброски северных рек в южные республики!) Ныне осуществляется ещё более преступный план поворота исторической и культурной памяти народа в сторону беспмятства, деградации, национального равнодушия и предательства. «Когда Россия до неприличия широко распахнулась Западу, - пишет профессор И. Ильинский, - Сорос не пожалел денег на реформирование программ российской школы и высшего образо-

вания и особенно — на подготовку учебников по гуманитарным наукам, прежде всего по российской истории, с помощью продажных отечественных и зарубежных фальсификаторов. Только сейчас школы постепенно избавляются от соросовских учебников, в которых российское и особенно советское прошлое так изгажено, так искажено, что не может узнать себя. Искачено историческое сознание целого поколения молодых россиян».

В год 200-летия Отечественно войны 1812 года не лишним будет напомнить слова, участника той войны, офицера и поэта Фёдора Глинки: «Наполеон не прежде решил-ся идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших её молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных».

Адмирал А. С. Шишков писал в 1812 году при виде сгоревшей Москвы: «Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности всё вянет и не процветает... Я почти стал в 1804 году о сем говорить смело, и Вы помните, как господа “Вестники” и “Меркурии” против меня восстали. По сочинениям их, я был такой преступник, которого надлежало запереть и взять с меня ответ, каким образом дерзнул я говорить, что русскому надобно русское воспитание. Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвещение и всех обратить в невежество, что я иду против Петра, Екатерины, Александра; тогда они могли так влиять, надеясь на великое число заражённых сим духом, и тогда должен был я поневоле воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы и громко им сказал: “Вот чего вы хотели”».

Всё то же повторяется ныне в более

грознам (с учётом изменившейся ситуации в глобализованном мире) масштабе. «Из языка уходят воля и сила. – Словно врач у постели больного диагностирует В. Курбатов. – Он живёт полем и небом, землёй и трудом. А вслушайтесь в наши ежедневные новости и найдите там про землю и труд. Там будут жертвы и аварии, теракты и пожары, саммиты и соглашения, кризис, кризис, кризис и президентские уверения в том, что человек должен видеть без уверений. Но ни полей, ни заводов, ни хлеба, ни света вы там не увидите». «Отовсюду – с телеэкранов, “от микрофонов”, с газетных полос – на нас хлынул поток мутной, безграмотной речи» - продолжает И. Волгин.

«Над Россией сегодня висит смог сквернословия. - Пишет учёный В. Троицкий. - В таких условиях нелепо ожидать того, что называют культурной жизнью... В таких условиях каждое непечатное слово, произнесённое человеком, имеющим сознание, - плевков в лицо русского языка...»

Политика Министерства образования по отношению к словесности в школе - это очевидное государственное преступление, и плоды этого преступления мы пожинаем сегодня и в школе, и в семье, и в быту, и в литературе».

Но что Министерству образования до мнения педагогов, крупных учёных, писателей!.. Господин Фурсенко всех убеждал, что «гуманитарные специальности... - это дорога в никуда». А кто, спрашивается, мостил своими «благими» реформами эту «дорогу в никуда», не сам ли вчерашний министр? Не благодаря ли этой государственной политике сегодня, по данным социологов, уже 40% российских семей не имеют в доме ни одной художественной книги?..

Специалисты в один голос заявляют строителям «дороги в никуда»: ЕГЭ – для России это национальная трагедия. А в ответ издевательское: от реформы ни на шаг!

Доктор филологических наук, профессор Л. Полякова: «Мишенью для министерских новаций на протяжении целого ряда лет остаются базовые не только для образования, но главное – для формирования личности, учебные дисциплины - русский язык и русская литература, единственные, кстати, школьные дисциплины, непосредственно выполняющие воспитательную функцию и более всего, помимо прочего, воздействующие на представление школьника о фундаментальных основах национального самосознания, нравственного статуса человека».

Выдающийся пушкинист, филолог В. Непомнящий говорит: «План Даллеса – детская игрушка по сравнению с реформой образования... Мы стремительно движемся к национальной катастрофе... Надо спасать Россию от реформы образования». Какой там Зорге, кому нужны его предупреждения! Министерство плюёт с кремлёвских башен на «дикарей», цепляющихся за какой-то там «великий и могучий» русский язык!..»

Доцент кафедры стилистики русского языка журфака МГУ Анастасия Николаева сталкивается с этим ежегодно во время установочных диктантов для выявления уровня знаний первокурсников. Вот один из «чудовищных результатов» 2009 года (за минувшие годы, можно не сомневаться, «реформа» добилась ещё больших успехов!): «Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18%. Остальные 82%, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24-25 ошибок.»

Практически в каждом слове по 3-4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение...

Я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела. Храню все диктанты как вещдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян... Это национальная катастрофа

150

фа!» «В чём причина? – спрашивает она, и отвечает: - В какой-то степени в “олбанском” интернет-языке. Однако главная беда – ЕГЭ. По словам первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали диктантов с сочинениями – всё время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки.

ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой... Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идём к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне» («МК» - 16.11.2009).

Если не остановить эту неприятельскую колонну «преобразователей», то, пожалуй, пора прислушаться к братьям кн. Сергею и кн. Александру Волконским, авторам книги «В защиту русского языка» (Берлин, 1928): «Здесь нужна Добровольческая армия. Самое существование русского языка в опасности. Надо осознать, что язык народа, как и имя народа, неотъемлемое условие его бытия и что, если мы хотим, чтобы народ русский продолжал существовать, то должны держаться за эти два начала, как держатся за него другие народы, — с остервенением, руками, ногами и зубами».

Здесь уместно вспомнить два весьма неглупых высказывания канцлера Бисмарка. «Россию - нельзя победить силой, её можно разрушить только изнутри!», - говорил он и слова его сбываются на наших глазах.

А после победы в Франко-прусской войне в 1871 году Бисмарк сказал, что войну выиграл не прусский солдат, войну выиграл прусский школьный учитель... Какую же войну может выиграть поверженный русский

учитель в разгромленной школе, в которой реформы проводят под диктовку Запада, а учебники пишут на гранты людей, ненавидящих Россию!..

И, кажется, уже с небес пытается докричаться до нас бедная Марина Цветаева:

*Мракобесие. - Смерч. - Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой - не спи!
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет - Честь.*

*Обведите свой дом - межой,
Да не внидет в него - Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы -
Выше - прадедовы дубы!*

Задумайтесь, господа власть преержащие! Ведь ни хлеба с барского стола, ни барской милости просит русский человек, но оставить ему воздух, которым дышит его душа – воздух русского слова, русской речи, защиты этого источника. С очищения его начнётся и очищение всего остального. Стоит хотя бы из чувства самосохранения вспомнить, что «когда в 1945 г. японцы потерпели сокрушительное поражение, то возрождение своей страны они начали с создания теории и программы повышения культуры языка как решающего фактора национального и культурного прогресса» (Ф. Березин).

Характерный знак времени - когда в октябре 2009 года не стало русского поэта Виктора Бокова, автора поистине народных песен, таких, как «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет», - именно в те дни все средства массовой информации - от государственного телевидения и радио до последней либеральной газеты - денно

и ночью шумели о смерти криминального авторитета Япончика, о том, как на его похороны съезжались «воры в законе»... И не было никакой информации о том, что Россия потеряла одного из выдающихся своих сыновей – словотворца Виктора Бокова! Грустно это и символично. Потому что напоминает, в какое время и в каком государстве мы живём, где почётом и славой окружают бандитов, а люди культуры, люди труда по сути выброшены на обочину жизни.

Грозный старик Салтыков-Щедрин наивно верил, что «Литература не умрёт!.. Одна литература изъята из законов тления, она

одна не признаёт смерти». Однако её можно силой изъять, уничтожить, достаточно для начала изъять из жизни народа его родной язык. И тут уже не отсидишься, прячась от врага, как за каменной стеной, за могучими предками. Пока не поздно, стоит прислушаться к трезвому предупреждению Д. Мережковского: «Напрасно, гордясь великим прошлым, мы стали бы утешать себя мыслью, что не может постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкин, Тургенев и Толстой. Благодатные гении прошлого отступаются от своего народа, если он недостоин их».

ЛЮБОВЬ СОКОЛОВА

ЗНАК ИЗ ДЕТСТВА

*Перед писательским творчеством
психоанализ пасует.*

Зигмунд Фрейд

Теперь я знаю наверняка: всё, что происходит с нами в жизни, не исчезает. Всё-всё остается и хранится неприкосновенным. В нас. До последнего. То есть, разумеется, не внешние события, нас задевшие. И, став перепитиями нашей судьбы, они всё же остаются вне нас. Как волны вечной непредсказуемой реки, в которую мы брошены. То касаются нежно, еле ощутимо. То, взбелевнившись, мчат ураганно, нещадно бьют об острые камни. То, закрутив в водовороте, сомнут, исковеркают, расплющат. И вдруг вынесут в тихую сонную заводь. Но, и карёжа, и лаская, они всё же остаются вне нас, не умея проникнуть внутрь.

И не нашу память я имею в виду. Она – лишь книга, как правило, со множеством стёртых и навсегда потерянных страниц. В ней – даже идеально сбережённой – ведь не сама наша жизнь, а лишь её механическое отображение, фиксация.

Нет, вечно в нас хранится другое, что есть самое главное, - все наши ощущения. Те искры, что высекает в нас любое, даже самое лёгкое, касание очередной жизненной волны. Всё, что в тот момент ощущаем мы. Не разумом, душой или телом, а – вкуче, всем существом своим. Чувствования те – идеально первозданные, ещё не тронуты рассудком. Супервещество. Чистейшей воды кристаллы. Сама суть.

Вот что хранится в нас вечно. Нет, не в памяти – отображённое символами, словами, моментальными снимками или же пространными картинами. Нет, в некоем потайном, сокровенном никому не доступном кладезе. В чистом, первозданном виде. Спрессованные в кристаллы все наши ощущения. Все пережитые нами чувства. Тщательно упакованные, недосыгаемо глубоко запрятанные, но – хранятся. От самых-самых первых и до заключительного, финального.

Я это открытие сделала недавно. Но проверила неоднократно. И уверилась твердо.

Зачем, того не ведая, мы сберегаем в себе те кристаллы, в которых и заключена вся наша жизнь? Зачем? Кто знает. Быть может, в наше последнее Мгновение, когда душа расстаётся с телом, она возносит их с собой. Чтобы тщательно разобрать и определить нам либо вечное блаженство, либо вечную муку. А разобрав, развеять в вечности.

Вихрь Мироздания подхватит и разнесет крупитцы моей жизни. Снежинками порхая во времени и пространстве, они постепенно опадут на землю. И тогда мои чувства будут заново пережиты. Кто знает – кем и когда? Какая моя боль пронзит кого-то завтра? Какая моя сокровенная радость станет чьей-то через сто лет? Чье сердце, вдруг через миллион лет, сбившись с чёткого строгого ритма, охмелеет от счастья и растворится в блаженстве? В моём блаженстве. И оно, став уже не только моим, вновь одарит кого-то ещё через век? Может, поэтому я и буду жить вечно?...

Или уж изначально упаковка, хранящая во мне эти богатства, была с дефектом. Или же слегка поистерлась временем. Но только образовалась в ней щель. И не щель даже – так, еле приметная щелочка. В которую и выпал один кристаллик. Один-единственный. Микроскопически малый. С самого донышка. Из самых-самых ранних.

Теперь он, неприкаянный, бродит во мне, бесприютно скитается, ищет себе пристанище для вечного покоя. И не находит. И порою невзначай, вдруг растворившись во мне, на миг возвращает меня в невозвратное.

Каждый раз я застигнута врасплох. Это случается совсем неожиданно, часто некстати. Вдруг нахлынет, пронизет до последней клеточки, заморозит и – покинет. Оставит в оцепенении и оторопи. Что это?! Откуда грянуло? Куда ушло? Снизойдет ли вновь? И когда?

Как рассказать об этом? Как передать это молниеносное, жгуче острое блаженство? Если вы когда-то тонули и, уже отчаявшись, перестав бороться, вдруг были выброшены волной из ледяной кипящей пучины на берег, – вспомните себя в самое первое мгновение на земле. Вы ещё ничего не поняли, не осознали, что гибель уже позади. Не успели обрадоваться дарованной жизни. И только рапростёртым телом ощущаете надежную неколебимую земную твердь, горячий песок. А ненасытным глазом пожираете колеблюмую ветром травинку с карабкающимся по ней муравьём. Вспомните пронизавшее вас телесное, не подвластное рассудку блаженство и сладостное ощущение самого себя. Я знаю то состояние – мне довелось его пережить. Так вот, оно – лишь слабый отблеск моего теперешнего, окатывающего вдруг, нежданно-негаданно. И в этой внезапности – его особая острота и магия.

Первый, слабый толчок – в груди. Будто расщёлкнулась небольшая скорлупка, выплеснув из себя каплю – всего только малую каплю! – то ли божественного нектара, то ли дурманного зелья. Скорее же всего – жгуче – как централизованной эссенции. Нет, вот – в кристалле спрессованной вселенской радости.

Вырвавшись на волю, кристалл мгновенно взрывается многоцветным головокружительным фейерверком. Его огненные брыз-

ги, в свою очередь взрываясь и рассыпаясь яркими цветными искрами, вмиг заполняют меня всю-всю чем-то переливчатым, искрящимся, позванивающим. Пронизывают невесомостью, отъединенностью от всего земного и мятным холодком ликования. И уже – не во мне тот колдовской фейерверк. Став его частицей, в упругом фонтане сверкающих брызг лечу, лечу – всё выше и выше, сама от восторга взрываясь и рассыпаясь гроздьями цветных искр...

Приземлившись, уже очнувшись, ещё несколько мгновений ощущаю себя инопланетянином. Пришельцем с другой планеты, имя которой – Детство. Что именно оттуда – точно, несомненно. Это молниеносное перемещение во времени – оно, я чувствую, – к началу, почти к истоку. За краткое мгновение там я не успеваю ничего разглядеть, узнать глазами. Но я успеваю совместиться сама с собою – той, оставшейся там, в детстве. Я безошибочно узнаю себя – тогдашнюю.

Все это я ощущаю явственно, необманно. Да и где ещё, скажите, на какой планете, в каком времени, возможно чувствование такой безмерно-великой, безграничной радости, переполнившей и тебя, и этот мир, захлестнувшей космос? Чтобы – безо всяческих пределов, без огляда на «тогда», без загада на «потом». Просто – телесное, животное растворение в этой вот сиюминутной радости. Нет, такое возможно только в детстве.

Нам, уже взрослым, этому мешает нажитый годами какой-никакой разум. Мы напрочь разучиваемся радоваться безоглядно. Без этих: «а надолго?», «а вдруг», «а что потом?». Даже когда безмерным счастьем должно быть уже одно то, что ты просто ощущаешь себя.

Ведь если признаться честно, даже в момент второго своего рождения была ли я вот так – безоглядно счастлива? После, казалось, вечного куверкания в утробе взбесившейся

машины. Оглушенная лязгом разрываемого железа, звоном разбиваемого стекла, скрежетом металла о гальку, свистом воздуха и хрустом чего-то внутри себя. Когда, наконец, грянула тишина, – разве захлестнула меня океанская волна жгучей, стопроцентной, ничем не разжиженной радости: «Уцелела! Жива!!!»

Будто одного этого мало, чтобы быть безмерно счастливой. Так нет – тут же, незамедлительно, впились жала оводами атакующих вопросов: «Голова цела? А руки – ноги? Что так оглушительно хрустело во мне? Жива-то жива, встану ли? Хоть ходить-то смогу?»

Нет, одно только детство щедро одаривает нас ослепительно-солнечной радостью, без малейшего намека на тень. И только в детстве, чтобы взорваться от счастья, достаточно крохотной искорки – почти ничего. Бабочка села на цветок в твоей руке. Лапки вон пылью выпачкала. А разрисованными крылышками моргает, моргает у самого лица, даже ветерком подуло... Соседский страшный пес вдруг подошёл, повилал хвостом, лизнул содранную коленку, ткнулся носом в ладошку, разрешил почесать за ухом... Внезапное озарение, великое открытие: если я всё это вижу, слышу, бегу здесь, – значит, я тоже есть? Я есть! Я есть!...

Мгновение, дарованное мне, окрашено чуть иначе. Да, это – тоже радость, радость взахлёб, без мерок, слепяще-солнечная. Но – только что после затмения. С невысохшими ещё слезами. На самой-самой грани, за которой – тьма и ужас. Дыхание беды ещё ощущимо. Оно рядом, близко, но – уже за стеной, позади. А сейчас, здесь, – буйство света. Фонтан фейерверка. Пляшущая радуга.

Из какой крошечной тьмы вынырнула в этот свет смятая жутью детская душа? Какое непомерное бремя скинула только что? Какое горькое избыла?

В детстве меня люто мучила малярия. Быть может, это – блаженный миг из-

бавления от жути малярийного кошмара? Когда усердно поработавшая мясорубка, наконец, меня – изжёванную, перемолотую, выжатую – исторгла снова в свет, в тишину и покой.

Или когда ослеплённая, оглушённая грозой, иссечённая ливнем с градом, решившая, что это – конец света, я оказалась вдруг на тёплой широкой груди отца, прикрытая от всех бед на свете его большими сильными руками.

А возможно, это просто – момент пробуждения в солнечное утро из жуткого сна, в котором долго гнался и уже настиг страшилище – бармалей – людоед? И спасительно-счастливое осознание: я его перехитрила – взяла и проснулась! А он остался где-то там – далеко-далеко, во сне, откуда ему меня никогда не достать!

Так или иначе, но это – сладостный миг освобождения, раскрепощения, избавления от тяжкого бремени страха, боли, казалось, неизбывной беды. И осознание – нет, нет – не осознание, не постижение умом, а ощущение нутром, кожей, каждой клеточкой тела: все вокруг прочно, безопасно, ласково. Кругом – одно только добро. Все прекрасно!

И в каждой клеточке – ликование, восторг, праздничный салют, радостная кутерьма и круговерть. И ещё – легкость, невесомость. Будто со страхами и бедами исчез и собственный вес. Полнейшее освобождение от всяческого груза. Безграничная свобода...

Вот это – очень приблизительный, слабый набросок мгновенной вспышки, взрыва всех чувствований ради милостиво дарованной крохотной крупички детства.

Для подобного подарка судьба, пожалуй, могла бы выбрать из россыпи мгновений, составляющих мою жизнь, и другое. Не менее лучезарное, но, может, более понятное, объяснимое. Ведь были же в жизни такие мгновения. Первое свидание. Возвращение в этот мир из небытия. Первая собственная

книжка в руках. И тот безумный, рухнувший будто с небес вальс. И... Были они в моей жизни – мгновения счастья, были.

Отчего же аукнуло детство? Почему знак подан именно оттуда? Как его расшифровать? Что это? Признак надвигающейся

старости? Предвестник близкой смерти? Не знаю, не ведаю. А тот загадочный сигнал настойчиво приходит всё чаще. Застигает врасплох. Тревожит. Чего-то требует, ждёт. Но – чего?

Пять лет назад ушла из жизни писательница Екатерина Владимировна Дубро. Она автор двенадцати книг, четыре последние из которых («Двойные бусы», «Мотивы», «Дерево придорожное», «Личная жизнь Вероники», благодаря Кемеровскому региональному Фонду имени Е.В. Дубро и подвижничеству его руководителя Майи Борисовны Туралиной, в течение четверти века помогавшей прикованной к постели писательнице жить-выживать, изданы посмертно.

**ПЁТР
БУГАЕВ**

ПО ТУ СТОРОНУ ВЗГЛЯДА

Так сошлось: светлый талант и свирепая, на генетическом уровне, болезнь – прогрессирующая мышечная дистрофия. День ото дня теряла те или иные двигательные функции Катя Дубро: сегодня телефонную трубку еле в руках удерживает, а завтра – и чайную ложечку едва. И сожрала бы эта болезнь и Катю, и Катин талант, если бы непонятно откуда взявшаяся в детской душе невероятная ¹⁵⁷ воля жить, учиться, быть полезной, насколько возможно. (Восьмилетней Кате медицина наметила немилосердное будущее: проживёт около тридцати лет с постепенным залеганием до полной неподвижности.)

Я был знаком с Катей еще по учебе в юргинской школе №2. Но так – со стороны. А с подачи газеты «Литература и жизнь» (ныне «Литературная Россия»), опубликовавшей очерк «Живет в Юрге девочка...», в шестидесятые о Кате узнал весь Кузбасс. И не только Кузбасс. К пятнадцатому дню рождения со всех уголков Советского Союза Катя получила более трех тысяч телеграмм, писем, бандеролей, посылок...

И вот в начале семидесятых мне, начинающему корреспонденту юргинской городской газеты, попался на глаза кемеровский «День поэзии». Несколькими стихами здесь было представлено и творчество Кати Дубро, тогда ещё совсем юной. Эти стихи, тотчас запомненные, много раз потом всплыва-

ли в сознании, настолько были спокойны и трагичны, искренни и пронзительны: «Все-го лишь раз цветет бамбук, он умирает после...» Так двадцатилетняя Катя писала о себе. Её голос вырывался из общего поэтического хора сборника и техническим совершенством, и тональностью, и неким тайным знанием, мудрость которого – в простоте:

Что имела – потерялось,
Что ищу – не нахожу.
И кататься не каталась,
А вот саночки вожу.

Знать, такой мне выпал жребий:
Жизнь пройти не налегке.
Журавля не видно в небе,
И синицы нет в руке.

Захотелось поближе познакомиться с Катей. Так завязалась наша непростая дружба – со взаимным любопытством, со взаимным притяжением, но и с бесконечными спорами, даже ссорами. «Самый вредный читатель», – так она меня называла.

Почему «самый вредный»?

Я помогал Кате готовить к изданию первые книги, многое читал в рукописи. И самоуверенно наставлял: это не так, то не эдак, здесь уточнить, там сократить... Вот и преподнесла мне Катя свою первую книгу «Вернусь звездопадом» с едкой дарственной надписью: «Самому вредному читателю».

Но когда собралась на отдых в Крым, в литературный Дом творчества в Коктебеле, вдруг предположила: в пути может случиться крушение поезда. Погибнет! (Мысль о смерти постоянно мучила её. Между прочим, линия жизни действительно обры-

валась у нее посередине левой ладони, и вершила её, эту короткую линию, маленькая звёздочка.) Так вот, предположив крушение, двадцатичетырёхлетняя Катя в своем дневнике оставила своего рода... завещание. «Но вот – допустим! – и в самом деле не вернусь. Вещей у меня ценных нет, но все же – кому что?» И далее: «Во-первых, книги...» Шло перечисление, кому и какие книги отдать. Потом – магнитофон, ковер, кресла... И такая строчка: «Пишущую машинку – Пете Бугаеву».

Это признание, открывшееся только теперь, очень дорого для меня. Ведь пишущая машинка на протяжении всей её жизни, лимит которой, очерченный медициной, Екатерина Дубро, благодаря природной воле, неземному упорству, превзошла вдвое, – была для Кати верным товарищем, сродни смыслу пребывания на Земле. Спасибо!

А споры-разговоры мы вели обо всём на свете – от замёрзшей на стекле дождевой капли до проблем космического масштаба.

Не помню уж каким образом, но однажды разговор свернул на, можно сказать, сюрреалистическую тропу: имеют ли слова цвет, форму, запах, внутреннюю энергию?

- Имя Инга? -
Холодное, синее, колючее. -
Имя Наташа? - Пушистое, тёплое, просторное.

Вроде игра, да не совсем. Позднее наши, так сказать, изыскания находили отражение в Катиних рассказах: «Я с детства люблю менять ударения в словах, сознательно ошибаюсь. Люблю пробовать слова в новом звучании: вдруг услышится новое во вполне обыденном слове, тайный его смысл?.. К примеру, если д'Артаньян оканчивается ударно, то это естественно: человек тот настолько жив и непоседлив, что не успеешь спохватиться, а он уже вон где, только копыта конские простучали: Дар-тань-ян! И строгое, затянутое в мундир приличий и

тайну, краткое имя Атос. Утвердительно и бесприкословно, с обязательным ударением на последнем слоге. Зато - Портос. Толстый, огромный, добродушный человек. В «Портосе» же нет его широты и массивности, а в протяжности «Портоса» - есть: более соответственно...» (Рассказ «Сплошные вопросы».)

Или: «Говорят, это не Замок, если известно, сколько в нём комнат. В ледяном Замке Одиночество тем более нет им счета. Даже название из одиннадцати букв, и на каждую уже по комнате, как минимум. И как любое состояние Души и Духа. С беспредельной «о» в начале, в середине и в конце. В конце самой беспредельности – безначально-бесконечной...» (Повесть-сказка «Двойные бусы».)

Ну, а стихи то уходили от Кати, то возвращались к ней снова. И хотя лучшие из них очень выразительны, наполнены пульсирующим содержанием, отдельным сборником никогда не издавались. Те, что опубликованы, служили Екатерине Владимировне вроде иллюстраций, уточнений, итога к своим повестям, рассказам, сказкам.

Иногда кажется, что Дубро пряталась в них от слишком суровых внешних обстоятельств. А иногда – напротив, именно суровые обстоятельства выносили её на гребень высокохудожественной строки:

Невыносимей, невозможней
Ничто не кажется уже.
Но чувств центральная таможня
Вдруг пропуск даст твоей душе,
И вот – возможно. Выносимо.
За счет каких резервов?! И
Хотя другими будут зимы,
Другими вёсны, но – твои.

И вот живёшь. И даже занят,
Не веря собственным глазам:
Лошадка та же, те же сани,

158

Одно лишь новое – ты сам.

А неопубликованные, только-только обнаруженные в ее богатом архиве?

Её первые книжки населяет молодой и здоровый народ, не догадаться о комнатной судьбе их автора. «И это удивительно», – написал один критик. А почему собственно?

– Значит, – говорила Катя, – чем богаче люди физическими возможностями, тем чаще живут рассеянной, растратной, труднее доживают до душевного равновесия?

Прозрачно-переливчатая ткань её прозы словно живая («Вчерашний ветер», «Тихий привет», «Богиня Семеновна», «Последний довод короля», «Сто белых башен», «Отвесно падали дожди», «Улица тра-ля-ля», «По французской пословице», «Кто-то с молоточком», «Пили чай, конфеты ели», «Облачно с прояснениями».) От этой прозы исходит энергетика романтиков-максималистов. Екатерина Дубро и сама была максималистом-романтиком, а таким всегда трудно. Почти все её повести и рассказы – повествование о том, что такое любовь в понимании возвышенной души.

Как и сказки-иносказания. Здесь, где Царевной в жизненно-сказочных обстоятельствах сама Катя, видно, как утончалось, усложнялось нравственное видение автором себя и окружающего мира, и мира в себе – вплоть до философского обобщения.

В том же ряду автобиографические повести «Нежность» и «Дерево придорожное». Это проза самой высокой пробы, самого высокого достоинства: «Однажды давно впервые осознала: а ведь на мне – на мне! – обрывается одна из жизненных ветвей. На мне кончаются три предыдущие жизни на этой ветви – моей бабушки Антонины Викентьевны, маминой мамы, моих родителей и, четвертая, моя собственная, последняя.

Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие, от самого зарождения жизни на

планете Земля поколения передавали факел жизни в будущее – до моего рождения в году тысяча девятьсот сорок седьмом новой эры. Получается, лишь для того и горели во тьме прошлого, чтобы однажды затеплиться мне, уже последней! И уже не факел моя слабая свеча: погаснет – и всё.

Если вдуматься, впечатляет. И сильно...»

Катина мама, Вероника Евсеевна, умерла в декабре 1985 года. Перебираться в дом инвалидов Катя категорически отказалась. До конца своих дней никому не позволяла сужать свое жизненное пространство, ограниченное кроватными пределами, продолжала, по её выражению, «самообслуживаться», чтобы не отягощать заботами о себе «ни ближних, ни дальних». Даже краснокрестных медсестер. Как ей это удавалось, можно только догадываться.

«По ту сторону взгляда», – так обозначила она свой именной жанр – рассказочки, основанные на сновидениях, которые непостижимым образом, по себе знаю, в том или ином виде претворялись в явь.

- Катя, может, ты явь со снами перепутала? И тебе уже достаточно одних снов?

- А без разницы, – отвечала. – Во сне чувствуем, думаем и действуем, не зная, что спим. Там жизнь и наяву жизнь. Только на разных уровнях нашего сознания...

Этот наш давний-предавний диалог, на чисто мною забытый, я вычитал в Катиных дневниках, которые она вела с протокольной точностью на протяжении многих лет. А сами её дневники по какую сторону нашего взгляда?

Так вот, по эту сторону взгляда, в общении, Екатерина Владимировна Дубро выглядела гостеприимной, неунывающей, иногда неуступчивой, но и легко соглашающейся с тобой, когда она, сверхначитанная, принимала как бы в дар себе и собеседнику какой-нибудь контрдовод. А ещё казалась бесконечно отзывчивой, очень доброй, раз-

даривающей себя направо и налево... А на самом деле?

На самом деле, как свидетельствуют ее дневниковые записи, где все нараспашку, где одна только искренность, Катя была, конечно, и гостеприимной, и отзывчивой, но и очень легкоранимым, неуверенным, мятущимся, болезненно пунктуальным, бесконечно требовательным к себе человеком.

И, несмотря на множество вращающегося вокруг неё любопытствующего народа, с отрочества до смерти оставалась внутренне одинокой. Не случаен в её одновременно выдуманых и невыдуманых, а по большому счету исключительно автобиографических сказках-иносказаниях («Сказка без названия», «Вино разлуки», «Снежная сказка», «Двойные бусы»), где все иллюзорно и достоверно, зыбко и твердо, неизменно в персонажах замок по названию Одиночество. Да и другие Катины сказки автобиографично надёжны, если докапываться до их сути, полны тайного смысла – «Ночные шорохи», «Бумажный кораблик», «Осенняя сказка», «Охотничья сказка». А в самых близких друзьях – только белый лист бумаги, только книги, только пишущая машинка. И еще кошка по имени Ева. («Можно заскучать с кем-то, но не наедине же с самой собой!»)

Обычная жизнь необычным способом.

В одной из рецензий на книгу Дубро сказано: «В её жизни не было значительных внешних событий». Как будто можно отделить внешние события от внутренних. Да и сколько же должно быть событий в человеческой жизни?

Лет в десять-двенадцать Катя начала писать стихи. В шестнадцать на дому окончила школу с серебряной медалью. В семнадцать, работая в комбинате бытового обслуживания швей, опять же на дому, заработала себе пенсию, не пособие по инвалидности, на которое и без того имела право, а трудовую пенсию. («Ушивалась в усмерть. По-

жизненная диктатура психики над физикой. КБО платил пятак за сшитую наволочку с десятью завязками и за рабочий халат шестьдесят восемь копеек...»)

В двадцать пять у неё вышла первая книжка «Вернусь звездопадом». В семидесятые-восьмидесятые они издавались поочередно – с интервалом в два-три года. В тридцать семь Екатерину Дубро приняли в Союз писателей СССР. Хотя это могло случиться лет на восемь раньше: отказалась, посчитав «нахальством», имея за плечами всего две книги, находится в одной компании с выдающимися литераторами. («А мы тогда кто?» – Наседал ратовавший за расширение областной писательской организации поэт Игорь Киселёв. «А я и с вами не равняюсь», - отвечала Катя.)

Она часто любила не то, что окружающие, и не так, как окружающие. Она читала книги, которые другие не могли одолеть и до середины. Слушая музыку, вздыхала, казалось, невпопад. Могла долго глядеть на погасший экран телевизора после демонстрации фильма по повести Павла Вежинова «Барьер». Экран гас, но в комнате продолжал вибрировать голос Иннокентия Смоктуновского: «Я ведь даже не знаю, что же на самом деле произошло. И никто никогда не узнает. А что, если она нарочно сложила крылья? Или неожиданно для себя обессилила и упала в бездну... Нет силы в мире, способной вернуть к жизни человеческое существо, которому было дано летать».

И плакала после таких фильмов в тесном углу, у прикроватного коврика, который за полвека вытерла, вышаркала до самого основания – головой, лбом. Это одновременно и немое и кричащее свидетельство её нечеловеческой воли, каждодневного преодоления себя, любви к жизни, наполнения жизни смыслом.

Екатерина Владимировна вела непонятно как завязавшуюся, но обширнейшую и

очень плотную, переписку с заключенными. («...А из Новгорода от эка Ю.А. Квасова получила письмо с нательным крестиком лагерной выделки, из нержавеющей стали, на черной нитке. Единственное свое, что мог подарить – безродный, с тридцатилетним лагерным стажем из пятидесяти возрастных. Дороже подарка и не получала, пожалуй».) Поначалу по малейшему их интересу на каждое письмо, разбив на темы, отвечала тремя-четырьмя-пятью своими. И каждое своё письмо заканчивала словами «До завтра!» Так и задуманная книга называлась бы – «До завтра!» («Очень уж хотелось: хотя бы одно письмо на всех, для подвышковой братии. Если не получается иначе...») Не успела написать.

Как-то на вертолете Катю отправили в Новокузнецк, в Государственный институт дополнительного усовершенствования врачей (ГИДУВ) – подлечиться. Там вынесли приговор: жить ей осталось два-три месяца. А она выжила, включив «внутренние резервы». И озорно заметила в дневнике: «Привет медицине!» И сколько таких приветов, представляю, ею мысленно было послано медикам и в восемьдесят седьмом, и в девяностые, и в нулевые. Не только приветов, но и молитв: «...О маме-то взмолилась когда-то Небу: если можно, если можно и не в ущерб никому!.. Спаси её же собственными силами и моими, в счёт моей жизни!.. Господи, на всё Твоя воля, Господи, всё приму, но если можно, но если сроки мои не вышли и не безнадежны мои попытки привести свою душу в порядок, – даруй здешним врачам желание помочь мне! Ради них тоже: врачи же, Господи...» На ночь в изголовье пристраивала тетрадный лист с надписью-просьбой Христа ради: не анатомировать, а кота не выбрасывать. За телефоном клала пакет с документами, деньгами...

И еще одна запись, следом: «Книги, мои дорогие собеседники и судьи, мои ближай-

шие... Не успела пристроить. Не успела в детский дом да в местное ИТУ сдать. А вот бумаги, рукописи... Ни для чьих глаз, ни в чьи руки. Мм, больно...»

Последние годы Екатерина Владимировна жила среди нас, словно отступив от слишком яркого света, от слишком дешевой популярности, стремилась сохранить свою человеческую независимость, что многим не нравилось. Обособилась, дескать. Но до самого последнего дня эта жизнь была наполнена изнурительной работой, чреватой чудом, праздником, открытием: «Колеблется ум, но ликует сознание. Это не есть противоречие, но поверхность и сущность», – цитата из её дневника, откуда-то вычитанная. А рядом Катина ремарка: «АЙ!»

Случайная встреча, умолкнувший телефон, заоконный тополь, небо в необычных расцветках, дождь, ветер, снегопад – все могло стать для неё событием, деталью рассказа, повести, сказки, всколыхнуть ее поэтическое воображение.

Покинула этот мир Катя в високосном 2008 году. 1 апреля. Такая вот ирония судьбы. Но, может быть, этот уход явился для неё своего рода освобождением, переходом, согласно её же воззрениям, в иные миры? Кто знает?! Ведь не раз утверждала шуточно: «Жизнь – дело посмертное. Или смерть – дело пожизненное? А?»

Время от времени я перечитываю её стихи, её книги, где столь многое знакомо до подробностей. И тогда у меня возникает странное чувство, будто мы не договорили, не dospорили и продолжаем наш спор.

И ещё одно чувство: вины. Я перед Катей виноват. В чём? Не знаю. А может, и знаю:

Но ведь судьбам переча,
Расставаться не впрок:
Лишь отложена встреча
На неведомый срок.

В жизни экой невесть,
Догадаемся ли:
Так какую же весть
Мы друг другу несли?!

...Моя записная книжка за долгие годы
истрепалась до крайности – не поймешь, где,
что, кто, номера телефонов выцвели. Недав-

но я купил новую книжку, в кожаном пере-
плете. Взялся переписывать фамилии и те-
лефонные номера, а заодно провёл ревизию
прошлого – вычистил всё ненужное, ушед-
шее, потерявшее необходимость.

Вот телефон Дубро Е.В... Вычеркнуть?
Нет! Пусть остаётся. Среди живых.

ВЛАДИМИР ЕРЁМЕНКО

ПРАЗДНИК В РАЮ

*Лето Господне благоприятное
Ис. 61,2.*

Островки Рая, почти забытого нами, оказывается, разбросаны по всей Земле. Просто их надо суметь увидеть. По милости Божией 8 июля 2012 года в шесть часов вечера по кемеровскому времени я оказался на одном из таких островков: очутился в Раю.

И это не преувеличение.

Душа, по природе христианка, ощутила, узнала Родной Дом.

Приход Святых Благоверных князя Петра и княгини Февронии Муромских. Это сразу за железнодорожным вокзалом, минут пятнадцать хода, по улице Совхозной...

Я оказался именно здесь, по особому случаю.

Сегодня большой христианский праздник – День Святых Благоверных князя Петра (во святом крещении Давида) и княгини Февронии (во святом крещении Евфросинии) Муромских, а для настоящего прихода и – Престольный праздник. То есть престол храма, храм и приход освящены в честь их имени. Кроме того, этот день празднуется в России уже четвертый год как государственный праздник – День Семьи, Любви и Верности.

Не чудо разве?

Тридцать лет назад этого представить себе было невозможно. Хрущев к 1980 году грозился построить коммунизм и показать по телевизору последнего попа.

Коммунизма, слава Богу, нет, а поп –

вот он! Вдоль ограды храма бегают. Раздает указания помощникам, сам расставляет на специальной площадке микрофоны, настраивает компьютер. Готовятся к праздничному концерту.

- Здравствуйте, отец Сергей!.. С праздником!.. Благословите, отче!..

- Бог благословит!.. Как хорошо, что Вы пришли. Поможете матушке с программой и свое выступление поставите куда нужно.

- Да Вы, отец, - улыбаюсь, - думаю, уже сами все сделали правильно.

- Но посмотрите, посмотрите, как режиссер!.. А вот и Олег Сергеевич! – Воскликает батюшка. – Как хорошо! А они с Людмилой Алексеевной уже утром были на Крестном ходе и вот пришли на концерт.

И идет встречать прибывающих гостей.

И других всё подходящих прихожан, которых уже полон двор. Почти все места перед сценой заняты. К сотне пластиковых стульев уже подставляют, тут же сооружаемые из чурочек и плах, лавочки.

Большой, оказывается, приход!

Олег Сергеевич - это Кухарев, Заслуженный артист России, актер нашего областного театра драмы, ведущий православной телепрограммы «Дорога к Храму». Людмила Алексеевна Ходанен, доктор филология, заведующая кафедрой русской литературы и фольклора университета, наш давнишний друг.

А вот и главный художник театра драмы Сергей Тарханов с гитарой.

Артисты кукольного театра.

Артисты Театра для молодежи.

Отец Сергей пригласил много знаменитостей. Он и сам сегодня – знаменитость: настоятель прихода-именинника. Чудесного и большого, как я уже вижу, прихода. И удивительно молодого. Впрочем, и отец Сергей – сам молодой, активный, добрый и интересный человек. К нему тянутся. Вот остановился на минутку с одной из прихо-

жанок, держащей на руках малыша, обсуждают, когда им удобно ходить в храм. Благодарит. Встречает гостей. Дает последние перед открытием концерта распоряжения.

Народ все подходит.

Вижу Скобликовых. Сергея и Наташу с тремя ребятишками. Сергей работает в издательском отделе епархии.

Здороваемся.

- Вот, мы не все сегодня! Старшие в отъезде.

- А это? – Спрашиваю я у Наташи, держащую на руках маленькую. – Последняя?

Наташа улыбается:

- Не-е-т!..

- Как нет?! – Восклицаю я. – Сколько ей?

- Три месяца...

- Так почему же?.. А-а-а!.. Я понимаю, понимаю!.. Дай Бог, не последняя!.. Ну из нынешних пока последняя. Так?..

- Да!..

- Восьмая?

- Да.

- Как зовут?..

- Лиза!..

- Елизавета!.. Слава Богу!.. Сережа, Наташа, на сцену мы выйдем вместе. Я скажу два слова. Потом вы. А потом я почитаю стихи. Хорошо?

- Да.

Еще подходят знакомые.

Думал, пока суть да дело, купит отец Сергей небольшой домик для богослужения, а там уж, и за храм примется.

Нет!

Начал с храма.

Храм небольшой, из деревянного бруса: как и положено, с куполом и крестом, - уже стоит! А ведь денег-то на строительство и на благоустройство епархия не выделяет. Сам настоятель должен искать. Строить. Служить.

- А это, - подходит отец Сергей и показывает на стройку во дворе, - залили фунда-

мент под Воскресную школу. Тут и библиотека будет. Но – кирпичка нет!..

Улыбаюсь.

- Главное фундамент!.. Если от Господа – главный камень в фундаменте – все будет!

Улыбается. Соглашается. Кивает. Бежит начинать концерт.

Сцена - дощатый помост. Палатка, укрывает от возможного дождя аппаратуру. Деревянный двухметровый восьмиконечный крест. С иконою Святых Благоверных Петра и Февронии.

Все по церковным канонам и профессиональным театральным правилам. В духовном багаже батюшки два (если не три) высших образования. Одно из них – Щукинское училище. Он не только уже опытный священник, миссионер, руководитель Пресс-центра епархии, главный редактор прекрасной православной молодежной газеты «Глагол», в прошлом - хороший актер. Почему и знаком лично со всей творческой интеллигенцией области. Почему ее так много сегодня.

Успеваю подойти к матушке Инне. Как и полагал, у них с программой все в порядке и Ведущие – она с батюшкой.

- Я так и думал! Более того, настаивал...

Она улыбается, идет начинать концерт.

Концерт!..

Ну что можно сказать о концерте в Раю?! Как передать всю его Красоту? Возвышенность и Простоту! Любовь и Чистоту! Полное взаимопонимание артистов и зрителей. Думаю, вы сами можете в некоторой степени это представить!

Открывают эту сценическую радость дети.

Участвуют с песнями, стихами, инструментальными номерами воспитанники трех Воскресных школ Кемерова. И стихотворные связки между номерами подобраны тематические или специально написанные. О любви. О маме. О папе.

Артисты кукольного театра в черных трико и белых перчатках разыгрывают пластическую волшебную сказку.

Заведующая Литературной частью Театра для молодежи и юношества рассказывает сказку об удивительной любви двух сердец, проживших долгую совместную жизнь. Сказку я эту знаю, читал, слышал, но какой свежестью она сейчас дышит!

Она о Любви!..

А здесь – все о Любви.

Вот о Любви уже поет Сергей Тарханов.

Приглашают на сцену и меня.

Поздравляю всех с этим радостным Днем. Говорю несколько слов о житии Петра и Февронии Муромских. Об их высочайшей жертвенной Любви друг к другу и к людям, за которых они отвечали перед Богом и по долгу своей княжеской службы.

- А вот наши Петр и Февронья, - говорю я и на сцену (как мы и договаривались) выходят Скобликовы Сергей и Наташа с ребятишками.

- Здесь не вся семья, - комментирую их выход, - детей у этих молодых людей пока восемь. Остальные сейчас в гостях у дедушек-бабушек. Сережа, пожалуйста!..

Сергей подходит к микрофону, радостный и улыбающийся. Поздравляет всех с праздником. Отец Сергей подхватывает его поздравления, развивает их, рассказывает о совместных делах с Сергеем и поздравляет семью, вручая им икону Благоверных Петра и Февронии.

Под воодушевленные аплодисменты зрителей Сергей и Наташа с ребятишками спускаются со сцены. Я говорю еще несколько слов и дарю в будущую библиотеку храма Полный церковно-славянский словарь, учебное пособие «Основы нравственности» и свою книжечку стихов. Читаю три небольших стихотворения.

Конечно же, о Любви.

Одно из них посвящено Святым Бла-

говерным Петру и Февронии, так сегодня близким нам, хотя и жившим 800 лет назад.

Олег Кухарев читает трогательное стихотворение «Скрипач».

Как читает!

Мастер!

Зрители с самым заинтересованным видом следят за номерами, а на лужайке возле храма ребятишки играют, кружатся в хороводе.

И никто никому не мешает.

Как и положено в Раю.

Лето звенит в зените.

Вспоминаю пророка Исайю: «Лето Господне благоприятное...»

Так и есть.

Господь благословил приходом Своим Мессианское время, время спасения человека, человечества. Только надо и самому стараться, самому трудиться, самому любить. Соработничать с Богом во спасение свое.

Царство Божие, говорят богословы, открывается уже здесь, на Земле. И кто не призывает его всей жизнью своей, не чувствует его в земной жизни, тот не найдет его и после отхода в мир иной. Кто не знает дорогу к нему, кто не видит земных тропинок в Храмы Божии, кто не тянется к заповеданным Таинствам Церкви, к Святым Дарам, как главному средству вхождения в Царство, как обретёт его?!.

Двери храмов сегодня широко открыты всем жаждущим.

«Таинства Церкви, в которых небеса сходят на землю, - пишет протоиерей Павел Великанов в только что вышедшей книге «Школа веры», - превращает храмы в островки Царства Небесного среди земной житейской суеты». И приводит фрагмент стихотворения Осипа Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое», воспевающего главное Таинство Божественной Литургии – Причастие:

*Богослужения торжественный зенит,
Свет в круглой храмине под куполом в
июле,*

*Чтоб полной грудью мы вне времени
вдохнули*

О луговине той, где время не бежит.

*И Евхаристия, как вечный полдень,
длится –*

*Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.*

Евгений Качалин заканчивает выступление песней Булата Окуджавы «Молитва». И вместо – «Зеленоглазый мой», как у автора, поет о Господе – «Голубоглазый мой!..».

- Женя, - поздравляя, говорю ему я, - а у Окуджавы – «Зеленоглазый»...

- Знаю... Но вот я взглянул на небо, а оно – голубое!.. – И через паузу добавляет, - летнее небо не бывает зеленым...

А отец Сергей с матушкой уже заключают концерт.

- Вот на нас и глядит с Любовью Голубоглазый Господь... Как хорошо... Спасибо всем. Ну что, матушка, пока все?

- Да. Приглашаем к столу!..

- Чай с пирогами!..

Скажете, в Раю не бывает чая с пирогами?

Дескать там питаются только духовной пищей!..

Но пироги-то с любовью испечены! А чай, конечно же, - из Источника Воды Живой!..

Вспоминаю: «Летнее небо не бывает зеленым...». Бывает.

Летними, особо ясными ночами, оно бывает зеленым. Зеленоватым.

Но в то мгновение Вечности оно казалось голубым.

**НАТАЛЬЯ
ДМИТРИЕВА**

БИЙСКИЙ ПИМОКАТ ВЛАДИМИР КОЧЕРГИН

Имя изобретателя валенок, нашего соотечественника из Нижегородской губернии, история не сохранила. Доподлинно известно лишь то, что широко распространившиеся в конце 19 столетия валенки, носили все: от дворян и офицеров (валенки официально включены в военное обмундирование Российской Империи) до крестьян.

В советское время валенки были не только обувью горожан, но и частью снаряжения долгосрочных экспедиций на северный полюс, они же были и обувью разведчиков. Женские валенки того времени столь же неприязнательны и однообразны, как валенки мужские, а потому со второй половины 20 столетия популярность этой тёплой войлочной обуви стала стремительно падать. Фабричное производство в настоящее время доминирует и, тем не менее, валенки ручной работы продолжают своё существование: старые сельские мастера по традиции валяют их на продажу. Детские валенки – востребованная часть гардероба с 1920 по 1980-е годы. Однако позже, эта традиционная русская зимняя обувь сходит на нет...

Хотя, ещё памятные предновогодние морозы лишней раз доказывают: зимой Сибири изнеженный гламур не актуален! В Сибири тем более. Ну, посудите, кто в минус сорок градусов напялит супермодные меховые ботильоны с открытым носком? Форс, он, конечно, мороза не боится, но не до такой же степени... Валенки – вот наше российское всё! Да-да, даже те самые, которые «не подшиты, стареньки», или как их

ласково называл и на Руси – пимы, катанки, чесанки, коты... Кстати, триста лет назад искусство «катания» держалось пимокатами в строжайшем секрете и передавалось лишь устным способом – от мастера к ученику, пимокаты даже язык собственный изобрели, чтобы чужаки их секреты не раскрыли.

СТАРИННЫЙ РУБИЛЬ И ХИТРЫЕ СТАРИЧКИ

В мастерской остро пахнет овечьей шерстью. На огромном столе-верстаке распялен бесформенный черный комок. Пимокат Владимир Кочергин с ритмичностью метронома стучит по нему здоровой железной приладой.

– Не стучу, а рублю, – поправляет нас пимокат, который вот уже четыре месяца катает в домашних условиях настоящие валенки. – И не приладой, а рубилем. Вот, посмотрите, какие старинные деревянные рубили нам передавали старики в алтайских деревнях. Боюсь даже предположить: сколько им лет?

Не пытайтесь отыскать во всезнающем Интернете слово «рубиль» – оно там встречается только в контексте денежного знака. Рубиль – это одно из зашифрованных слов, которыми пользовались на Руси пимокаты и означает оно... ну, рубиль и означает. То, чем рубят по шерстяной заготовке, чтобы придать ей форму традиционного валенка. Причем, рубить нужно в течении очень долгого времени – не зря на Руси занимались катанием валенок только мужики. Как наш Владимир Кочергин, в недавнем прошлом обычный безработный, а сегодня – адепт старинного русского учения о тепле. Пройдя курсы валенкократания, на полученных знаниях он решил не останавливаться, а отправился в путешествие по алтайским деревням – чтобы вызнать у местных старичков-пимокатов особые секреты мастерства.

– Говорят, что старые пимокаты знают и

слова особые, и некоторые технологические приемы, – Владимир ловко натягивает кусок черной сваленной шерсти на специальную колодку. – Вот я и решил – пообщаться с ними.

Но старички оказались с лукавинкой, только руками разводили: а, нет у нас, мил человек, никаких хитростей великих – ну, катаем себе пимы потихоньку, отец наш еще катал, да и дед баловался. Стрижешь овечку по осени, да и катаешь себе... – Правда некоторые в конце концов сжалились над молодым пимокатом: парняга столько километров отмахал, надо уважить человека. И вытащили из своих кладовок длинные, деревянные рубили – бери, не жалко. Ими еще наши деды валенки рубили – таких сейчас не делают. Вот Владимир и навез их из своих странствий – целую коллекцию, хоть сейчас в музей прикладных искусств отдавай.

– Я их опробовал на практике – хорошо рубят, – продолжает пимокат. – Правда, решил немного прогресса добавить: сделал по их подобию рубиль железный – им как-то ловчее работать.

В ообщем, обманули старички молодого пимоката: не раскрыли ему своих секретов и слов особых не шепнули – схитрили. А жаль, уходит древнее знание в никуда – как вода в песок. Валенки-то, как утверждает великий историк Карамзин, еще при князе Святославе на Руси катали – все его войско в эту войлочную обувь было обуто. Вот, благодаря таким как Владимир, еще не хиреет в России искусство ручного катания...

– Я на стариков не обиделся, – улыбается Владимир. – У меня свой ум есть, сам в процессе работы до всего дойду. Главное уже понял: валенки нужно катать только с хорошим настроением. Ну, и с уважением к тем, кто в них ходить потом будет. Это, как... Ну, как женщина на кухне пироги печет – будет хорошее настроение и тесто поднимется. Будет не в духе – невкусно получиться. Так и

с валенками нашими. Ручная работа всегда особого расположения духа требует.

ДИЗАЙНЕРСКИЙ ХОД

За последние триста лет технология изготовления ручных валенок совсем не изменилась: на словах-то сам процесс не сложен, а вот на деле – требует немалой физической силы и долготерпения. Работа – монотонная, физические движения – однообразные.

– Самая лучшая для валенок овечья шерсть та, что стригут осенью, – утверждает пимокат. – Она, правда, с разным мусором идет – колючки репейника, трава, пруттики. Но только из такой шерсти валенки и катают. Мы шерсть вычесываем, ну а потом начинается сама работа.

После того, как шерсть вычесали и промыли, ее долго сбивают в единое целое, затем словно из пластилина ваяют форму валенка: так получается заготовка, которую потом долго вываривают в кипятке, чтобы шерсть свалелась еще сильнее. Эта «прокипяченная» заготовка уже напоминает валенок – только гигантского размера. Этого еще горячего «гиганта» натягивают на колодку нужного размера и начинают старательно рубить рубилем, пока он не примет форму нормального валенка. За целый световой день можно «нарубить» две пары симпатичных валеночек. Чем, собственно и занимается Владимир и два его помощника – мнут, рубят, натягивают. Поначалу, говорит, с непривычки руки болели – зато сейчас в тренажерный зал ходить не нужно, мышца пошла...

– Мы в этом году промахнулись с сырьем, – вздыхает Владимир. – Слишком поздно поехали по деревням, фермеры овец уже остригли, а ненужную шерсть сожгли. Приезжаем, а они только руками разводят: ну, где вы были раньше-то? Удалось, конечно, подсобрать шерсти, но в следующем году поумнее будем...

Валеночки у Владимира получаются на загляденье: аккуратные, мягонькие, уютные... И цветовая гамма – приятная, как выразились бы дизайнеры – «экологически выдержанных расцветок». Беленькие, черные, серые. А в валенках, которые на рынках продаются, иногда можно заметить красный и синий ворс...

– Это синтетика, – улыбается мой собеседник. – Где же вы видели овечек с красной и синей шерстью?

Между прочим, ошибкой будет думать, что Владимир катает допотопные валенки, в которых нога болтается, как карандаш в стакане. Валенки-то у него – дизайнерские, когда каждая пара – на заказ. Да еще с разными украшениями – в виде затейливых тесемочек, вышивки, стразиков и прочей гламурной канители, которую так любят девчонки всех возрастов. Вот, к примеру, у меня на ладони пригрелись маленькие валеночки – беленькие, с цветной аппликацией в «чукотском» стиле.

– Когда нужно выполнять такой заказ, я зову на помощь женщин, – откровенничает пимокат. – Ну, не понимаю я в этих фиглях-миглях. А женщины нутром красоту чувствуют, вот и украшают по моей просьбе. Иногда девчонки сами раскрашивают свои валенки, поэтому предпочитают брать бе-

лые, низкие, – говорят, что так модно. Я не спорю, модно так модно. Нужно – скатаю узкие, низкие или наоборот – высокие, с широкой голяшкой. Мы же руками работаем, все, что нужно из шерсти вылепим.

А вот сам пимокат как в той пословице, где сапожник без сапог: ходит не валенках, а в зимних штиблетах. Говорит, что разули его недавно. Прямо на улице.

– Иду по селу, а навстречу мой знакомый, – смеется Владимир. – А я только себе валенки скатал – новые, мягкие. Он увидел и в меня буквально вцепился: отдай, а?! Ну, мне ходить не в чем, ноги мерзнут, ну отдай, ты себе скатаешь новые! У меня сердце доброе, пришел домой, снял, отдал. Теперь мерзну. А скатать себе некогда.

Вдохнув, Владимир взялся за рубиль: пока светло, нужно успеть «срубить» еще одну пару. А потом поставить валенки в сушку – на пятнадцать-шестнадцать часов. Работы – вал... А на улице-то, морозец крепчает, народу в модных ботиках холодно...

169

Светлица

ЮРИЙ КЛИМАНОВ, 14 ЛЕТ,
7 КЛАСС, МОУ ШКОЛА №90

МОЯ ЛИРА.

Муза моя не как у других:
У неё особая лира,
Положит ложь на плаху-стих
И обрушит правду-секиру.

Одна струна лиры – струна любви.
Теме этой не один, не два века,
Но течёт она лозою в крови,
И нет без неё человека.

Струна вторая – пика есть,
Наточен клинок до блеска,
Защитит правду, осуществит месть,
Да и оружие – аргумент веский!

Струна третья – это мудрец,
Мудрец, что знает все истины,
На мир глядит из-под очковых колец,
А пика его истину выстонет.

Струна четвёртая – сказ не один,
Струна, что разит дракона,
Струна эта – христианин,
Живущая в сердце иконой.

Струна пятая живёт, дыша,
В ней пламень, ветер и снег,
Имя пятой струне – душа,
Имя ей – человек!

***

**Некоторые могут сказать, что с ума
сошёл я на птицах.**

**А что: прикажете душе моей в клетке
томиться?!**

**Ведь птице подобна душа у поэта,
Из клетки на крыльях стиха вылетает в**

объятия света.

С музой своею беседу ведя, она в небе высоко.

Чья душа – лебедь, чья душа – ястреб, у
кого – сокол.

У кого хрупкий красивый стих – это крыльях колибри.

У кого же яростный гром, битвой душевные фибры,

Тот на крыльях орлиных летит среди гор,
У него – громадой душа, он стиха Святогор.

Душу свою таить незачем, братья, не
дайте ей в клетке томиться.

Дайте свободу себе – ведь в душе все мы
птицы!

АНАСТАСИЯ ЗАЙЦЕВА, 11 КЛАСС,
МБОУ

«ЯСНОГОРСКАЯ СРЕДНЯЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА»
КЕМЕРОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО
РАЙОНА

170

А мне казалось

А мне казалось, это только дождь

В такт песне бьет по плитам тротуара.

Ты мимо шла под тихий звон гитары

И жутко пальцы пробирала дрожь.

А мне казалось, что пора бежать

От этих лиц, чужих и незнакомых,

От череды твоих ночей бессонных.

Звонков и разговоров – наугад...

А мне казалось... Мне казалось, да,

Что мы не сможем больше в одиночку.

Но я смогу. Я просто ставлю точку,

Шагая вдоль горящего моста.

Трепет лета

Полдня летела над полем овса,

Ещё полдня над пшеницей.

Колосья бросались в лицо,

Я их разводила руками,
 Ни тихо летела, ни быстро.
 Земли чуть касаясь ногами.
 Совсем не хотелось терять
 Васильков синеву, трепет лета.
 Но очень мечтала найти
 Дом нежно-лимонного цвета.

Весь закат летела над полем в снегу.
 Всю ночь, весь рассвет ноябрьский.
 Стылый ветер бросался в лицо,
 Я его отгоняла руками.
 Ни тихо летела, ни быстро,
 Земли чуть касаясь ногами.
 О, как не хотелось терять
 Дом нежно-лимонного цвета,
 Но трудно было забыть
 Васильков синеву, трепет лета.

9 crimes

Я притворяюсь, что твоих не вижу слёз,
 Что небо все еще над нами голубое,
 Что мы вдвоём. Отпустим всё бывшее
 Так, словно не было холодных в небе звёзд.
 Остывших взглядов и немой тоски,
 Обид и леденящих расставаний,
 Не поглотили нас зыбучие пески
 Беззвучной ревности, пустейших обеща-
 ний.

Давай оставим неподъёмный груз
 Всех наших ссор, бессмысленнейших споров
 И, если я однажды не проснусь,
 То знай - дороже наших разговоров
 Мне не было в сей жизни ничего.

ЛИЗА КАЛАЧИКОВА, 15 ЛЕТ
 МБОУ
 «КРАСНИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА»,
 ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ РАЙОН, 10 КЛ.

МОЙ ПРАДЕДУШКА

Мой прадедушка был летчик,
 Воевал на двух фронтах,

Два фашистских самолета
 Уничтожил в облаках.

Сам он ранен был однажды,
 Чудом выжил – спас хирург...
 На войне герой – не каждый,
 Важно – не утратить дух.

Он с Победой был в Берлине.
 И вернулся в город Псков,
 Где могила дочки Нины,
 И врагом разрушен кров...

Жизнь солдата разделилась
 На две части пополам:
 До войны все небо снилось,
 Ну а после – «Смерть врагам!»

Мой прадедушка был лётчик,
 Грудь в медалях, орденах.
 Два немецких самолёта
 Он не любит вспоминать...

177

ДАРЬЯ ЛУНЕГОВА, 13 ЛЕТ
 МБОУ
 «КРАСНИНСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА»,
 ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ РАЙОН, 6 КЛ.

ПОСЛЕДНИЕ СТАИ

Улетели далеко за поля пустые,
 Нежно крыльями шуриша, стаи золотые.
 Все летят, тая печаль близкой непогоды.
 Ведь пока они летят, прибегают годы.
 И печаль их всем ясна:
 За осенней бурей
 Льет с небес, как из ведра,
 Дождь осенний, хмурый.

Устами детей говорит мир

VII Межрегиональный фестиваль-конкурс
 детского и юношеского литературного
 творчества «Устами детей говорит мир»

проходил со 2 по 4 октября 2012 года в городе Томске на базе Томской областной детско-юношеской библиотеки.

Стихи и проза победителей и участников средней возрастной группы (13-15 лет).

**БИРЮКОВА ДАРЬЯ,
Г. КОЛПАШЕВО ТОМСКОЙ ОБЛ,
СОШ №7**

***

Сияя внутренней своею красотой,
В любые дни даря чудо слуху,
Стоит здесь Храм. Он хоть на вид простой,
Но людям дарит свет и силу духа.
Здесь каждый камешек, наверно,
Уж Моцарта запомнил наизусть,
А то, что здание само снаружи серо —
Так это ведь снаружи, это пусть!
Зато здесь двери говорить умеют,
А инструменты — петь и танцевать,
И люди слова здесь сказать не смеют,
Лишь стоит только струнам зазвучать.

***

Я играю, живу и смеюсь,
Для тебя невозможно легка,
Но, позволь, я сейчас извинюсь,
Пусть поможет мне в этом строка.
А прощенья прошу за молчанье,
За бессмысленный страх говорить,
За слепое, чужое желанье
Лишь с тобой каждый день проводить.

**КОМАРОВА АЛЕКСАНДРА,
Г. КОЛПАШЕВО, ТОМСКОЙ ОБЛ.,
МОУ СОШ № 7**

ВЕСЕННЕЕ

Природы пробуждение,
Воспряла ото сна.

Какое наслаждение
В душе поет весна!
И шуруются прохожие
От солнечных лучей.
И дни стоят погожие,
Вдали журчит ручей.
И ветерок настойчивый
Качает облака,
А под ледовым панцирем
Томится Обь-река.
Как только солнце яркое
Растопит толстый лед,
Пора наступит жаркая,
Начнется ледоход!

**ИВАЩЕНКО ВАЛЕНТИНА,
Г. НОВОКУЗНЕЦК,
СОШ №72**

ГИТАРНЫЕ СТРУНЫ

Шесть тонких, мелодичных,
Вибрирующих струн
Звучали необычно
В сиянье белых лун.

Мне слушать сладко-сладко
Их нежный перебор...
И с нотною тетрадкой
Не расстаюсь с тех пор.

Под их звучанье даже
Я в облака лечу.
Они легко расскажут
О том, о чем молчу...

Теперь звучат привычно
Под сенью солнц и лун
Двенадцать гармоничных
И благозвучных струн.

СУЛАКШИНА ЕКАТЕРИНА
Г. ТОМСК,
МАОУ ГИМНАЗИЯ № 6

***

Корабли сигналият на прощание,
Покидая гавани далекие.
Теплый ветер с запахом гибискуса
Задевает выбленки-ступенечки.
Никаким на свете обещанием
Не сдержат часы разлук жестокие...
На губах следы остались прикуса,
На руках — завязанные фенечки.
Их узлы, как прежде руки, скрещены
И на поезд памяти билетки.
Даже если что-то потеряется,
Все равно — посмотришь, и почувдится:
Разыскав записочки по трещинкам
И собрав изящные букетики,
На ступеньках Встреча улыбается —
Та, что все равно когда-то сбудется...

БАШАРОВА ЕЛЕНА,
Г.НОВОКУЗНЕЦК,
СОШ № 13

Прости

Прости, хоть мне прощенья нету,
Прости за то, что нету сил,
Что я любила без ответа,
А ты... ты не меня любил.

Прости за то, что ревновала,
Ужасно мучилась любя.
Мне так тебя недоставало —
Теперь бы выплакать тебя.

Прости, что так и не узнала,
Как в ожидании грущу,
Что я тебя нарисовала...
Прости меня, и я прощу

ПОПОВ ДЕНИС
Г. АСИНО, ТОМСКОЙ ОБЛ.,
МБОУ ГИМНАЗИЯ № 2

Моя семья – моё богатство

Семья. Что же значит для меня это слово? И богатство ли это?
Смотрел как-то художественный фильм «Ноев ковчег», и там прозвучали слова из Ветхого Завета: «Каждой твари по паре». Природой заложено, чтобы животные, мужская и женская особи, были вместе, и у них рождались детеныши. Чтобы не заканчивался их род. Это относится и к людям.

Так и рождается семья: мама, папа, дети. Это физическая сторона семьи, но есть и духовная. Духовная важнее.

173 Дом, семья – это, в некотором роде, понятия совместимые. Когда мы говорим «дом», «домой», имеются в виду не стены и крыша над головой, а родные, которые там живут, т. е. семья. Мама говорит: «Дом – это то место, где тебя любят и ждут».

Есть такая песня, в которой слова о доме, и я полностью с ними согласен:

Дом, как известно всем давно,
Это не стены, не окно,
Это не стулья со столом.
Это не дом.

Дом – это то, куда готов
Ты возвратиться вновь и вновь
Радостным, добрым, нежным, злым, еле живым.

Дом - это где тебя поймут.
Дом - это, где все время ждут.
Где ты забудешь о плохом.
Это твой дом!!!

После школы с радостью бегу домой, там меня любят, и я люблю свою семью. Моя семья – это мама, сестра и я. Мама у меня

самая красивая, самая лучшая на свете. Поможет в трудную минуту. С сестрой мы очень дружны. Если ей очень плохо, я ей всегда помогу, или наоборот. Мы с ней «не разлей вода». Бывает, и ссоримся, но быстро миримся. В нашей семье есть еще и бабушка, мамина мама. Бабушка нас всегда воспитывает, у нее в деле воспитания богатый опыт, т. к. она много лет проработала воспитателем в детском саду. Всем вместе нам быть очень хорошо. Мы заботимся друг о друге. В нашем доме, семье тепло и уютно. А сколько ласковых слов мы слышим от своей мамочки!

Не всем повезло с семьей, так как мне. Есть мальчишки и девчонки, у которых родители пьют и не заботятся о них. Есть и те, у которых вообще нет семьи, их бросили нерадивые родители, или умерли.

Такие дети живут в детских домах, о них заботится наше государство. Они уже не увидят и не поймут тепло семьи. Но, может быть, став взрослыми, они создадут это тепло для своих детей.

Семья – это богатство. Ни за какое золото не купить то тепло, то понимание, ту любовь, которые есть в семье. А это, я уверен, самое важное для любого человека.

ИЗМАЙЛОВИЧ ДАРЬЯ,
ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЗЫРЯНСКИЙ
РАЙОН
МБОУ ЗЫРЯНСКАЯ СОШ

ЗА ДОБРОЕ ЖДИ ДОБРА,
ЗА ХУДОЕ - ХУДА СКАЗКА

Правда это или вымысел, были или небылица, сейчас уже никто и не припомнит, да только вот время то прошло, а пословица осталась.

В одном дальнем селении, на берегу шу-

строй речонки стояла избушка. Избушка была ни мала, ни велика, а только в землю по крышу вросла. И жил в этой избушке мужичок. Ростом невелик, умом не богат, но зато был он очень добрый. Бывало, выйдет на улицу, пройдет по селу - каждому улыбнется да слово доброе скажет, и всем людям вокруг хорошо на душе становится.

Только невзлюбил того мужичка сосед-богачей. Завидно ему стало, что вот, мол, мужик беден как мышь церковная, за душой ни гроша, а все его любят, все уважают да раскланиваются перед ним. И задумал он его извести. Сходил к бабке-колдунье и выспросил у нее как ему худое дело проверить. Не хотела она ему говорить, да проговорила, что нужно пойти в лес, найти камень-валун и выкопать под ним сундук. Только главное условие: до дома сундук не открывать - в том сундуке сидит Худо Худое. Нужно подбросить его на двор мужичку, откроет он его - Худо к нему и прилипнет. Обрадовался богачей, и сделал все, как бабка наказала. На утро увидел мужичок у себя на дворе сундук, открыл его, а оттуда: прыг - Худо выпрыгнуло. Стали они вместе с мужичком жить, куда мужичок, туда и Худо. А богачей из-за забора поглядывает, да ждет: что же дальше будет? Но ничего не происходило. Добра нажитого у мужичка не было, из всей скотины только кошка да собака, все богатство - душа добрая да сердце золотое. Худо, как ни старалось навредить мужичку - ничего не выходило. Скучно стало однажды Худо, и повадилось оно на двор к богатому соседу похаживать. А у того то корова заболела - молоко пропадет, то мыши покоя не дают, а тут еще и пожар приключился. Задумался богачей:

-Как же так? Ведь это у мужичка все должно быть плохо, а тут у самого непо-

нятно что происходит.

Пошел богатей снова к колдунье. А та ему и говорит:

- «За добро жди добро, за худое - худо!»

Возвратился домой богатей, повинулся перед мужичком. Придумали они вместе как от Худа избавиться. Пошли они в лес, выбрали место гиблое, куда нога человека ни разу не ступала, и закопали Худо глубже прежнего, чтобы никто его больше не нашел. Вернулись домой, и стали добрыми и дружными соседями. А остальным людям был в этом большой урок.

**ХИХАНЬКИ ДА ХАХОНЬКИ
ПОДГОТОВИЛ СЕМЁН ГАПЕЕВ,
МОУ ГИМНАЗИЯ № 1**

Ученик 5 класса списал тему для 10-го. Ого, вот это размах. Не перескочил ли он возрастом?

Синтаксис и пунктуация.

А ещё в гимназии учатся... А вот какие злые шутки играет с нами язык, если ты не знаешь орфографии
Колет в Баку (боку).

Опять ? Какие же у нас ученики...

Из сочинений гимназистов: ну-ка, посмотрим.

На полях растут грибники, ягоды, цветы.

Грибники??? Нет, так не пойдет.

Порядочный человек - тот, кто любит порядок, у него в доме чистота.

Это созвучно герою, ведь такое редко бывает, поверьте, я-то знаю!

Рядом с девочкой лежит пес, у него нет никаких сил: ни физических, ни моральных.

Интересно, у собак мораль тоже есть???

Сидишь в лесу, а вокруг тебя щебечут кузнечики.

Вот это глубокие познания в зоологии, хорошо, что люди не мяукают...

Дедушка, а у тебя есть шАнель?

Нет, только шуба...Эх, современные школьники, что такое «Шанель» знают, а что такое шинель нет...

Снег лежал на земле, как застенчивая невеста.

Сколько она там пролежит? Её принц придет или как?

- Что такое унты? (Обувь! Ну что еще?)

- Волосатые сапоги!

Не знал - не знал, оригинально придумали. А ботинки, соответственно, лысые сапоги?

А теперь, уважаемый читатель, представляю рассказ Артура Карташана, 5Г, написанный по мотивам, так сказать, изучения темы «о-ё после шипящих в корне»...

Я так понимаю это новая версия скороговорки «Шла Саша по шоссе». Интересно и оригинально. А также познавательно.

175 Ведь слова - исключения надо знать!!!

Поверьте на слово. Пригодится не только «зеленым» пятиклассникам, но и зрелым выпускникам.

Шёл обжора. Его звали Жора. Ему сильно хотелось есть, но в кармане не было ни одной плитки шоколада. Он шёл привычной дорогой: слева виднелись трущобы, вот бедный шорник сидел на лавке, а справа был лес. Мальчик был так голоден, что решил свернуть в лес в надежде на то, что найдёт что-то съедобное. Вдруг он услышал шорох. Он пошёл на звук и забрёл в чащобу. Но он этого не заметил, так как нашёл куст крыжовника и ел его ягоды. Наевшись, он заметил, что заблудился, и в панике начал метаться в разные стороны. Затем он услышал странный звук. Это он задел ветку кашоном, и на нём разошёлся шов. Вдруг

мальчику в глаза ударил яркий свет... Не может быть! Это автомобиль с шоссе. Хорошо, что нашёлся добрый шофёр, который согласился довезти Жору до дома. Сам он оказался шорцем.

Дома его ждали мама, папа и младшая сестра с трещоткой. Хорошо, что всё обошлось только изжогой от переедания крыжовника.

**РУСЛАН
ЛЯШЕВА**

ЗАПСИБОВСКАЯ ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ И КАЗАЧИЙ ДУХ

(о книге Гария Немченко «Дух черемши»)

Ничего удивительного, что споры о Михаиле Шолохове перетекли в XXI век. Если о Шекспире цапаются несколько столетий, о Гомере не угомонятся несколько тысячелетий, то, естественно, не мог избежать этой посмертной славы и Шолохов, личность которого для нас значит не меньше, чем слепой рапсод для древних греков или аноним, скрывающийся за именем драматурга, для англичан эпохи Возрождения. Ну что там маленькая Троя? Хоть бы она выстояла, как наш Сталинград, так нет же, пала под напором «ахейских мужей»; приказала, словом, остальным городишкам долго жить. Гомер раструбил восхищение мужеством ее защитников на все времена. И хоть ты лопни, имя Гомера (вместе с его подопечными) сидит в голове со школьной скамьи; свое имя в стрессе забудешь, но Гомера ни-ни, Боже упаси.

Полемическая литература о нашем современнике по объему едва ли не обгоняет удачливого грека, посему, не погружаясь в ее дебри, остановимся на свежем примере, из книги Гария Немченко «Дух черемши» (Кемерово, 2012 г.).

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса, я список кораблей прочел до середины...» - писал Осип Мандельштам об армаде, направлявшейся громить Трою. Список «кораблей», устремившихся громить Шолохова в самом начале XXI-го века, когда были найдены и выкуплены рукописи «Тихого Дона», под-

линнее! Их авторов со статьями и органами СМИ перечисляет Феликс Кузнецов, член-корреспондент Российской академии наук. Все - новые и старые, но вновь всплывшие версии о плагиате, Ф. Кузнецов называет нелепицами и фантазмагорическими версиями, невежеством или профанацией, что и доказывает, обращаясь к архивным документам. Михаила Александровича Шолохова он называет «самым крупным художником ушедшего XX века» (Феликс Кузнецов. Осторожно: профанация. «Литературная Россия», № 16, 20 апреля 2001 г.). Литературовед, как и положено, доказывает авторство Шолохова историческими фактами и документами. Прозаик Г. Немченко размышляет над загадкой авторства «Тихого Дона» в главе «Донской пролог» (документальная повесть), с благодарностью судьбе за личное знакомство с Шолоховым на встрече классика с молодыми писателями в 60-ых годах. Теперь, оглядываясь, он заново всматривается в «окутанное дымком от папиросы задумчивое лицо Шолохова. И - глаза. Бог даст, когда-либо удастся хоть приблизительно описать, что это был за взгляд и сколько в нем таилось. И что разгадали мы в нем. Уже потом. Всем миром. Сообща. А что - не разгадаем уже никогда».

И все же Немченко нашел для себя загадку тайны, как мог «парнишка, тоненький как мальчишка» (по воспоминаниям Александра Серафимовича, приведенным в статье Ф. Кузнецова), написать эпопею о донском казачестве? К разгадке современного писателя привели два совпавших события. Дело в том, что Г.Л. Немченко в 90-м «кликнули» атаманом Московского землячества казаков. Первое, что он сделал, - отправился на Ордынку разглядеть, осталось ли что-нибудь от «находившейся издревле в столице казачьей слободки»; от пустынного подворья церкви Успения Богородицы двинулся к трем Казачьим переулкам. Из церкви

выселяли много лет обитавшую в ней типологию, новый атаман стал добиваться в патриархии, чтобы храм Успения Богородицы вернули прежним хозяевам - казакам; дело казалось безнадежным. В хлопотах Немченко не забывал о Казачьих переулках, пытаясь встретить кого-нибудь, знающих что-нибудь о казаках. Случайно разговорился с пожилой жительницей этого района Москвы, у которой муж перед войной работал конструктором артиллерийских снарядов. Она поведала атаману, что, если снаряды не взрывались во время испытаний, то из тюрем привозили зэков-казаков и отправляли руками взять их и принести. Часто снаряды взрывались у них прямо в руках. Муж страдал, видя гибель казаков, но изменить ситуацию не мог; от того, горестно сообщила рассказчица, и умер рано от инфаркта.

В статье «Осторожно: профанация» Феликс Кузнецов написал: «Бывшее ЧК, а потом ОГПУ так и не простило Шолохову правды о Вешенском восстании, которое было вызвано, спровоцировано политикой «рассказывания», то есть геноцида против казачества...» Немченко от вдовы конструктора услышал, как в 30-ые годы проводилось «рассказывание», точнее говоря, уничтожение казаков.

Хлопоты о возвращении казакам церкви Успения Богородицы неожиданно увенчались успехом.

«...И во мне, - пишет Г. Немченко, - вдруг возникло страшное и счастливое ощущение чего-то сокровенного, объединившего вдруг времена и судьбы, в том числе - и мою собственную... Ощущение это с благодарностью помню до сих пор. С безмолвной печалью улыбался, а в голове проносилось: ну вот, мол, вот!.. Богородица и это управила, с возвращением казакам когда-то посвященной Ей церкви. И Шолохову, Михал Александровичу, почти мальчишке тогда, конечно же, именно Она помогла поднять щит духовный

над бедным своим народом, всё погибавшим от снарядов, которые продолжали взрываться в руках у него на истерзанной недругами и нами самими, простодырами, нашей грешной земле...» (стр. 71)

Ученый доказал авторство М.А. Шолохова логическими аргументами, а художник-писатель угадал истину сердцем, по христианскому наитию. Пути Господни, вопреки пословице, все-таки исповедимы.

«Донской пролог» хорошо дополняет предисловие «Поиск названия», ибо два эти текста - короткий и большой - наполняют историческим значением «на первый взгляд, случайное название книжки: «Дух черемши». Кстати, черемша - дикий чеснок в сибирской тайге, как я понимаю. У чалдонов, коренных сибиряков, - надежное средство от всех болезней; в годы войны в госпиталях Томска, рассказывает в предисловии Немченко, черемша спасала раненых красноармейцев от смерти, заменив отсутствовавшие антисептические, обеззараживающие средства. Черемша (колба - второе название) очень пахуча, как и чеснок; и любителей лакоста - а это все сибиряки, то есть народ - выдает по запаху. Название книги «Дух черемши» не без юмора трактуется автором в предисловии, как дух народа или народный дух. Нота трагизма из «Донского пролога» соединяется с юмором, создавая объемное значение исторического содержания. Короче, эта книга - о народе, его бедах и радостях, о его стойкости. Таких казаков можно было видеть на фольклорном фестивале «Живая традиция» 4 ноября 2012 года в Доме кино, где все кипело.

ПО ПРИНЦИПУ МАЯТНИКА: ДО ОСНОВАНИЯ, А ЗАТЕМ...

Любая крайность рождает крайность противоположную. Срабатывает принцип маятника, который, высоко взлетев в

одну сторону, качнется и в другую с той же прытью. В начале XX-го века большевики вдохновляли народ, дескать, весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим. Уничтожили царизм. В конце XXI века появились, якобы, демократы, они «новый мир», построенный большевиками, назвали тоталитаризмом, и на этом утверждении обосновали свое право разрушить его до основания, чем, к сожалению, и занимаются два десятилетия без передышки. Этот пример наиболее наглядный, поскольку два раза за столетие государственный порядок в России переворачивался, наподобие песочных часов, вверх тормашками.

Еще пример - новейшая история казачества. Рассказывание, как поведал Г. Немченко со слов вдовы конструктора, было настоящим геноцидом. Таково было движение маятника в одну сторону. В другую его качнула идея самостийной казачьей государственности, возникшая в 1927 году в эмиграции. «Печатным же органом, через который широко, по всему миру проводилась идеология казачьего сепаратизма стал журнал «Вольное казачество», бессменным редактором которого был кубанский казак, инженер и политический деятель И.А. Билый. Оказавшись в эмиграции, в Польше, он начал выпускать журнал «Вольное казачество» совместно с есаулом М.Ф. Фроловым из станицы Новочеркасской, одним из главных инициаторов и основоположников эмигрантского движения Вольных Казаков. Первый номер журнала вышел 10 декабря 1927 года» (Духовно-мировоззренческий и литературно-публицистический альманах «Поход». М., 2011, стр. 312). Идея построения коммунизма в России была, как теперь выясняется, не единственной утопией в XX-м веке. Вот и казаки (не без финансового воздействия Польши) размечтались о самостийном государстве Казакии и были

готовы назвать себя особым народом, никак не связанным с русскими (украинцы в конце XX-го века их мечту осуществили!) Иван Солоневич в коротком афоризме: «Казачество нужно России, но еще больше Россия нужна казачеству», - расставил точки над «и» в нелепой затее, которой бедненькие казаки-эмигранты хоть как-то потешили свою приунывшую душу.

Гарий Немченко в теоретические дебри не погружается; книга написана о большом, о русском народе в целом; символично, что название «Дух черемши», значит народный дух, обыгрывает явление Сибири, таежную черемшу. Запсиб, комсомольская стройка, где я работала в начале 60-ых сварщицей, а Гарий Леонтьевич - ответственным секретарем в газете «Металлургстрой», был, по существу, комсомольской «Запорожской сечью». Фильм «Тарас Бульба» режиссера Владимира Бортко только укрепил мое мнение о кровном родстве Запсиба и Сечи. Казачество - это как бы бродильный фермент в русском народе, который подпитывает его пассионарность (термин Льва Гумилева). Недаром Велемир Хлебников называл казаков дворянами Земли. Такая мировоззренческая позиция автора определяет суть и содержание «Духа черемши». Подтверждение «концепции» - история другого кинорежиссера - Вадима Виноградова и оператора Никиты Хубова. В 60-м году, сообщает Г. Немченко, он вместе с поэтом Робертом Кесслером (тоже работал в «Металлургстрое») написал сценарий документального фильма «Запсиб» для дипломников ВГИКа Виноградова и Хубова. Фильм имел успех. Прошли десятилетия, Вадим Виноградов стал православным кинорежиссером, и начало такому творческому пути было там, уверяет режиссер прозаика, на Запсибе.

Так у автора и получилось в «Духе черемши», что в сибирских главах книги царит вольнолюбивый дух казачества («Запад-

но-Сибирские сны» и другие), а в главах о казаках («Газыри» и другие) или о Северном Кавказе, Адыгее и Майкопе, где писатель с женой после Сибири прожили плодотворные для творчества годы, воссозданы русское миролюбие и настоящая дружба народов, как на Запсибе. Металлургический гигант в Новокузнецке строили, в основном, русские, конечно, но вместе с ними на

Антоновской площадке трудились едва ли не представители всех народов Советского Союза. Сам факт публикации книги в промышленном Кузбассе (г. Кемерово) - знак высокого качества. И оформление, под статью содержанию, - прекрасное!

Руслана ЛЯШЕВА
г. Москва

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

ДУША, МЫСЛЬ И МУСКУЛЫ КУЗБАССА

(О сборнике стихотворений «Шахтёрская
доля такая...»)

Самоотверженный, героический труд шахтёров Кузбасса известен и почитаем в России. Когда говорят о шахтёрах, то сразу представляется, сколько миллионов тонн они мужественно добыли из-под земли своими сильными мускулистыми руками.

*И везде ему выше пайка –
на работе ли он, в дому...
Государство или хозяйка
самый лучший кусок – ему.*

В. Зубарев, «Воспоминание о соседе» ¹⁸⁷

Но не надо забывать, что в труде шахтёров под землёй участвуют не только рабочие-проходчики, но и учёные, инженеры. Участвуют своей неусыпной мыслью – помочь, облегчить труд шахтёра, сделать его более безопасным.

*Что делать, но жизнь такова,
Чревато работать незряче.
Быть светлой должна голова,
Нельзя доверяться удаче.*

Г. Горюнов, «Труженикам героической
профессии»

Таким образом, можно сказать, что шахтёрский Кузбасс трудится и физически, и умственно. Но и это не всё. Кузбасс работает ещё и душой своих поэтов. Казалось бы, никто не заставлял писать кузбасских поэтов о шахте, о шахтёрах. Переживать шахтёрские

трагедии, размышлять об их нелёгкой жизни: их непроглядных рисках под землёй (и это каждый день!), их праздниках и редких минутах славы. Помнится, в советские времена памятники (бюсты) ставили при жизни космонавтам и шахтёром. Небо и земля. И даже выше неба – космос и земные глубины.

И вот коллективно, как раньше говорили, всем миром – кузбасские поэты создали книгу «Шахтёрская доля такая...», объединив в образах своих стихотворений радость и тяжесть физического труда шахтёров, творческий заряд мысленного труда, проникающего в космос нашей матушки-земли. И всё, кажется, испытала, и везде, кажется, побывала душа поэта. В книге собраны стихотворения 44 авторов – и профессиональные поэты, и ветераны-шахтёры и их жёны, и даже школьники. Прочитайте её и постарайтесь проникнуться серьёзностью наших помыслов, может быть эта книга – путь к первой в России антологии стихов о шахтёрах.

Предисловие к ней написал Михаил Иванович Найдов, он же нашёл деньги для издания и предложил название книги «Шахтёрская доля такая...» Но чтобы только обосновать заглавие к предисловию, он, посвятивший шахтёрскому делу всю свою жизнь, прошедший нелёгкую дорогу от паренька-шахтёра до директора шахты и выше, написал «Грудь забоя». Рассказ не вошёл в предисловие, и мне показалось это несправедливо. Судите сами.

ГРУДЬ ЗАБОЯ

Грудь забоя угольного пласта или горной породы - это горный термин, который обозначает обнажённую часть угольного пласта или горной породы во время угледобычи в лаве или при проходке горной выработки. Площадь груди забоя зависит от мощности угольного пласта, длины лавы или сечения горной выработки.

Когда в 14 или в 15 лет мне удалось побывать в шахте, то впечатление было не только познавательным, но и ошеломляющим мой юношеский разум. Мне многое было непонятным: ни в пространстве, куда ведут эти тоннели, ни что на поверхности земли – надо мной, ни что глубже меня и т.д. Я также был озадачен: как же шахтёры находят дорогу назад, на поверхность. И когда я, работая на шахте города Междуреченска, водил в шахту жён бригадиров, то рассказывал им о своём первом спуске под землю на 300 метров в глубину земли. И после того, как они облачились в шахтёрскую робу, надели аккумуляторные лампы и спасатели, портянки в сапоги, прошли всего-то около километра по горным выработкам в темноте, где грохочут ленточные конвейеры с углём, лавный конвейер и комбайн в лаве, вгрызаясь в угольный пласт, передвигаются секции мехкомплекса, которые ограждают пространство у груди забоя, за секциями обрушается порода, то на их усталых и потных лицах было изумление почище моего. Такой приход гостей был неожиданным для мужей и их товарищей. Работу лавы останавливали, и разговор вёлся не словами и предложениями, а междометиями, типа: ох, ах, да как же это, вот это да и т.д. Тогда после этого в разговор вступал я:

- А теперь прошу Вас выполнить ритуал и прикоснуться щеками к груди забоя.

- Как прикоснуться к груди мужа – мы знаем. А где эта «грудь забоя»?

Рассказал им о груди забоя – закивали в знак понимания.

Перехожу через лавный конвейер и оказываюсь у груди забоя – 3-х метровой мощности пласта, руками прикасаюсь к обнажённому углю, после того, как лавный комбайн отрубил стружку пласта, приговаривая:

- А теперь я прикасаюсь к груди забоя, до которой миллионы лет не касались руки человека.

После чего вымазываю углём щёки моих спутниц. Ритуал восприняли серьёзно. Хохотали только тогда, когда увидели в зеркале в мойке на своих лицах отпечатки моих пальцев. Потом сфотографировались на память. Из розария шахты жёны получили розы. Во время чаепития было оживление и тосты.

Вот некоторые из них:

- Теперь я понимаю, почему Валера после возвращения из шахты не откликается на мой призыв пойти погулять по дамбе.

- Умывать лицо не хотелось, пусть бы подруги и дети посмотрели.

- Есть ритуал обрезания. Теперь мы знаем, что есть ещё и ритуал обмазывания углём. Ведь это поэзия и восторг. Предлагаю первые строки стихотворения:

«Прикоснись щекой к груди забоя,
так же трепетно, как к мужу.

Этот уголь мезозоя

Очень, очень людям нужен».

Читатель, видимо, отметил, что на шахте был свой розарий.

Да, на этой шахте Уголь и Розы были не только на фирменном шахтовом значке, но и в поэтическом восприятии шахтёрской доли своих земляков-шахтёров.

Вместе с тем, шахтёры понимают, что у Розы есть Шипы, поэтому есть резон сказать так: «Уголь. Шипы. Розы» Это ближе к истине.

Автор: горный инженер

Книга издана, как приложение № 41 к журналу «Огни Кузбасса». Оформил издание известный художник Василий Кравчук, использовав работы профессиональных и юных художников. Прочитайте её и постарайтесь проникнуться серьёзностью наших помыслов (редактор-составитель – автор этой статьи), может быть, эта книга – путь к первой в России антологии стихов о шахтёрах.

8 февраля в Малосалаирской модельной библиотеке состоялась встреча с Сергеем Павловым. Читателям представили выставку книг писателя и слайд-фильм о творчестве писателя. Автор читал отрывки романа «Пленники Манчжурии» - второго тома «Кузбасской саги».

14 февраля в «Доме художника» на открытии юбилейной выставки посвященной 25-летию музея-заповедника «Томская писаница» Сергей Донбай и Дмитрий Мурзин вручили призы победителям литературного конкурса посвященного юбилею.

15 февраля состоялось обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2012 год. Выступили Татьяна Ильдемирова, Александр Ярошук, Вера Лаврина, Галина Карпова, Татьяна Николаева, Виктор Бокин, Валерий Плющев, Елена Елистратова. Выступающие отметили прозу Любви Скорик, Владимира Мазаева, сказали много хорошего о рассказе «Генка» и повести «Чужие квартиры» Татьяны Ильдемировой. Во время обсуждения поэзии много говорилось об авторах из других регионов: Николае Зиновьеве (Краснодарский край), Светлане Кековой (Саратов), особенно отметили первую отдельную подборку молодого кемеровского поэта Константина Стафиевского. В других рубриках внимание привлекли статьи Валентина Курбатова, путевые заметки Веры Лавриной, краеведческий очерк Виктора Арнаутова посвященный 70-летию Кемеровской области.

16 февраля в Доме литераторов Кузбасса прошло совместное заседание литературных студий г. Кемерово и г. Новокузнецка: Притомье (руководитель Д. Мурзин) АЗ (руководитель Александр

Ибрагимов), Мастер-круг (руководитель Татьяна Николаева).

18 февраля в селе Красный Ключ, на родине поэта Валерия Ковшова прошли чтения его имени. На чтениях выступили давние товарищи Валерия – поэты Сергей Донбай и Александр Катков.

19 февраля в библиотеке им. И. Киселёва состоялся конкурс чтецов. Для конкурса были выбраны стихи кузбасских поэтов о природе. Жюри в составе С. Донбая, Д. Мурзина, Г. Карповой выбрали победителей. Среди 5-7 классов это Новосельская Наталья (6а класс СОШ №62), Волкова Лия (6д класс СОШ №37), Савельев Сергей (6а класс СОШ №90). Среди 8-11 классов Шевчук Станислав, Двинянинов Семён, Белых Александр (все – Областная кадетская школа интернат МЧС). Жюри отдельно отметило Ромасюк Ксению и Стафеева Глеба прочитавших стихи собственного сочинения.

20 февраля в областной библиотеке состоялся вечер-воспоминание о Василии Федорове, который собрал почитатели творчества поэта, люди, близко знавшие В. Д. Федорова, поэтов, писателей, художников, работников музеев и библиотек. На вечере прозвучали стихи поэта на русском языке и в переводах, Вадим Егоров исполнил несколько песен на стихи В. Фёдорова, о поэте вспоминали Сергей Донбай, Борис Бурмистров. Вниманию присутствующих будет представлена видеопрезентация «Федоровские места в городе Кемерово».

5 марта прошёл вечер в честь 80-летия поэта И. Киселёва в библиотеке его имени. На вечере читали стихи юбиляра. Воспоминаниями о поэте поделились его вдова

Ирина Киселёва и поэт Владимир Иванов.

6 и 15 марта в МБУ «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского» и городской библиотеке им. Гоголя прошла презентация нового поэтического сборника «Замерзающий звук» В. Бокина. Автор благодарен за подготовку сотруднице музея Екатерине Плотниковой и библиотекарю Елене Володеевой.

20 марта в литературной гостиной ГУК ДЛК прошло представление и обсуждение очередного первого номера журнала «Огни Кузбасса» за 2013 год. Владимир Иванов представил свою повесть «Служивый», Юля Сычова прочла стихи из своей подборки. Владимир Сухацкий поведал о питании кемеровчан в XX веке, поэт, прозаик и фокусник В. Переводчиков показал фокус и рассказал о В. Мессинге. Также свои материалы представили В. Лаврина и Ю. Михайлов. Об отсутствующих авторах рассказали главный редактор журнала С. Донбай и ответственный секретарь Д. Мурзин

26 марта поэт Д. Мурзин в библиотеке им. Гоголя в г. Новокузнецке представил первый номер журнала «Огни Кузбасса» и провёл свой поэтический вечер.

28 марта в библиотеке им. Фёдорова прошло представление книги Валерия Плющева «Привычка к ежедневному чтению».

29 марта в г. Юрга прошла встреча с читателями, посвященная Дню памяти писательницы Е. Дубро.

Новокузнецкое отделение Союза писателей Кузбасса в за март осуществила следующие мероприятия: детский писатель Э.Д. Гольцман провел театрализованное

представление своих новых стихов с учениками младших классов Заводского района и юными читателями поселка Листвяги; члены поэты А. Раевский и И. Малкова выступили на мысковском городском ежегодном фестивале-конкурсе «Рождественская звезда» с участием литераторов юга Кузбасса; А. Раевский совместно с новокузнецким городским литературным объединением «Творческая шкатулка» принял участие в областном фестивале-конкурсе «Кузбасский зимородок»; кандидат филологических наук, доцент Кузбасской госпедакадемии Анатолий Семенович Сазыкин для учащихся школ Новоильинского района (г. Новокузнецк) прочитал лекцию о творчестве известной шорской писательницы Тайаны Тудегешевой; в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского прошла встреча писателей Новокузнецкого филиала СП Кузбасса «В кругу друзей» с научными сотрудниками и читателями. За чашкой чая обсудили современную литературную жизнь региона, поделились творческими планами, познакомили собравшихся с только что вышедшими из печати юбилейным альбомом «Фотолетопись (1962-2012г.г.)»; в Новоильинском и Кузнецком филиалах библиотеки им. Н.В. Гоголя» состоялась творческая встреча А. Раевского с читателями. Поэт прочитал свои новые стихи, поделился творческими планами, рассказал о работе над новым сборником; новокузнецкий прозаик В.М. Неунывахин встретился с читателями Кузнецкого района в филиале библиотеки им. Н.В. Гоголя (г. Новокузнецк) и представил новый прозаический сборник «Всплохи памяти».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Первый номер альманаха «Бийский вестник» за 2013 год стал юбилейным. В нём напечатаны обращение С. Донбая к авторам и читателям альманаха и стихи Д. Мурзина.

Журнал «Литературный меридиан» в №2, 2013 года опубликовал стихи Виктора Коврижных, название подборки «За то, что радостно и гордо...»

«Наш современник» в третьей книжке за 2013 года напечатал большую подборку стихов Любви Никоновой «Звучит пространство музыкой простою». Предисловие для этой публикации написал Сергей Донбай.

В двенадцатом номере за прошлый год дальневосточного журнала «Сихоте-Алинь» напечатаны два рассказа Сергея Побокина: «На щуку... с кувалдой» и «Рядо-⁷⁸⁵вой Распекаев»

В Санкт-Петербургском литературном журнале «Северная Аврора» № 18 опубликован новый рассказ новокузнецкого прозаика Дмитрия Хоботнева «Остановка в ночи».

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Борис Бурмистров. Русской напето судьбой: Стихи – Кемерово: ООО «Азия-принт», 2012, – 68 с.

Владимир Мазаев. Синь-Тайга: Повести и рассказы /В.М. Мазаев. – ООО ПК «Офсет»; 2012. – 268 с.

Галина Золотаина. Как хорошо гулять среди поэтов: Стихи – Ленинск-Кузнецкий: Книжная серия «Библиотека» Литературной газеты «ЛИК», 2012. – 84 стр.

Виктор Чурилов. Стихотворения: Стихи – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2012. – 220 стр.

Екатерина Дубро. Зелёный виноград: Житейские рассказы и рассказочки. Стихотворения – Юрга, 2013 – 114 стр.

Подготовила Н. Мурзина

